

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Актуальные проблемы
внешней и внутренней политики
Российской Федерации**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

**26 (737)
2015**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution
for Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 2015

Issue 26 (737)

SOCIAL STUDIES

**RF FOREIGN AND INTERNAL POLICY :
CURRENT ISSUES**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 2015

Выпуск 26 (737)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА ВЕСТНИК МГЛУ

академик РАО, д-р пед. наук, проф. И. И. Халеева (*председатель*);
академик РАО, д-р психол. наук, проф. Н. Н. Нечаев (*заместитель председателя*);
д-р филол. наук, проф. А. А. Гаджиев (Азербайджан);
канд. пед. наук, доц. Н. П. Баранова (Беларусь);
д-р филол. наук, проф. Г. Р. Гаспарян (Армения); д-р филол. наук, доц. И. А. Гусейнова;
д-р филол. наук, проф. М. С. Имомзода (Таджикистан);
д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова; д-р истор. наук, проф. А. Я. Касюк;
д-р социол. наук, проф. Г. Ф. Красноженова;
д-р филол. наук, проф. С. С. Кунанбаева (Республика Казахстан);
Ph.D., проф. Ф. Г. Лодейро (Испания); Ph.D., проф. Лю Лиминь (КНР);
Ph.D., проф. Д. С. Маркес (Испания);
д-р филол. наук, проф. А. И. Мусаев (Республика Кыргызстан);
д-р филол. наук, проф. Л. А. Ноздрина; д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова;
д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. Ю. Е. Прохоров;
д-р пед. наук, проф. М. Н. Русецкая; д-р филол. наук, проф. Т. И. Семенова;
д-р филол. наук, проф. Т. С. Сорокина; д-р филос. наук, проф. Ю. А. Сухарев;
д-р филол. наук, проф. А. Н. Тарасова; проф. Х. Ли-Янке (Швейцария);
Ph.D., проф. А. Д. Ченки (Нидерланды); д-р юрид. наук, проф. Н. А. Шулепов;
Ph.D., проф. М. Форстнер (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Выпуск 26 (737). Серия Общественные науки

д-р истор. наук, канд. филол. наук, проф. А. Я. Касюк (*ответственный редактор*);
д-р филос. наук проф. И. К. Харичкин (*заместитель ответственного редактора*);
д-р полит. наук В. К. Белозеров; д-р истор. наук Л. Г. Ивашов;
д-р истор., доцент И. Кемаль Оглу (Турецкая Республика);
канд. военных наук, доц. А. Б. Логунов; д-р социол. наук, проф. И. В. Образцов;
д-р социол. наук, доцент В. Л. Примаков;
д-р истор. наук, профессор В. М. Плоских (Киргизская Республика);
д-р полит. наук, доц. Ю. В. Синчук; канд. истор. наук В. А. Соловьев

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белозёров В. К., Улитина М. О.</i>	
О желаемом международном имидже России	9
<i>Браиловская Т. В.</i>	
Особенности истории становления российско-британских отношений	27
<i>Галушко А. Ю.</i>	
Греко-болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарами	38
<i>Галушко Ю. А.</i>	
Крымская война как вектор внешней политики Великобритании в середине XIX века	51
<i>Емельянов А. И.</i>	
Институционализация интеграционных процессов в Латинской Америке в современных условиях	66
<i>Загуляев А. Ф.</i>	
Понятие «европейская солидарность» в современном политическом диалоге на примере обсуждения возможности референдума о выходе Великобритании из Европейского союза	75
<i>Касюк А. Я., Криворучко А. А.</i>	
Первая мировая война: итоги и уроки	91
<i>Колесников А. А.</i>	
Геополитическая составляющая возвращения Крыма в состав России: взгляд из России и Турции	108
<i>Кравченко Е. И.</i>	
Существует ли феноменологическая социология?	113
<i>Криворучко А. А.</i>	
Конфликт в Косово как составная часть общего кризиса в бывшей Югославии: история вопроса	122
<i>Лишин Н. А.</i>	
Особенности русской тактики ведения боя П. А. Румянцевым (1770)	130
<i>Маткаримова Г. В.</i>	
Динамика развития этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе	136

<i>Михалёв Ю. А.</i>	
Роль Интернета в политике государств современного мира	147
<i>Небренчин С. М.</i>	
Геополитическое противоборство в Евразии XXI веке	155
<i>Образцов И. В., Журавлева В. В.</i>	
Социально-психологический портрет абитуриента МГЛУ	165
<i>Печищева Л. А.</i>	
Гуманитарное сотрудничество между Германией и Непалом на рубеже XX–XXI вв.	177
<i>Примаков В. Л.</i>	
Социальные источники возникновения и тенденции распространения молодежного экстремизма в России	182
<i>Сидорова Г. М.</i>	
Дестабилизация обстановки в Демократической Республике Конго в контексте активизации незаконных вооруженных формирований	196
<i>Станевич А. Ю.</i>	
Социальное настроение: методология и методы социологического исследования	207
<i>Шершнёв И. Л.</i>	
Силы и средства общественной дипломатии (политологический аспект)	220

CONTENTS

<i>Belozеров V. K., Ulitina M. O.</i> The Desirable International Image of Russia	9
<i>Brailovskaya T. V.</i> The History of the Formation of Russian-British Relations	27
<i>Galushko A. Ju.</i> Greek-Bulgarian Church Conflict: Russia's Interests Between the Greek and Bulgarian	38
<i>Galushko Y. A.</i> The Crimean War as a Vector of Foreign Policy of Great Britain in the Mid-19 th Century	51
<i>Emelianov A. I.</i> Political Science Department Latin-American Institutionalization of Integration Processes Within the Current Conditions	66
<i>Zaguljaev A. F.</i> European Solidarity Concept in Modern Political Dialogue and the Discussion on Possible British Referendum Withdrawal from the European Union	75
<i>Kasyuk A. Ya., Krivoruchko A. A.</i> World War the First: Total Results and Lessons	91
<i>Kolesnikov A. A.</i> Geopolitical Aspect of Crimea's Homecoming to Russia: Russian and Turkish Perspective	108
<i>Kravchenko E. I.</i> Is There a Phenomenological Sociology?	113
<i>Krivoruchko A. A.</i> Conflict in Kosovo as the Component Part of General Crises in the Former Yugoslavia: History of Problem	122
<i>Lishin N. A.</i> Peculiarities of Russian Military Tactics Which Was Combated by P. A. Rumayntsev (1770)	130
<i>Matkarimova G. V.</i> Dynamics of Ethno-Confessional Tension In Moscow Metropolitan Area	136
<i>Mikhalev Y. A.</i> The Role of the Internet in the Policy of Modern States	147

<i>Nebrenchin S.</i>	
Geopolitical confrontation in Eurasia in XXI century	155
<i>Obraztsov I. V., Zhuravleva V. V.</i>	
Social and Psychological Portrait of the Typical Entrant of MSLU	165
<i>Pechishcheva L. A.</i>	
Humanitarian Cooperation Between Germany and Nepal at the Turn of the 20 th –21 st Centuries	177
<i>Primakov V. L.</i>	
Social Sources of Emergence and Tendencies of Spread of Youth Extremism in Russia	182
<i>Sidorova G. M.</i>	
Destabilization of the Situation in the Democratic Republic of Congo in the Context of Action Armed Groups	196
<i>Stanevich A. Yu.</i>	
Social Mood: Methodology and Methods of Sociological Study	207
<i>Shershnev I. L.</i>	
Power and Means of Public Diplomacy (the Political Component)	220

УДК 327

В. К. Белозёров, М. О. Улитина

Белозёров В. К., доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии МГЛУ; e-mail: vk_belozerov@mail.ru

Улитина М. О., аспирантка кафедры политологии МГЛУ; e-mail: ulitina_marina@rambler.ru

О ЖЕЛАЕМОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ИМИДЖЕ РОССИИ

В статье обосновывается необходимость наличия четко сформулированного желаемого имиджа России. Приводится краткий обзор зарубежного опыта подобной деятельности. Предлагается желаемый имидж России. Делается вывод о том, что наличие такого образа является необходимым условием эффективности деятельности по формированию международного имиджа Российской Федерации.

Ключевые слова: международный имидж России; желаемый имидж; восприятие страны в мире; алгоритм формирования международного имиджа; государственная стратегия России.

Belozerov V. K.

Dr.Sci. (Pol. Sci.), Head of the Chair of Political Science, MSLU;
a-mail: vk_belozerov@mail.ru

Ulitina M. O.

Postgraduate at the Chair of Political Science, MSLU; e-mail: ulitina_marina@rambler.ru

THE DESIRABLE INTERNATIONAL IMAGE OF RUSSIA

The article makes the case for accurately articulated desirable image of Russia, provides the brief review of the relevant international experience in this area and offers the key points of desirable image of Russia. In the end the authors arrive at the conclusion that being of such an image is the necessary requirement for effective activity on the way toward formation of international image of the Russian Federation.

Key words: international image of Russia; desirable image; perception of the state in the world; international image formation algorithm; Russia's national strategy.

Современная международная обстановка в силу известных причин является весьма непростой для нашей страны. На Россию оказывается беспрецедентное силовое давление в виде экономических санкций, усиления военного присутствия близ ее границ и иными способами. Сообразно такой стратегии предпринимаются

и целенаправленные и последовательные, специально организованные усилия по дискредитации нашей страны и ее политики в глазах мирового сообщества. Действуя подобным образом, политические оппоненты России стремятся реализовать свои интересы. Отсюда правомерно утверждать, что создание негативного международного имиджа современной Российской Федерации выступает одновременно и как цель, и как технология таких действий.

В сложившихся условиях перед нашей страной встают задачи по организации имиджформирующей деятельности. Причем по временному параметру их можно условно разделить на две группы: краткосрочные и долгосрочные. Условным такое разделение является потому, что эти задачи тесно связаны между собой и объединены необходимостью формирования позитивного имиджа России. Разумеется, что задачи краткосрочного характера подчиняются решению задач долгосрочных.

Вместе с тем природа краткосрочных и долгосрочных задач имеет существенные отличия, чем и должен обуславливаться выбор используемых для их решения средств, ресурсов и методов действий. Краткосрочные задачи требуют оперативного реагирования. Такими может оказаться незамедлительная нейтрализация разовых враждебных и деструктивных информационных акций или их упреждение. Подобной тщательно спланированной акцией можно считать, например, откровенно антироссийскую интерпретацию событий, связанных с крушением «Боинга» на Украине в июле 2014 г.

Перманентное и приоритетное оперативное реагирование объективно содержит в себе опасность забвения стратегических (по своему характеру) действий по формированию имиджа России. Отсюда ясно, что интересы решения краткосрочных и оперативных задач не должны заслонять понимания и перспективного и конкретизированного видения того, какой должен быть у России международный имидж. В этой связи отечественными специалистами совершенно правомерно ставится вопрос о необходимости выработки долгосрочной имиджевой стратегии России [3].

Следует также отметить, что в исследованиях подобного рода в большинстве случаев необоснованно обходится вопрос о том, какой международный имидж нашей страны должен сложиться в результате специально организованной деятельности.

Понятие желаемого имиджа страны

Имиджформирующая деятельность требует наличия желаемого образа, который будет выступать ее ориентиром. Разумеется, в условиях глобализации и информационного общества международный имидж России не является единым монолитом и раз и навсегда устоявшимся образованием. Он расплывчат, неоднозначен и формируется в различных регионах мира и странах по-разному. Следует констатировать и наличие серьезного диссонанса в представлениях мирового сообщества о реальном образе и потенциале нашей страны.

Однако, несмотря на существующие проблемы, по своей политической значимости, влиянию на мировую политику де-факто Россия остается одной из великих держав и несет особую ответственность за планету. Следует отметить и геополитическое и геостратегическое положение России как «осевого района мира». Существуют и другие признаки, позволяющие и в современных условиях отнести Россию к великим державам. Можно назвать ее уникальный ресурсный потенциал, высокий уровень образования населения, значительный научно-технический задел и др. Названные и иные обстоятельства, такие как масштабы страны, ее историческое и культурное наследие, объективно способны повысить статус России в мире. К сожалению, в силу различных причин они не используются в полной мере.

Ознакомление же с результатами исследований образа России, сложившегося в разных странах, показывает, что неопределенный, а часто негативный образ может отрицательно сказаться на формировании ее отношений с мировым сообществом и отстаивании национальных интересов [1; 3; 5; 10–12; 15; 20–21].

Анализ содержания доктринальных документов государственной политики России, официальных установок свидетельствует о том, что руководством государства осознается необходимость развертывания системной работы над имиджем страны, поскольку именно от него во многом зависит торгово-экономическая, инвестиционная, технологическая и иная успешность на мировой арене. Не вызывает сомнений то, что продвижение позитивного внешнего имиджа Российского государства в международном информационно-коммуникативном пространстве должно вестись с опорой на имиджевый потенциал страны. Элементами имиджевого потенциала государства являются природное и историческое

наследие, достижения культуры, науки, спорта, туристическая привлекательность его регионов. Полноценное использование указанных феноменов может обеспечить России позитивное восприятие в мире и будет содействовать реализации национальных интересов как внутри страны, так и в сфере международных отношений.

Вместе с тем чтобы понять, на чем должна основываться деятельность по формированию положительного имиджа России, важно заблаговременно определить, какой желаемый имидж нужен нашей стране для продвижения своих национальных интересов и грамотного позиционирования своих сильных сторон за рубежом. **Желаемый международный имидж страны** выступает как *совокупность представлений, сложившихся о ней у целевых социальных групп за рубежом, обеспечивающих ее заданное восприятие*. Тем самым раскрывается его предназначение как инструмента решения актуальных внешнеполитических задач России и обеспечивает эффективную реализацию национальных интересов.

Необходимо учитывать, что в данном контексте имидж России фактически представляет собой ее послание миру о себе, будучи направленным на создание коммуникационной модели в мировом информационном пространстве, посредством которой формируется представление о том, как наша страна будет выстраивать диалог с другими странами и народами [4]. Действительно, в конечном итоге сформированный имидж нашей страны должен вызывать у реципиентов позитивные чувства к ней, уважение, способствуя налаживанию конструктивного диалога. Важно создать имидж России как страны, определившей относительно своего будущего, привлекательного и рождающего позитивные ассоциации как у своих граждан, так и у общественности за рубежом. Привлекательный имидж России можно расценить как инструмент распространения ее политических идеалов и культурных символов, привлекательность политических лидеров и культурных достижений, которые непрерывно транслируются по мировым каналам коммуникаций и заставляют позитивно говорить о себе на весь мир. В этой связи представляется правомерным утверждение о том, что «имидж страны – это ее послание, обещание и историческая перспектива» [4, с. 9].

Желаемый образ России по своему содержанию представляет собой совокупность характеристик, которые необходимо донести до целевых групп воздействия. Такой образ выступает как исходная

отправная точка, с которой разворачивается вся система деятельности по его формированию. Так, все субъекты, задействованные в этом процессе, должны иметь четкое представление о его замысле и о желаемых результатах. Отсутствие такого понимания может серьезно осложнить или даже свести на нет усилия по развертыванию имиджформирующей деятельности. Отсюда ясно, что сформулированный желаемый имидж России выступает как необходимое условие указанной деятельности. Как известно, под условием принято понимать то, от чего зависит нечто другое, что делает возможным наличие предмета, состояния, процесса и без чего данный процесс или предмет существовать не может [23].

Вышесказанное подтверждает, что желаемый имидж необходим и выполняет ряд важных функций, связанных с продвижением и позитивным восприятием России целевыми группами за рубежом. Как известно, положительный имидж способствует повышению авторитета и влияния государства, без чего невозможно достижение доверия, высокого политического рейтинга и репутации. В современных исследованиях имидж России обоснованно связывается с обеспечением национальной безопасности, обусловленной в том числе и восприятием нашей страны в различных регионах мира [5].

Сформулированный желаемый имидж напрямую связан с внутренней функцией международного имиджа, поскольку опирается на идентичность страны, самопонимание и самовосприятие ее граждан. Проблема отсутствия сформулированного желаемого имиджа России актуализируется и по мере активизации внешнеполитической деятельности нашей страны на том или ином направлении. Следует отметить, что при всей востребованности характеристик желаемого имиджа России, профильные научные разработки практически отсутствуют.

Анализ доктринальных документов Российской Федерации показывает, что в них желаемый имидж нашей страны официально не излагается, несмотря на то что он требуется для детального анализа и разработки соответствующих механизмов и принципов его продвижения на внутри- и на внешнеполитическом уровнях. Вместе с тем анализ указанных документов и установок позволяет понять, какой имидж должен быть у России и каково должно быть его содержание, поскольку в документах отражены национальные

ценности и интересы, политические приоритеты, отражена региональная их специфика.

Какой международный имидж страны нужен России?

В связи с рассматриваемой проблемой небезынтересно то, что в развитых зарубежных государствах признана инструментальная, прикладная функция желаемого образа страны, в развернутом виде он получает закрепление в официальных документах. Так, формирование национального бренда в ряде развитых стран фактически стало одним из приоритетов государственной политики [4].

Значительный интерес представляет, в частности, опыт Федеративной Республики Германия, где установки по позиционированию страны в международных отношениях определены в официальных документах внешнеполитического ведомства. В результате ставится задача по формированию следующего международного имиджа ФРГ:

– Германия – ответственный партнер и локомотив развития Европейского союза;

– Германия – надежный партнер в деле предупреждения и урегулирования политических, экономических, экологических кризисов и гуманитарных катастроф;

– Германия – открытая миру страна, выступающая против расизма и антисемитизма;

– Германия – страна, которая благодаря реформам и инновациям строит ориентированную на будущее и конкурентоспособную экономику;

– Германия гордится своими достижениями на благо человечества, не упуская из виду своих прежних заслуг;

– Германия – страна идей и центр перспективных научных исследований, привлекающий ученых со всего мира и генерирующий инновационные импульсы;

– Германия – родина всемирно известных современных художников, музыкантов, дизайнеров, архитекторов и спортсменов [2, с. 15].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что координирующую роль в процессе формирования международного имиджа играет именно внешнеполитическое ведомство ФРГ, которое формирует установки и создает рамки для имиджформирующей деятельности неправительственных организаций. Последние, в свою

очередь, опираются на поддержку со стороны государства. Для формирования заданного имиджа Германии активно используется Интернет, различные рекламные и маркетинговые инструменты, позволяющие продвигать конкретные идеи и ценности. Для ФРГ характерно то, что организация деятельности по формированию ее международного имиджа на протяжении всей истории страны консолидируется в рамках внешней культурной политики государства.

Фактически официальные установки отражают основные направления позиционирования современной Германии в мире (общественно-политическое, экономико-техническое и эмоционально-культурное). Можно сделать вывод о том, что международный имидж государства по своему содержанию должен отражать приоритеты его внешней политики. В случае с ФРГ таковыми являются политика, экономика и культура, что подчеркивает прямую взаимосвязь и в известной степени взаимозависимость указанных сфер. На примере Германии отчетливо проявляется и взаимозависимость внешней политики страны и ее образа, сложившегося за рубежом. Кроме того, следует отметить, что имиджформирующая деятельность государства строится с учетом градации целевых стран в зависимости от их значимости для Германии, что отражается на степени активности ФРГ и в выборе последовательности продвижения имиджевых доминант в разных регионах мира.

При этом, как показывает анализ профильной литературы и проводимых исследований, в современных условиях в ряде государств мира происходит все большее обособление внешней культурной политики, которая становится относительно самостоятельным направлением внешней политики [6; 14; 16; 19; 22; 26]. Данная тенденция свидетельствует о признании важности фактора «мягкой силы», силы идей в процессе отстаивания национальной идентичности и продвижения национальных интересов в современном мире. Очевидно, что решить названные задачи не представляется возможным без использования потенциала национальной культуры и демонстрации миру достижений страны.

В условиях же глобализации имидж (бренд) приобретает чрезвычайное значение. Саймон Энхолт, известный британский специалист в области странового брендинга, в этой связи правомерно отметил, что «без позитивной репутации, или “национального бренда” (*nation-brand*), ни одно государство не сможет постоянно бороться за потребителей, а также добиваться уважения и внимания

других стран... Все знают, какое влияние оказывает фактор страны-производителя на решение приобрести ту или иную вещь. Чтобы понять, насколько может быть значим брэнд страны, вспомните хотя бы, как люди хотят покупать немецкие автомобили, японскую электронику, итальянские модные изделия и французскую еду» [24, с. 107].

Для современной России актуально то, что имидж способен обеспечить инвестиционную привлекательность страны. Действительно, для того чтобы политические и экономические параметры стали выглядеть привлекательными для инвестирования средств, в современном мировом сообществе составляющими бизнес-имиджа должны быть цивилизованность, прозрачность и социальная ответственность (экологическая и технологическая безопасность, финансирование образовательных и научных программ, разработка социальных пакетов для сотрудников предприятий и компаний и др.). Характерно, что В. В. Путин подчеркивает важность этих качеств для России: «Нам нужна своего рода инвестиционная карта России, необходимо дать инвесторам ясный сигнал, на каких территориях выгоднее, разумнее работать, создавать те или иные производства и на какую поддержку государства бизнес может и вправе рассчитывать в ближайшее время. Используя наши конкурентные преимущества, нужно стимулировать миграцию производства из других регионов в Россию» (<http://президент.рф/выступления/17118>).

Экономическое развитие нашей страны в настоящее время все более зависит от того, насколько успешно сформирован и продвигается на мировой арене ее брэнд. Следовательно, в современных условиях формирование и продвижение такого брэнда становится важной задачей государственных институтов, чья деятельность так или иначе связана с восприятием России в мире. При этом последовательность работы с брэндом страны фактически совпадает с аналогичной в маркетинге: прежде чем начинать продвигать брэнд, нужно определиться с целевым рынком (к кому мы обращаемся и что хотим получить), с ожиданиями потенциальных потребителей продукта и с тем, какие из этих ожиданий наш продукт оправдывает, чтобы сконцентрироваться на них при продвижении брэнда [24].

Практика показывает, что создание полноценного национального брэнда, как правило, приносит ощутимые экономические дивиденды. Так, какому-либо банку практически невозможно получить кредитный рейтинг выше того, который выставлен стране ведущими

рейтинговыми агентствами. Привлекательный брэнд территории не только ставит товары на полки мировых супермаркетов, но и обеспечивает приток долгосрочных инвестиций. Для инвестора имидж и репутация страны – важнейшие факторы, влияющие на принятие решений относительно вложения средств. Между тем специалисты констатируют наличие проблем по продвижению нашего странового брэнда. Так, директор по исследованиям и специальным проектам агентства «Imageland Public Relations» Евгений Кузнецов констатирует: «Что сегодня значит *made in Russia*? Ничего. Даже наша нефть воспринимается как далеко не самая качественная» [24].

В этой связи есть основания утверждать, что опыт успешного построения брэнда страны и позиционирования ведущих мировых держав на международной арене может быть заимствован и нашей страной и адаптирован с учетом национальных особенностей, потенциала, внешнеполитических задач и национальных интересов. Кроме того, представляется целесообразным осуществить официальное оформление основных доминант и установок, согласно которым будет проводиться работа по формированию желаемого образа нашей страны за рубежом уполномоченными министерствами и ведомствами. Таким документом может выступить, например, приложение к Концепции внешней политики Российской Федерации.

Желаемый образ России является комплексным феноменом. Он состоит из отдельных компонентов, являющих собой относительно самостоятельные брэнды и отражающих имиджевый потенциал страны. Несмотря на то что интерес к проблеме имиджа в современной науке постоянно возрастает, проблема желаемого имиджа страны в России все еще остается вне внимания отечественных исследователей. В практическом же плане наличие требуемого, желаемого образа России обеспечивает наличие ориентира, на достижении которого должна быть сосредоточена имиджформирующая деятельность. Такой имидж должен обеспечить требуемое восприятие ценностей и интересов России в мире, способов их отстаивания. Следовательно, правомерно утверждать об инструментальной, прикладной функции идеального имиджа России.

Формирование международного имиджа России должно строиться с учетом особенностей географического положения страны, ее традиций и культуры, организации политической и экономической жизни, этнического и конфессионального состава населения, разделяемых ценностей и убеждений. Кроме того, нельзя не учитывать

положение страны в мировом сообществе, членство в международных организациях, характер отношений с теми или иными странами, роли, которые государство реализует на международной арене. Привлекательностью России для других государств, прежде всего ее соседей, в значительной степени определяется интеграционный потенциал нашей страны [25].

С учетом изложенного в дискуссионном плане может быть предложен следующий перечень доминант, на которых может основываться желаемый образ России в мире:

- Россия – страна с великой достойной, самобытной и драматичной историей, выстоявшая в сложных условиях, неоднократно спасавшая Европу и весь мир от уничтожения;

- народ России в течение веков освоил огромное пространство, отстоял его, осознает ответственность за него, отличается трудолюбием и упорством;

- Россия – уникальный пример мирного сосуществования и взаимного обогащения и развития многих народов, обладающих различной культурой, отличающихся в этническом и конфессиональном плане, но объединенных общей исторической судьбой и общей единой Родиной;

- Россия – страна великой культуры и науки, давшая миру выдающиеся и общепризнанные достижения;

- Россия обладает огромными ресурсами для социально-экономического, культурного и образовательного развития и целенаправленно создает условия для раскрытия своего потенциала;

- Россия осознает проблемы, препятствующие ее устойчивому развитию и обеспечению национальной безопасности, и настойчиво и последовательно их решает;

- Россия будет твердо отстаивать свою независимость, суверенитет, идентичность, исторически сложившееся политическое устройство, право определять путь своего развития и проводить самостоятельную политику в соответствии с нормами международного права;

- Россия открыта для сотрудничества со своими партнерами и союзниками на равноправной основе и безукоризненно выполняет свои обязательства в отношениях с ними;

- Россия осознает свой статус в мировой политике, вносит существенный вклад в решение глобальных и региональных проблем

и имеет собственное видение устройства мира, ее политика целенаправленна и последовательна.

Изложенные доминанты отражают приоритеты государственной политики Российской Федерации и связаны с реализацией ее национальных интересов, что обеспечивается посредством специально сформированного внешнеполитического имиджа. Приведенные характеристики подчеркивают сильные стороны нашей страны и ориентированы на формирование ее желаемого образа.

Как формировать международный имидж России

Каждая из приведенных характеристик желаемого имиджа России имеет свои особенности. Так, историко-культурный аспект обоснованно можно считать одним из самых важных при определении приоритетов позиционирования России за рубежом. Продвижение имиджа России в указанной сфере детерминировано в первую очередь необходимостью минимизации негативных последствий прошлого и преодоления стереотипов, препятствующих объективному восприятию страны. Распространяя информацию о богатстве, уникальности и самобытности российской истории, жертвенности и героизме российского народа-победителя, уникальном этническом и конфессиональном составе страны, ее вкладе в формирование современного мироустройства, основной акцент, тем не менее необходимо делать на новейшую историю и возрождение России в качестве реального актора мировой политики, который требует считаться с собой.

Деятельность в этой сфере способствует также привлечению внимания мировой общественности к российской культуре и искусству, театру, музыке, литературе, кино, спорту. С этой целью проводятся различные мероприятия, которые являются предметом отдельного анализа.

Особое внимание на культурном направлении помимо сохранения «культурного многообразия» важно уделять интенсификации диалога и совместной работе между странами в данной сфере, что позволит быстрее достичь доверительных отношений и будет способствовать успешной реализации собственных инициатив.

При целенаправленном формировании привлекательного имиджа России государство должно не только бороться с искаженными стереотипами и заведомо ложной информацией, пропагандировать

достижения российской культуры, русского языка и конкурентных преимуществ страны, но и избегать использования административного ресурса для создания эфемерных образов (строительства «потемкинских деревень») и укрепления позиций тех или иных групп интересов. В этом отношении правомерно утверждение А. А. Громыко, что «Россия до сих пор не научилась по-настоящему осуществлять первое (систематически продвигать привлекательные стороны своего образа) и избегать второго (путать защиту государственных интересов с защитой интересов отдельных групп политического истеблишмента), хотя в последние годы здесь произошли положительные сдвиги» [6, с. 10].

Что касается общественно-политического вектора, то для России основной внешнеполитической задачей является проведение независимого курса, продиктованного национальными ценностями и интересами. Россия все более осознает свою роль ключевого игрока на международной арене и подчеркивает свою ответственность за обеспечение безопасности в мире путем мирного урегулирования кризисных ситуаций, противодействия терроризму, распространению и использованию ядерного оружия и т. д. Россия открыто заявляет в этой связи о своих внешнеполитических приоритетах в официальных доктринальных документах.

Желаемый имидж России на экономическом направлении базируется на продвижении ее как стабильного и перспективного партнера, не только как традиционного производителя сырья, что сложилось благодаря уникальному географическому положению страны и составу ресурсной базы, но и с учетом ориентации на сотрудничество в инновационных сферах, в которых страна добилась значительных успехов. Особое значение здесь уделяется поддержке талантливой молодежи, в руках которой будущее страны, а также обеспечению высокого уровня образования и наращиванию человеческого капитала.

Важно отметить, что процесс создания желаемого имиджа должен носить дифференцированный характер и его следует осуществлять, основываясь на различных моделях. В этой связи важным является выделение целевых стран в соответствии с их ролью во взаимоотношениях с Россией. Такой подход проявляется, в первую очередь, в выборе последовательности продвижения имиджевых доминант в разных регионах в соответствии с национальными

интересами России и с учетом особенностей политических процессов выбранных стран.

Одним из первых необходимых шагов должна стать выработка теоретических основ имиджформирующей деятельности, определение ее целей, задач и методов. Первоначальная задача должна заключаться в тщательном изучении текущего имиджа России в иностранных государствах, на основе чего может быть разработана модель желаемого имиджа России в конкретной стране или регионе и программа практических мер и шагов по претворению ее в жизнь. Важно при этом, чтобы частная региональная модель желаемого имиджа была релевантна более общей, выработанной на государственном уровне, и не противоречила ей [13, с. 22].

При оценке факторов, которые формируют процесс имиджевой коммуникации, задавая его форму и содержание, следует учитывать то, что основным из них является фактор определения целевой аудитории. Именно интересы и ожидания общества (целевой аудитории) обуславливают характеристики других факторов имиджевой коммуникации – коммуникаторов, каналов коммуникации, содержания и параметров передаваемых сообщений (особенностей текстов и контекстов).

Основой же для определения аргументов при подготовке имиджевого сообщения, выборе канала коммуникации является заранее сконструированная модель позитивного образа страны, формирование которой должно быть достигнуто в представлении целевой аудитории (конкретных людей, референтных групп общества, политической элиты и лидеров и др.). Приоритетной целевой аудиторией в модели имиджевой коммуникации является лицо или группа лиц, принимающих сообщения, которые несут определенный текст имиджевого характера. Реакция аудитории на сообщение определяет результативность коммуникации и характеризуется степенью достижения цели коммуникации с учетом ограничения на затраченные ресурсы. Успех или результат коммуникации может быть различным. При этом сообщение создает или изменяет отношение аудитории к предмету коммуникации, влияя на психологическое состояние этой аудитории.

Исследования механизмов реального воздействия на психологические установки аудитории позволяют сделать вывод о существовании различных типов аудитории как объектах имиджевой

коммуникации. Так, например, Э. Роджерс и Р. Агарвала выделили 5 типов целевой аудитории, которые различаются в силу их отношения к новым идеям¹ [18]. Другой вариант классификации предложен отечественным исследователем Г. В. Пушкаревой² [17]. Продуктивным представляется вывод Ю. Г. Жегловой о том, что восприятие России в мире, и в частности, в США, ограничивается сложившимися устойчивыми установками населения и политической элиты [3].

Учет распределения групп общественности важен для продвижения позитивного образа страны как внутри нее, так и за ее пределами, поскольку позволяет предвидеть реакцию на те или иные шаги власти, а также их трактовку в СМИ. Отсюда важно определить ту часть общественности, которая имеет выраженные позитивные установки по восприятию всего нового, и сконцентрировать усилия имиджевой коммуникации на овладении ее вниманием. Кроме того, дифференциация целевых аудиторий должна помочь правильно выбрать канал коммуникаций, сформировать сообщение и контекст отношений властей, имиджмейкеров и общественности.

При этом любой конструируемый имидж, в том числе желаемый международный имидж государства, должен быть целостным и соответствовать внутреннему и внешнему имиджу. Вместе с тем подходы к их формированию могут отличаться в зависимости от

---

¹ *Инноваторы* мобильны, имеют широкие связи за пределами своей организации или традиционного круга общения, готовы воспринимать новые идеи. *Ранние адапторы* – уважаемая группа, интегрированная в локальную группу и представляющая в ней лидеров мнения. *Раннее меньшинство* – колеблющиеся представители общества. *Позднее меньшинство* – скептики, принимающие решения, когда большинство уже совершило свой выбор. Для них особенно важным является давление окружающих. *Поздние адапторы* – *традиционалисты*, которые, как правило, последними принимают решение и весьма подозрительно относятся к новым идеям.

² *Активно поддерживающие* – в силу таких причин, как совпадение ценностных ориентаций, интересов, высокая идентификация; *пассивно поддерживающие* – согласны с основными позициями и ценностями, но воздерживающиеся от активных самостоятельных действий в их поддержку; *занимающие нейтральную позицию* – не имеют четко выраженной позиции, не обладают ярко выраженными симпатиями; *настроенные недоверчиво* – имеют сформировавшееся предубеждение, не верят в возможности данного субъекта (страны) / либо активно симпатизирующие другой стране; *враждебно настроенные* – активные сторонники другого субъекта.

различных групп общественности. Такая ситуация вполне естественна, поскольку имидж формируется в обществах, имеющих различные политические системы и политическую культуру, систему социальной коммуникации. Кроме того, страны имеют различные международные статусы и разные установки по отношению к России. Поэтому имиджевые акценты будут различными для США, стран Евросоюза, Азии, постсоветского пространства и т. п. По-разному расставляются акценты и для зарубежных политиков, элит, инвесторов, СМИ, потребителей российских товаров и т. д.

Помимо адресности, т. е. ориентации на определенную целевую аудиторию, необходимо выделить следующий алгоритм достижения желаемого международного имиджа России:

- 1) комплексный анализ текущего имиджа, исследование сильных и слабых сторон;
- 2) изучение имиджа конкурирующих стран в зависимости от поставленных стратегических задач;
- 3) соответствие и следование национальным интересам и ценностям;
- 4) выделение приоритетов и их позиционирование – предъявление отличительного преимущества перед другими объектами, согласно ожиданиям конкретной целевой аудитории;
- 5) учет региональной специфики и особенностей коммуникации в конкретном целевом регионе;
- 6) соответствие средств и способов доведения желаемой информации до конкретной целевой группы / аудитории;
- 7) учет ожиданий целевых аудиторий;
- 8) выбор правильных механизмов при позиционировании государства.

Учитывая неразрывность внешнего имиджа с внутренним, следует отметить, что эффективность процесса позиционирования России на международной арене в значительной степени определяется тем, как граждане идентифицируют себя и свою страну.

Выстраивание коммуникации предполагает в конечном итоге изменение поведения целевых групп и строится в определенной логической последовательности (см. рис. 1).

Проведенный анализ показал, что в условиях обострившейся международной обстановки деятельность по формированию международного имиджа России сопряжена с особыми трудностями и, думается, такая ситуация сохранится в ближайшие годы.

Обстановка осложняется совокупностью объективных и субъективных факторов. К первым следует отнести такие разнонаправленные векторы, как мощный имиджевый потенциал России, постоянное деструктивное информационное воздействие на нашу страну и др. Названные обстоятельства отличаются константным действием и устойчивостью, их трудно изменить быстро.

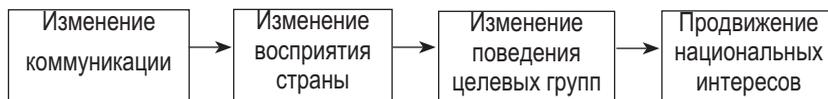

Рис. 1. Изменение поведения целевых групп как результат изменения коммуникации

Иная ситуация складывается с субъективными факторами: они во многом определяются желанием субъекта что-то изменить. В данном случае ограничимся лишь указанием на отсутствие у современной России четкой и убедительной, понятной отечественной и зарубежной общественности государственной стратегии развития страны (несмотря на обилие доктринальных документов). По отношению к такой стратегии желаемый имидж выступает как вторичной образование.

В этих условиях России нужно суметь правильно заявить миру о том, что она собой представляет, какие у нее ценности и интересы, как она будет их отстаивать. Последовательно внедряемый в массовое сознание желаемый имидж страны позволит выступить консолидирующей основой, обеспечивающей единство действий институтов государства и гражданского общества. Идеальный имидж России не может быть предложен международному сообществу и не достигнет необходимого результата, если будет отторгаться самими ее гражданами, если среди них не будет понимания того, как наша страна видит себя в мире, если в обществе не будет единства в вопросах идентичности и системы ценностей нации. Иными словами, наличие четко сформулированного и разделяемого гражданами желаемого международного имиджа России выступает как необходимое условие эффективности имиджформирующей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокова Н. А.* Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР: автореф. ... дис. канд. полит. наук. – М., 2011. – 28 с.

2. *Благова Ю. А.* Формирование международного имиджа ФРГ в мировом политическом процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2013. – 22 с.
3. *Вартанова Е. Л., Бакулин О. А.* Особенности формирования образа современной России в СМИ США (по материалам электронных версий газет «Вашингтон Пост» и «Ю.Эс.Эй. Тудэй» 2006–2007 гг.) // Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. –
4. *Василенко И. А.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта. – М. : Международные отношения, 2013. – 512 с.
5. *Виноградова Н. А.* Политико-психологический анализ образа России в англо-американских печатных СМИ: исследование 2008–2009 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2010. – 28 с.
6. *Громыко А. А.* Образы России и Великобритании: реальность и пред-рассудки. – М. : Ин-т Европы РАН ; Русский сувенир, 2008. – 96 с.
7. *Жеглова Ю. Г.* Стратегическое партнерство как формат межгосударст-венных отношений // Проблемный анализ и государственно-управлен-ческое проектирование. – Т. 7. – 2014. – № 3. – С. 115–122.
8. *Касюк А. Я., Харичкин И. К.* Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник Московского университета (Серия 12. Политические науки). – 2015. – № 1. – С. 25–34.
9. *Косенко С. И.* Культурная политика как атрибут «мягкого могущества» Франции // Власть. – 2012. – № 2. – С. 22–27.
10. *Крашенинникова В. Ю.* Америка-Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. – 392 с.
11. *Куланов А.* Россия и Япония. Имиджевые войны. – М.: АСТ, 2007. – 480 с.
12. *Лаптева Е. В.* Американское россиеведение: образ России. – Пермь : ПГПУ, 2004. – 119 с.
13. *Лябухов И. В.* Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2011. – 23 с.
14. *Мошняга П.* Внешняя культурная политика Японии // Власть. – 2009. – № 6. – С. 159–161.
15. Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: сб. ст. / отв. ред. Н. Ю. Лапина. – М. : РАН. ИНИОН, 2012. – 296 с.
16. *Огнева А. В.* Германия: от культурного империализма к стратегии равноправного партнерства // Международная жизнь. – 2012. № 4. – С. 123–138.

17. *Пушкарева Г. В.* Политический менеджмент. – М.: Дело, 2002. – 400 с.
18. *Роджерс Э.* Коммуникации в организациях / пер. с англ. – М.: Экономика, 1980. – 176 с.
19. *Рыбакова М. Г.* Массовая культура и ее влияние на политический имидж государства (на примере США): дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2006. – 183 с.
20. *Рябцева Е. Е.* Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX в.). – Астрахань: АФ МОСУ (АСИ), 2001. – 397 с.
21. *Тренин Д. В.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. – М.: Центр европейских реформ; Моск. Центр Карнеги, 2012. – 74 с.
22. *Филимонов Г. Ю.* Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: Монография. – М.: РУДН, 2012. – 408 с.
23. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с.
24. Фуколова Ю. Как подать родину // Коммерсантъ. Секрет Фирмы. – 2005. – № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/861876>
25. *Чернышов Ю. Г.* Имидж России и проблемы интеграции на постсоветском пространстве: материалы конференции «Стратегии политического развития России», 5–6 февраля 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rap.ru/in.php?part=in&gr=72&d=137&n=35&p=0&to=>
26. *Шеррер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4 (46). – С. 89–108.

УДК 327:9

Т. В. Браиловская

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и географии МГЛУ;
e-mail: bratania58@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена истории становления отношений России и Великобритании на протяжении XVI–XVIII вв. Автор обращается к проблемам установления торгово-экономических и дипломатических отношений между странами, особенностям их развития в разные исторические периоды, а также их влияния на изменение роли России в Европе.

Ключевые слова: место России в Европе; проблемы российской дипломатии на европейском направлении; историческая роль России в Европе; торговые и дипломатические отношения России и Великобритании.

Brailovskaya T. V.

The Head of History and Geography Chair; e-mail: bratania58@mail.ru

THE HISTORY OF THE FORMATION OF RUSSIAN-BRITISH RELATIONS

This paper deals with the peculiarities of the history of the formation of Russian – British relations from 16th up to 18th century. The author gives insight into the problems of the standing trade, economical and diplomatic relations between the countries, its main features of historical connections in the different historical periods and its influence on the changing Russia's role in Europe

Key words: Russian politics; the problems of Russia's diplomacy and trade; historical connections with England; new stage of Russia's political development in Europe; Russia and Great Britain.

Актуальность исследования российско-британских отношений в современном мире обусловлена главным образом той ролью, которую играют державы в Европе и мировой политике [2]. История двусторонних отношений России и Великобритании насчитывает более трех столетий и привлекала внимание таких российских ученых, как Н. А. Ерофеев, А. Б. Иоффе, П. П. Севостьянов, В. Я. Сиполс, В. Г. Трухановский и др.

Современными англоведами в 1992 г. создана Ассоциация британских исследований, президентом которой до 2000 г. был В. Г. Трухановский и которая издает сборники «Россия и Британия»,

но специального научного труда по истории российско-британских отношений пока нет.

В статье предпринята попытка систематизировать основные этапы возникновения и становления торговых и дипломатических отношений России и Великобритании и их влияние на изменение роли России в Европе.

Корни дипломатических отношений между нашими странами лежат в XI в., когда были установлены династические связи великих киевских князей с королями Англии в результате женитьбы Владимира Мономаха на дочери последнего англосаксонского короля Гарольда Гиты, которой на Руси дали имя Гита Саксонка. Тогда же были налажены и торговые связи между двумя странами, прерванные ордынским нашествием и периодом 240-летнего ига на Руси. Поэтому в XVI в. двум странам пришлось заново открывать друг друга.

В 1507 г. датский король Иоанн отправил в Россию корабль с военным снаряжением и мастерами-пушкарями из Шотландии. В начале 1525 г. русские послы во главе с князем И. И. Засекиным, направляясь в Испанию, посетили Англию и нанесли первый в истории русско-английских дипломатических отношений визит в эту страну [6].

Английское открытие России произошло на четверть века позже – в 1553 г. экспедиция Хью Уиллоби и Ричарда Ченслера, отправившись на поиски новых торговых путей в Китай и Индию, остановилась в устье Северной Двины, в том месте, где впоследствии вырос город Архангельск. Английский корабль «Эдуард – Благое предприятие» замерз во льдах, и в январе 1554 г. уже сухопутным путем Р. Ченслер приехал в Москву и был принят Иваном Грозным, а через год вернулся в Англию, где царствовал уже не Эдуард VI, а королева Мария I Тюдор (Кровавая) и ее супруг, король Испании Филипп II [6].

Именно Р. Ченслер первый познакомил англичан с Московской Русью, написав книгу «О великом и могущественном царе русском и великом князе Московском», за что и был возведен в ранг королевского посла.

Весной 1555 г. на том же корабле Р. Ченслер прибыл вновь в Московию для заключения постоянного торгового договора – тогда была основана Московская компания в Лондоне и Аглицкая – в Москве. Об этом повествует Никоновская летопись – русский

летописный свод XVI в., названный по принадлежности одного из списков патриарху Никону и хранящийся сегодня в Москве на Большой Пироговской улице в Российском государственном архиве древних актов.

В летописи Р. Ченслер назван «Рыцартом», а его спутник, представитель Московской компании George Killingworth – Юрием. В обратный путь Р. Ченслер отправился в сопровождении русского посла – первого посла России в Англии – заместника Вологодского Осипа Григорьевича Непеи. На корабле везли русские товары – воск, сало, тюлений жир, войлок и канатную пряжу.

В летописи рассказывается о кораблекрушении у берегов Шотландии, в результате которого погибли Р. Ченслер, большая часть экипажа и пропал почти весь груз, но О.Г.Непея был спасен в Шотландии, откуда с трудом добрался до английской границы. В Лондоне («большом городе Луньском», как его называет летопись) его ожидал торжественный прием у лорд-мэра со старшинами и аудиенция у короля и королевы. За 12 миль от столицы он был встречен отрядом из 80 английских торговцев, утром ему была подарена богато убранная верховая лошадь. К его шествию примкнули 140 купцов. Король Филипп в это время был во Фландрии, поэтому прием отложили до 25 марта, когда О.Г.Непея был представлен королю и королеве. Затем он вел переговоры с королевским секретарем, высоко отзывавшимся о степенности, рассудительности и сановитости русского посла. 23 апреля, в день Св. Георгия, общегосударственный праздник святого-покровителя Англии, Осип Непея получил отпуск и прямо из дворца отправился в Вестминстерский собор, где присутствовал на торжественном богослужении по случаю праздника ордена Подвязки, учрежденного Эдуардом Вторым.

Из Англии московский посол был отпущен 3 мая в обратный путь вместе с представителем Московской компании Энтони Дженкинсоном. Непея вез королевские подарки: «двух лютых зверей, военный доспех, постав скарлатного, а другой – французского сукна да два поставца атласу з золотом». «Да отпустил король с Непеею мастеров многих, дохторов и злату и серебру искателей и делателей и иных мастеров, и пришли они с Непеею вместе», – прибавляет летописец [6, с. 2].

Осип Непея привез королевские грамоты от 28 апреля 1557 г. (на латыни и на итальянском языке), где говорилось о «любви

и дружбе» между монархами двух стран и данным подданным царя позволения приезжать в Англию и вести там беспопытную торговлю. Главным содержанием этих контактов было образование Московской компании и установление торговых отношений между двумя странами.

В Никоновской летописи отмечалось также, что «царь англичан на Москве двором пожаловал» в Зарядье, на улице Варварка, вблизи Кремля. Палаты на Английском дворе были отремонтированы, а деревянные хоромы англичане построили сами. В огромном каменном полуподвале хранились товары – английские ткани, металлы, кружева, ювелирные изделия.

На Английском дворе останавливались не только английские купцы, но и послы. Каменное здание сохранилось в Москве до сих пор и ныне является музеем, опись его палат хранится также в Архиве древних актов.

Впоследствии Э. Дженкинсон еще два раза приезжал в Россию, обещая привезти для Ивана IV специалистов – архитектора, врача, аптекаря и горных мастеров, которые и были доставлены в 1567 г. Среди привезенных им специалистов был инженер-архитектор Хэмфри Локк, принимавший участие в сооружении крепостных стен и дворцов в России.

Дженкинсон совершил путешествие из Москвы к Белому морю, а также по Волге в Астрахань и в Персию. В 1562 г. в Лондоне он опубликовал карту Восточной Европы с включением ранее не описанных северных территорий Русского государства.

В 1567 г. русские торговые представители – Степан Твердииков и Федот Погорелый – были отправлены в Англию с целью заключить русско-английский военно-дипломатический союз, предлагая королеве Елизавете быть «заодин» в борьбе с заговорами и заключить взаимное соглашение о возможности предоставления убежища для спасения своей жизни.

В 1570 г. английский дипломат Томас Рандольф привез в Москву грамоту, в которой Елизавета Первая обещала предоставить убежище русскому царю в Англии, если он будет «вынужден покинуть Русь», «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» [6, с. 10]. В грамоте гарантировался радушный прием ему и членам его семьи, которых он привезет с собой, соответствующий их высокому положению, полную свободу действий, передвижения и вероисповедания, свою защиту и покровительство.

Однако царь просил продать пушки и ядра и заключить с ним военный союз – Россия тогда воевала с Польшей и Швецией в Ливонской войне (1558–1583). Елизавета Первая вовсе не стремилась усложнять дипломатические отношения с Испанией и Францией, состоявшими в коалиции с противниками России, и ее отказ обидел Ивана Грозного, о чем говорит его письмо: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государственной чести смотришь, а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица»¹. Одним словом, не королева! Но Елизавета умела просчитывать выгоду – Россия была страной сказочных богатств (лес, хлеб, пушнина) и обширным рынком для сбыта английских товаров, поэтому усмирила царский гнев ласковым ответным посланием.

В 1582 г. англичане вновь оказались озадачены, когда Иван IV начал свататься к племяннице королевы – Марии Гастингс. Примерно через год после сватовства было объявлено, что невеста слишком слаба после перенесенной оспы и не сможет отправиться в далекую Московию.

Только в последние 5 лет правления королевы Елизаветы, когда Борис Годунов стал русским царем в 1598 г. и на правах царского шурина именовал Елизавету «своей любимой сестрой», торговые связи Англии и России стали более прочными. В Москву надолго стали приезжать англичане, которых встречали с большим почтением. Марк Ридли, доктор медицины, например, прожил в России около 5 лет. Королева Елизавета послала его на Русь, чтобы он занял должность придворного врача [1]. Но Ридли как настоящий ученый эпохи Возрождения интересовался и другими областями знаний и составил первый русско-английский словарь.

Врачи, выехавшие из Англии в Россию, такие как Роберт Джейкоб, как правило, были выдающимися специалистами и научными исследователями в области физики, химии (алхимии) и фармакологии. В 1581 г. в Москве по инициативе английского аптекаря Джеймса Фрейнчмана была открыта первая государственная аптека.

В правление Бориса Годунова англичане получили разрешение жить не только на Английском дворе, но и иметь в Москве собственные дома. Между Борисом Годуновым и королевой Елизаветой велась частная переписка. В 1602 г. из Москвы в Англию для обучения

¹ Цит. по: [1, с. 244].

в учебных заведениях Итона, Винчестера, Кембриджа и Оксфорда «для науки разных языков грамоты»¹ были отправлены четверо русских молодых людей. Дело об их отправлении сохранилось в Посольском приказе. Двое из них, Казарин Давыдов и Федор Костомаров, стали впоследствии штурманами английского морского флота, а Софрон Кожухов и Никифор Григорьев посвятили себя юриспруденции и изучению богословия.

В годы Смутного времени эти связи несколько ослабли, однако в 1617 г. Англия проявила политическую активность и явилась посредницей в заключении Российско-шведского мирного договора в Столбове, а также представила России денежный заем. В обмен англичане просили московское правительство разрешить им свободную торговлю с Персией. Это требование не было удовлетворено, однако английские купцы были поставлены в более привилегированное положение по сравнению с другими, получив права на беспошлинную торговлю в России. Они торговали не только в Москве, но и в Вологде, Архангельске, Новгороде, Пскове, Устюге Великом и Ярославле, где находились английские дворы [6].

Между двумя странами происходил обмен посольствами, велись переговоры о заключении политического союза, развивались культурные связи. В Москву приезжали специалисты и мастера разных профессий – «рудознатцы», мастера часового дела, строители каменных зданий.

В 1618 г. в Россию с посольством сэра Дэдди Диггса приехал натуралист и ботаник Джон Традескант, основатель музея естественной истории и ботанического сада в Англии. На севере России он пополнял редкими экземплярами свою многочисленную коллекцию растений и писал мемуары о своем путешествии.

На русскую службу принимались зарекомендовавшие себя английские, шотландские и ирландские офицеры, в том числе полковник Александр Лесли и предок знаменитого русского поэта поручик Джордж (Юрий) Лермонт. Личный врач Михаила Федоровича Романова Артур Ди был известен как выдающийся астролог и алхимик, автор сочинения по алхимии, составленного им во время пребывания в Москве. С его помощью Московской компании удалось приобрести новый двор в Москве, в Белом городе, за Ильинскими воротами, значительно превосходивший старый двор своими

---

¹ Цит. по: [6, с. IX].

размерами и получивший впоследствии название Нового Английского двора. Этот участок земли был полностью выкуплен англичанином Симоном Дигби в 1636 г. [6].

В середине XVII в. дипломатические отношения обострились в связи с казнью короля Карла I Стюарта в 1649 г. Правительство Алексея Михайловича распорядилось выслать англичан из Москвы и других городов и ограничить их торговлю лишь Архангельском. Такое решение было принято и в целях протекционизма – оградить русскую торговлю от конкуренции, что нанесло ущерб обеим странам [3].

Однако в Москве продолжали службу многие английские и шотландские специалисты, врачи, офицеры. Личным врачом Алексея Михайловича был выпускник Оксфорда и Кембриджа Сэмюэль Коллинс, напечатавший по возвращении свои записки о России.

Шотландец генерал Патрик Гордон, автор известного «Дневника», прослужил в России 38 лет, оказав тем самым большие услуги и народу, и правительству: он участвовал в Чигиринских походах 1677 и 1681 гг., сорвавших попытки Турции захватить украинские земли; внес большой вклад в операцию по взятию Азова в 1696 г.; принимал участие в подавлении Стрелецкого бунта в 1698 г., из-за которого Петр Первый прервал свое Великое посольство в Европу. Немалые его заслуги и в подготовке им русских солдатских полков нового строя и приглашение по его инициативе в Россию военных специалистов.

До XVIII в. Москва была центром, в котором завязались и развивались русско-английские отношения – здесь проживало большинство британцев, приехавших на русскую службу и временно, и постоянно, и принявших впоследствии русское подданство.

С начала XVIII в., с воцарением Петра Первого, который перенес столицу в Санкт-Петербург в 1713 г., русско-британские отношения развивались уже на берегах Невы. Открылась новая страница в двусторонних отношениях, благодаря Великому посольству 1697–1698 гг. Как известно, сильнее всего Петра привлекали корабли и их строительство. Когда царь работал на верфях в Заандаме и в Амстердаме, методы обучения кораблестроению там его не устроили, узнав, что в Англии дела обстоят по-другому, «он со всей поспешностью отправился в Англию и там, за четыре месяца, завершил свое обучение» [7, с. 9].

11 января 1698 г. Петр Первый с небольшой свитой высадился в Лондоне и оставил неизгладимый след в британском общественном сознании. Визит был неофициальным, Петр Первый сохранял инкогнито, однако новостные листки Лондона почти ежедневно сообщали, что он делал и с кем встречался. Не заметить почти двухметрового великана на балу, в театре или на улице было невозможно. По свидетельству современника, Петр Первый был очень любознательным и «желал увидеть все достойное внимания в этом огромном городе» [7, с. 9]. Петр нанес несколько тайных визитов королю Вильгельму III, который уговорил его позировать Годфри Неллеру, который создал парадный портрет молодого Петра в доспехах и бархатном плаще с российским гербом.

В ходе посольства Петр пригласил на службу известных ученых Генри Фаркварсона, Стивена Гуина, Ричарда Грея, которые впоследствии преподавали в Школе математических и навигацких наук в Москве; инженера Джона Перри, строившего в России каналы и шлюзы; был заключен договор о предоставлении семистам иностранным офицерам и специалистам благоприятных условий службы в России. Несколько русских волонтеров были оставлены в Англии для обучения военным наукам и морскому делу. Сам Петр Первый изучал там в Дептфорде и Портсмуте морское дело под именем бомбардира Петра Михайлова и пригласил на службу корабельных мастеров Ричарда Брауна, Ричарда Козенса, Джозефа Ная, Ричарда Брауна, Ричарда Рамзея [6].

Во время 105-дневного пребывания в Англии Петр приобрел и новые знания, и опыт в морском деле, в науках, в административно-хозяйственном управлении, в религиозной и социальной областях.

В Оксфорде молодой царь осмотрел музеи, библиотеки, собрание коллекций. В Вулвиче (Woolwich) в сопровождении первого графа Ромни, начальника артиллерийского ведомства (Master of the Ordnance) осмотрел арсенал; в замке Тауэр – монетный двор; в Гринвиче – Королевскую обсерваторию, где познакомился с астрономом Джоном Флемстидом. Петр Первый проявил интерес даже к англиканской религии и ее обрядам, встречался с архиепископом Кентерберийским в Ламбетском дворце, где присутствовал на церемонии рукоположения в священники [7].

Своеобразным литературным достижением визита Петра Первого в Англию явилась книга Даниэля Дефо «Беспристрастная история

царя Петра Алексеевича», изданная в 1722 г. Русский царь представлен Д. Дефо чуть ли не идеальным правителем, который для пользы дела отбросил все светские условности и овладел ремеслом корабельного плотника [1].

Посещение Англии имело значительное влияние на будущую реформаторскую деятельность Петра Первого, а разнообразие его деятельности стало примером для пребывания в этой стране русских посланцев и укрепило российско-британские связи [3].

Наиболее значительным событием было создание постоянного русского посольства в Англии – в Лондон в 1707 г. приехал Андрей Артамонович Матвеев для представления интересов России во взаимовыгодной торговле и в европейской политике.

После Полтавской битвы не только Англия и Голландия, интерес к которым проявлял прежде всего Петр Первый, но и другие страны Европы вынуждены были считаться с усиливающейся Российской империей [2].

В феврале 1710 г. посол Чарльз Витворт вручил грамоту Петру Первому, где он впервые именовался «цесарем», т. е. императором [8].

Но политика Англии по отношению к России оставалась противоречивой, так как невыгодно было закрепление России в Прибалтике, и в то же время выгоды от российской торговли перевешивали все остальные факторы. Импорт российских товаров с 1697 по 1701 гг. оценивался в сумму 494 тыс. ф. ст., с 1707 по 1706 гг. – 543 тыс. ф. ст., с 1707 по 1711 гг. – 758 тыс. ф. ст., в 1712–1716 гг. вырос до 823 тыс. ф. ст., т. е. увеличился в два раза только за 15 лет с начала века. Причем, это по официальным данным, нельзя не учитывать махинации и взятки, к которым прибегали английские купцы, чтобы платить пошлины меньше, чем положено [8]. При этом с 1713 г. Петр Первый приказал торговать через Санкт-Петербург, а не через Архангельск, что было опаснее из-за действий шведских кораблей в Балтийском и Северном морях, поэтому английские и голландские военные корабли вынуждены были конвоировать свои торговые караваны. Это привело к ухудшению отношений между Англией и Швецией, особенно при короле Георге Первом из Ганноверской династии [3].

17 октября 1715 г. Петр Первый заключил Союзный договор с Георгом Первым, самым важным параграфом в котором был 4-й,

содержащий обязательства со стороны Великобритании и Ганновера обеспечить России приобретение Ингрии, Карелии и Эстляндии с Ревелем. Петр Первый, со своей стороны, обязался обеспечить Георгу приобретение герцогств Бремен и Верден в курфюрство Ганноверское, за это Георг Первый объявил войну Швеции и отправил 6 тыс. ганноверских солдат в Померанию. Однако германская политика Петра Первого испугала и Данию, и Пруссию, и Ганновер. По словам В.О.Ключевского, вмешательство в Мекленбургское дело сделало его друзей врагами, не сделав его врагов друзьями [8].

Однако даже разрыв дипломатических связей в 1720 г. не оказал влияния на торговые отношения. Англия по-прежнему вывозила из России сырье для строительства кораблей и ввозила туда суконные ткани, инструменты, станки, книги и «колониальные» товары. В России продолжали работать английские специалисты по корабельному делу [1]. Дальнейшие осложнения в дипломатической сфере привели к срыву англичанами Аландского конгресса об окончании Северной войны и созданию антирусской коалиции в составе Австрии, Саксонии и Ганновера. В 1719 г. русский корабельный флот одержал победу над шведским у острова Эзель, а 24 июля 1720 г. русская флотилия под командованием М.М.Голицына взяла на бордаж 4 шведских фрегата, 104 пушки и 407 пленных шведов у острова Гренгам [8].

Петр Первый особо высоко оценил эту победу потому, что она была достигнута «при очах господ – англичан, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот» [5, с. 270]. Только после этой победы Англия отозвала свой флот, и Швеция подписала Ништадтский мир. Однако английские торговые суда имели право приходить во все русские портовые города Балтийского моря согласно указу Петра Первого от 1720 г.

В дальнейшем Англия почти монопольно обладала правом на вывоз и ввоз в Россию товаров, причем объем вывоза превышал многократно объем ввоза, это объяснялось стремительным ростом английской промышленности. Особенно быстро рос вывоз в Англию русского железа: Россия в XVIII в. занимала ведущее место в Европе по экспорту железа. Очевидно, что именно экономические выгоды двусторонних отношений неоднократно предотвращали назревание военных конфликтов между Россией и Англией. Несомненно, что этот фактор предопределил и в дальнейшем традиции развития российско-британских отношений [4, с. 89].

Несмотря на остроту противоречий, в обеих странах отчетливо сознавали общность не только исторических и экономических связей, но и культурных интересов. Очевидно, что и в XXI в. многовековые исторические традиции могут и должны влиять на успешное сохранение и развитие дипломатических отношений России и Великобритании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурова И.И.* Две тысячи лет истории Англии. – СПб.: Бельведер ; Гуманитарная академия, 2007. – 544 с.
2. *Браиловская Т.В.* Изучение истории Российского государства в контексте процессов глобализации // История международных отношений. – М.: МГЛУ, 2012. – С. 17–25. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (635). Сер. Исторические и политические науки).
3. *Ключевский В.О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под ред. Р. А. Киреевой; ИРИ РАН. – М.: Русская панорама, 2012. – 504 с.
4. *Кораблева В.Ю.* Потенциальный союзник или враг: образ России в региональной британской прессе перед началом и в первые дни Второй мировой войны (апрель–сентябрь 1939 г.) // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 32–43. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические и политические науки).
5. *Павленко Н.И.* История России. – М.: Высшая школа, 1996. – 579 с.
6. Россия и Британия. XVI–XIX века / отв.ред. Т.И.Скалкина. – М.: Древлехранилище, 2007. – XXVIII +116 с.
7. Русское присутствие в Британии. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 272 с.
8. *Широкорад А.Б.* Англия. Ни войны, ни мира. – М.: Вече, 2009. – 416 с.

УДК 327.7

А. Ю. Галушко

аспирант кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН
МГЛУ; e-mail: 7796079@gmail.com

ГРЕКО-БОЛГАРСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС: ИНТЕРЕСЫ РОССИИ МЕЖДУ ГРЕКАМИ И БОЛГАРАМИ

В статье анализируются дипломатические усилия Российской империи в урегулировании греко-болгарского церковного вопроса. Дается оценка факторам, влиявшим на формирование позиции по данному вопросу у Министерства иностранных дел Российской империи и у Святейшего синода Русской православной церкви. Автор рассматривает полярность позиций российского общества к греко-болгарскому вопросу и уделяет внимание его противоречивой оценке российскими дипломатами, деятелями Русской церкви и Святейшего синода.

Ключевые слова: греко-болгарский церковный вопрос; международная политика; «Восточный вопрос»; Святейший синод.

Galushko A. J.

Postgraduate Student, the Department of Theory and History of Institute of International Relations and Social and Political Science; e-mail: 7796079@gmail.com

GREEK-BULGARIAN CHURCH CONFLICT: RUSSIA'S INTERESTS BETWEEN THE GREEK AND BULGARIAN

The article devotes to the analyze of the diplomatic efforts of the Russian Empire in the settlement of the Greek-Bulgarian church conflict. The article assesses the various factors influencing the position on the issue at the Ministry of Foreign Affairs and of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church. The author examines the polarity of the position of the Russian society to the Greek-Bulgarian issue and focuses on the last controversial among Russian diplomats, the Russian Orthodox Church and the Holy Synod.

Key words: The Bulgarian-Greek Church conflict; international politics; “Eastern Question”; the Holy Synod.

Греко-болгарский церковный вопрос, ставший на повестку дня международной политики уже в первые десятилетия XIX в., обозначил серьезную дилемму для российской императорской дипломатии в отношении стран-единоверцев, стремившихся к независимости от Османской империи. Проблемы эти по прошествии времени можно было бы обозначить как важнейший предмет внимания российской дипломатии на балканском направлении.

Период становления балканских народов на территории «умирающего больного», как называл Османскую империю Александр III, сформировал для Российской империи совершенно новый вызов. Общность вероисповедания, единство церкви, глубокие исторические связи, казалось бы, могли стать твердой основой дипломатического прорыва на этом сложном и притягивающим все ведущие державы направлении.

Распутывать накопившиеся узлы противоречий в этом регионе без учета церковно-дипломатических возможностей, было бы опрометчивым шагом. Нарождавшиеся в тот период национально-освободительные движения, а вместе с ними и формально национальные вопросы, основанные тем не менее в большинстве случаев на религиозном факторе, которые можно обозначить как «болгарский вопрос», «греческий вопрос», «сербский вопрос», «македонский вопрос» и т. п., стали предметом пристального изучения и основой многочисленных донесений российских консульств, агентов и советников по Восточному вопросу [13]. Так, по мнению Ф. М. Достоевского «Идея “Восточного вопроса” сводится не только к разрешению проблемы, кому... обладать проливами и территориями Балканского полуострова, но восточный вопрос – это еще и разрешение судьбы восточного христианства» [14, с. 362].

К началу второй половины XIX в. Россия подошла с пониманием того, насколько важным является церковный фактор в разрешении вопроса, по какому пути пойдут освобождаемые народы бывшей Османской империи. В 1850 г. камергер императорского двора А. Н. Муравьев пишет «Записку о состоянии Православной церкви на Востоке», в которой обозначает основные проблемы, стоящие перед Церковью как перед институциональной единицей, способной оказывать влияние на внешнеполитическую обстановку.

Помимо прочего, А. Н. Муравьев указывает на опасность, которую таит в себе «болгарский вопрос». «Если же церковь Восточная будет все более и более распадаться на малые отдельные части, чуждые общего союза, то оправдаются упреки Римлян (католиков. – *Прим. авт.*) о недостатках в ней единства, условия, необходимого для Православия» [12, с. 234]. А. Н. Муравьев упоминает Римско-католическую церковь не случайно. Понимание того, что на пути формирования государственности освобождаемых народов может стоять и вопрос смены религиозной принадлежности, существовало

и рассматривалось Российской империей. Таким образом, греко-болгарская церковная распря (схизма), или греко-болгарский церковный вопрос, возник как следствие национального движения болгар, желавших не только самостоятельности государственной, но и как обязательного атрибута – независимой от Константинопольского патриархата автокефальной Церкви. Стремление получить в архиереи служителей болгарской национальности приводило к жестким, а иногда и жестоким столкновениям прихожан с греческими архиереями. Ведь по мнению болгар, их старания и усилия по национальному освобождению не увенчаются успехом, если не будут отстранены от управления болгарскими епархиями греческие архиереи, которых болгары считали самым ревностными поборниками эллинизма. После 14 лет напряженной борьбы, которая носит название «греко-болгарская церковная распря», Высокая Порта была вынуждена выдать болгарам фирман для учреждения болгарского экзархата, в состав которого вошли шестнадцать епархий. Более того, десятый параграф того же фирмана давал возможность остальным болгарским епархиям войти в состав экзархата при условии, что две трети христианского населения на этих территориях пожелают быть присоединенными к экзархии. Дальнейшие шаги Константинопольского патриархата, недовольного решением султана, привели к новому витку противостояния. Константинопольская патриархия, понимая, что приведение в действие фирмана повлечет за собой тяжелые последствия для Восточной церкви, изъявила готовность удовлетворить желания болгар на независимую Церковь. С этой целью тогдашний патриарх представил законопроект, содержащий практически идентичный фирману текст, однако без десятого параграфа. Недовольные таким предложением патриарха болгары, отказались от примирения на основе фирмана. Константинополь же, в свою очередь, прибегнул к самому строгому церковному наказанию – схизме, т. е. отлучению от Вселенской церкви всех болгар. Так у конфликта греков и болгар появилось и другое название – «Болгарская схизма».

Таким образом, спор болгар и греков никогда не имел церковного характера в прямом смысле слова, хотя и те, и другие всегда старались представить его именно таким. На самом же деле, спор – это национально-политическая борьба, конечная цель которой, освобождение всего болгарского народа от влияния эллинизма. Это

понимали в дипломатических кругах всех ведущих стран. Собственно борьба в дипломатических кабинетах шла не менее интенсивно.

Взгляд на греко-болгарский церковный вопрос из России был настолько неоднозначен, что говорить о единстве мнений дипломатов, Священного синода и общества не приходится.

По существу греко-болгарский церковный вопрос и отношение к нему в России стали наглядным примером противоречий, догматических, а иногда и личных, которые могут сопровождать церковно-дипломатическую позицию к тому или иному событию.

Институциональная структура формирования государственной позиции на греко-болгарский церковный вопрос выглядела следующим образом. Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи вел переписку с русскими дипломатическими и консульскими агентами по политическим и церковным делам, давал инструкции и поручения, получал депеши и донесения, секретные телеграммы. Регион, в котором развивались события греко-болгарского раскола, не ограничивался лишь Афинами и Софией и затрагивал русские представительства и консульства в Сербии (Белград), Черногории (Цетинье), Македонии (Битолия), Греции (Салонники и Св. гора Афон), Адрианополе и Филиполи и, конечно, в Константинополе. Консульства и дипломатические представительства во владениях Османской империи по традиции возглавляли квалифицированные, хорошо подготовленные и опытные дипломаты, имевшие и свой личный взгляд на внешнеполитические и церковные сношения Российской империи с соседями, оппонентами и единоверцами. Персональное мнение дипломата на Востоке скорее можно назвать плюсом, но в условиях нарождавшегося в Российской империи внутреннего раскола на славянофилов и западников, оно порой не гарантировало действительно консолидированную позицию государства.

Другим влиятельным органом был Святейший синод Русской православной церкви, который помимо решения общих вопросов, связанных с паломничеством к святым местам Востока, и жизнью русского монашества за рубежом, также являлся неким «мозговым» центром во взаимодействии с братскими церквами и с церковью католической. Синод в лице обер-прокурора давал оценку практически каждому шагу противоборствующих сторон, анализировал последствия подобных шагов, присылал в Азиатский департамент МИД

рекомендации по общению дипломатического корпуса с иерархами Восточной церкви. Таким образом, Синод обладал вполне действенным инструментом влияния на формирование государственной позиции по греко-болгарскому вопросу.

Третьим центром принятия решений выступали многочисленные советники обер-прокурора Святейшего синода по «Восточному вопросу». Известные ученые, богословы, историки Церкви, занимая подчас диаметрально противоположные позиции по данному вопросу, в значительной мере формировали мнение и образ действий государственного аппарата.

К внешним факторам, существенно повлиявшим на разрешение вопроса, можно отнести, во-первых, чрезвычайно высокую ротацию Константинопольских патриархов. Ведь от готовности к диалогу и консенсусу, а также от дипломатической гибкости Константинопольского патриарха фактически зависело разрешение этого сложного этноконфессионального конфликта. За более чем полвека, минувших с начала обсуждения греко-болгарского вопроса, сменилось 13 предстоятелей Константинопольского престола. Смена патриарха порой резко меняла и курс патриархата: от явной готовности к значительным уступкам болгарам до фактически отлучения всей болгарской нации от Вселенской церкви. Для сравнения обер-прокурор Святейшего правительственного синода за тот же период менялся 6 раз. В подобных условиях налаживать церковно-дипломатический диалог с Константинополем было затруднительно.

Во-вторых, можно с уверенностью говорить о том, что общественно-политическая обстановка в Греческом королевстве с ее переориентацией после смерти Иоанна Капидострия в сторону западных держав, была для Российской империи чревата потерей фактически основного единовременного союзника на Балканах, да к тому же союзника с ярко выраженным (через греческих иерархов Константинопольского патриархата) влиянием на Константинопольский престол. Национально-психологические и культурные особенности греческой элиты формировались в те годы под воздействием дилеммы: Россия или Запад. Столь «агрессивная» постановка вопроса в разрезе греко-болгарской церковной распри, где греческий и болгарский эстеблишмент фактически отказывались (за редким исключением) идти на уступки друг друга, означала, что и от Российской империи ждут совершенно конкретного выбора.

И в-третьих, многочисленные архивные документы того времени свидетельствуют об активизации инославной пропаганды со стороны Римской католической церкви и церкви протестантской, направленной на распространение своего влияния на территории, исконно закрепленные за Вселенским патриархом. Время для активизации было выбрано не случайно. Построенная на церковных противоречиях пропаганда, как показала история, заставляла некоторые районы по несколько раз за короткий промежуток времени переходить из православия в католицизм и обратно. Болгарский же вопрос в этом плане выделялся особенно. Не получавшие по своему разумению достаточной доли церковной независимости от греков, болгары пытались приобрести ее, в том числе и с помощью отказа от веры отцов и унии с католиками. Копия с донесения статского советника Кояндера из Софии по вопросу назначения болгарского епископа в Орхиду от 24 декабря 1884 г. – алгоритм действий практически всех новообразованных национальностей на территории распадающейся Османской империи. Вот выдержка из него: «...для достижения цели для Орхидских Болгар представляется два пути: или выйти в непосредственное сношение с Вселенской Патриархией и вполне подчиниться ей под условие назначения в Орхиду епископа из Болгар, или же признать духовную зависимость Македонии от Карловацкого Патриарха, причем болгары надеются, что с помощью австрийского влияния им удастся добиться от Константинополя избавления от ненавистного им греческого духовенства» [10, с. 98]

Общественные настроения в России отражали различные взгляды на греко-болгарский церковный вопрос как в среде русской дипломатии, так и в среде интеллигенции. «Кто же у нас не рвал и не метал за «братьев-славян и против греков», – писал дипломат и философ К. Н. Леонтьев [15, с. 448]. Обратимся к статье из греческого журнала «Αίωγ» за 1857 г., перевод которой сделало для Азиатского департамента посольство в Константинополе. «Идея Болгаризма, распространяющая исполински во всех городах Болгарии ... под защитою Адрияпольского русского консула Ступина, который (впрочем не известно по предписанию ли своего Правительства действует, или по собственному влечению, но я желаю, чтобы было последнее к чести Православной России) есть главная причина Болгаризма..» [1, с. 176]. Столь категоричное мнение о роли России могло бы быть трактовано лишь как пропагандистская уловка, если бы не реальность, в которой мнение русских дипломатов и советников по этому

вопросу разделилось. В действительности русский консул Ступин в своих донесениях довольно красочно описывал притеснения болгар греками, призывая к миру между единоверными, однако всячески обозначая свою приязнь к первым. На донесения консула обратили внимание в Святейшем синоде и обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой написал 27 марта 1858 г. конфиденциально к канцлеру А. М. Горчакову: «...весьма естественно и законно желание болгар иметь Епископов из своего народа и слышать богослужения на своем языке. Но происходящие от сего столкновения между греками и болгарями, наше сочувствие к последним никогда не должно удалять нас от строгой беспристрастности. Мы и в себе сами и в единоплеменных нам народах должны подавлять всякое неприязненное чувство к Грекам ... помнить, что при всех своих недостатках они бдительно стоят на страже Вселенской Церкви» [2, с. 228]. Как показала история, строгая беспристрастность, о которой написано в середине XIX в. в переписке первых лиц государства, принимающих важнейшие внешнеполитические решения, стала краеугольным камнем воззрения Русской церкви и Святейшего синода на греко-болгарский церковный вопрос и предметом невольной его критики со стороны русской же дипломатии.

В таких сложных условиях на греко-болгарский церковный вопрос пытались активно влиять как Министерство иностранных дел, так и Святейший синод Русской православной церкви. Цель – добиться единства всей Восточной церкви и не допустить посягательства этнофилетизма на канонический церковный строй.

Иерархия Синода с петровских времен предполагала, что основную позицию Русской церкви будет озвучивать обер-прокурор Синода, лицо светское, основываясь в том числе и на мнении своих советников, а также на мнении членов Синода (священнослужителей). Болгарский вопрос в этом контексте может быть интересен тем, что основные этапы болгарского церковного раскола приходятся на годы жизни и активной работы члена Священного синода Русской православной церкви, митрополита Московского Филарета (Дроздова). Его четкая и последовательная позиция, излагаемая в записках к обер-прокурору Священного синода, – официальная точка зрения, обладавшая статусом непререкаемой и являвшаяся позицией, тиражируемой для всех дипломатических представительств.

В 1860 г. обер-прокурор, основываясь на отзывах митрополита Филарета, в своей записке министру иностранных дел, канцлеру

А. М. Горчакову пишет: «Последние события, случившиеся в Болгарской церкви на Святой неделе, не могут низвести благословения Божия на начинания Болгар; поступки их... Церковь признает нарушением святости; вообще нельзя ожидать добрых последствий в церковных преобразованиях, когда повинуюсь расчетам мирским и политическим, как бы они не были благоразумны, оставляются в сторону правила и предания, на которых искони основана Церковь и от которых она никогда безнаказанно не отступала» [3, с. 355].

«Просить у Порты самим учредить свою народную независимую иерархию, это показывает, что болгары, хотя уже довольно имели времени обдумать свое дело, но все еще имеют упрямое желание, а понятия не приобрели. Учредить новую независимую иерархию можно только с благословения законно существующей иерархии» [11, с. 66–67], – писал митрополит Филарет. Он же, обращаясь к обер-прокурору Синода, отмечает, что «Порта едва ли не найдет для себя выгодное, иметь Греков и Болгар разделенных и враждующих между собою, нежели одну сплошную массу Греков и Болгар» [11, с. 66–67].

Заметим, что подобная трактовка действий Оттоманской Порты – редкое явление среди российских дипломатов того времени. Причина нежелания дипломатического корпуса видеть то, что разглядел митрополит Филарет, скрывалась в описанных выше разнополярных общественных мнениях на греко-болгарский вопрос. Имела ли Церковь в лице Святейшего синода возможность участвовать в дипломатическом диалоге по вопросу, изначально являвшемуся лишь церковным?

В 1867 г. в разгар греко-болгарской распри граф А. П. Толстой, обращаясь к канцлеру А. М. Горчакову, максимально лояльно, но недвусмысленно давал понять, что сношения Церквей по делам духовным должны осуществляться напрямую, минуя дипломатический корпус. В своей записке А. П. Толстой напоминает кроме всего прочего о своем ежегодном отчете, поданном на имя императора и цитирует следующие строчки из отчета: «Общение всех православных Церквей между собой должно составлять истинную силу Православия и самый надежный отпор пропаганде Латинской церкви, хвалящейся своим административным единством. В этих видах, весьма желательно установление прямых сношений между Православными Церквями по делам чисто духовным. Как ни деятельно поддерживает наша дипломатия интересы Православия на Востоке,

но дипломатические чиновники, при всех их достоинствах, не могут иметь тех богословских познаний, которые необходимы для ведения переговоров по делам духовным» [6, с. 2–3].

В той же записке граф А. П. Толстой упоминает и достаточно сухую пометку от императора: «Сообразите, как это исполнить».

Попытку сделать сношения эффективными предприняли в российском руководстве. Граф А. П. Толстой исполнял резолюцию императора достаточно долго. Через два года А. П. Толстой писал товарищу (заместителю министра. – *Прим. авт.*) министра иностранных дел следующее: «Святейший Синод, разделяя вполне взгляд Святейшего Патриарха Григория (Константинопольский Патриарх), на необходимость установления ближайшего общения между Российской и Константинопольскою церквами, со своей стороны полагает сообразным, с этой целью, назначить в Константинополь особое доверенное от Святейшего Синода духовное лицо, для передачи от Российского Святейшего Синода Константинопольскому Патриархату и наоборот... сообщений по церковным делам, без всякого в том посредства Министерства иностранных дел» [7, с. 8–9].

Одновременно с этим обер-прокурор отправил в Министерство и проект инструкции поверенному в Константинополе от Святейшего правительственного синода. Многостраничный документ – инструкция из 18 пунктов не оставляет сомнений в том, что Святейший синод больше не хочет иметь дополнительное звено в общении с Константинопольской церковью.

Такая, казалось бы логичная постанова вопроса, вызвала достаточно холодную реакцию посольства в Константинополе. Посол наш в Константинополе граф Н. П. Игнатьев пишет письмо директору Азиатского департамента МИД В. И. Вестману, в котором дает свой отзыв на предложения Святейшего синода. Помимо комментариев к некоторым пунктам инструкции, граф Игнатьев обращает внимание и на ряд моментов, которые, по его мнению, необходимо учесть при принятии решения о поверенном. В частности он пишет: «Я постоянно стремился установить близкие, частые и по-возможности непосредственные сношения между Вселенским Патриархом, прочими Иерархами Восточной Церкви и нашим Св. Синодом», – начинает свое письмо граф. Далее посол описывает те вопросы, которые при его поддержке удалось решить между Русскою церковью и Константинопольским патриархатом и отдельно останавливается на том, какой урон его репутации был нанесен

в связи с двусмысленной позицией Святейшего синода по греко-болгарскому церковному вопросу. Он пишет следующее: «Министерству иностранных дел известно, что ответ нашего Святейшего Синода не удовлетворил ни Болгар, ни Греков. Напротив, он возбудил ожесточенную полемику в обоих лагерях и раздражил высшее греческое духовенство отвержением предложения Патриарха. Меня же этот ответ поставил в затруднительное положение, так как отказ наш по видимому шел в разрез постоянно проводимой мною мыслью об установлении непосредственных сношений между Восточными Иерархами и нашим Св. Синодом, и о Соборном решении всех вопросов, касающихся интересом православного мира» [8, с. 18–19].

Далее Н. П. Игнатъев без всяческой аргументации обращает внимание на то, что «установление сношений между Русской церковью и Вселенским Престолом на новом начале – дело трудное и щекотливое... зависит от удачного выбора минуты... и личности поверенного», а также фактически дает свой ответ на предложения обер-прокурора Святейшего синода: «нельзя не сознаться, что минута для присылки духовного лица, облеченного доверием Св. Синода, была бы неблагоприятна не только по общим политическим соображениям, но и по чисто церковным. Приезд нового духовного лица, предназначенного для непосредственных сношений, породит несомненно самые нелепые слухи и толки. Здесь несомненно увидят в нем агента Панславистской пропаганды...» [9, с. 24]. Сгущая красками подобным образом, граф Н. П. Игнатъев очевидно указывает на собственное нежелание терять каналы управления на вверенной ему территории.

Фактически Святейший синод предлагал вывести из под ведения Министерства иностранных дел все вопросы, касаемые церковных дел и причиной тому были, на наш взгляд, сложности в восприятии греко-болгарского церковного вопроса.

Однако предложение это так и осталось нереализованным.

Внимание именно к переписке по этому вопросу не случайно. Греко-болгарская церковная распря поставила под удар единство Восточной церкви. Члены Синода, в особенности митрополит Московский Филарет, отчетливо понимали, в какой мере разлад между болгарами и греками может породить иные примеры этнофилетизма на Балканах. Более того, готовность болгар ради освобождения от греческого влияния, переходить под власть церкви

римско-католической, становилась опасностью потери серьезной по численности православной паствы на Балканах. Многочисленные выписки из определений Святейшего синода с 1860 по 1872 гг. указывают на то, что греко-болгарский церковный вопрос можно было бы решить в духе христианства на канонической почве, не давая ему перенестись на почву политическую. Напомним, что Синод наполовину состоял из представителей Русской православной церкви. Те же выписки, равно как и донесения послов, консулов и агентов говорят о том, что от Российской империи ждали действенной помощи в разрешении вопроса как в Константинополе, так и на болгарских территориях.

Российская дипломатия как зеркало русских общественно-политических воззрений на дальнейший путь развития государства, восприняла церковный спор греков и болгар ровно так же, как хотели его воспринять радикальные партии греков и болгар, с одной лишь разницей: мы выбирали между славянами и эллинами. В то же время Русская церковь и Святейший синод (до определенного момента) ставили под сомнение необходимость именно такого выбора, занимая примирительную позицию, основанную на необходимости братского общения всех православных церквей в каноническом духе.

Пока одни считали, что «международная распря болгар и греков выходит уже за пределы чисто церковного спора за славянскую иерархию, и перерождается в племенную вражду, которую разжигают греческие фанатики Королевства и островов, не покинувшие мечты о восстановлении Византийской империи, и поклявшиеся непримеримую ненавистию к возрождающейся болгарской народности» [5, с. 439], другие пришли к выводу, что «болгары не только отложились своевольно от Патриарха (т. е. вопреки его завещанию), чего не сделали в свое время ни Россия, ни Сербия, ни Румыния, но и преднамеренно искали раскола, преднамеренно всячески затрудняли мирный исход, чтобы произвести больше политических захватов... они бестрепетно готовы потрясти всю Церковь и нарушить весьма существенные и важные уставы ее в пользу своей неважной и, видимо, ни к чему замечательному не призванной народности» [16, с. 359].

Достаточно очевидным доказательством того, по какому дипломатическому пути пошла российская дипломатия можно судить по записи, сделанной на донесении чрезвычайного посланника

в Константинополе князя А.Б.Лобанова-Ростовского в 1860 г.: «Сообщить К(нязю) Горчакову. К сожалению, я вижу, что Вы не можете убедиться, что покровительство, оказываемое нами Славянам, есть единственное средство спасти Православие от отпадания многочисленной паствы...» [4, с. 439].

Греко-болгарская церковная распря сама по себе была сложным церковно-дипломатическим «клубком противоречий». Не учитывая возможности полноценного межцерковного диалога и сделав ставку исключительно на одного из двух участников спора, Российская империя, быть может, потеряла влияние в конечном итоге на обоих. Греческое королевство попало под покровительство Британской короны, а отношения с Россией уже никогда не были теми же, что в начале XIX в. Болгария же, в начале XX в. пользовалась уже больше поддержкой западной, нежели российской дипломатии. Российская действительность того времени, когда идеи западничества и славянофильства были движущим фактором и в дипломатии показала, что как и сегодня, в XIX в. «...российская модель развития не воспринимает крайние формы, как западничества, так и славянофильства...» [14, с. 64].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской Империи), СПБ ГА (ГлавАрхив), ПО, опись 233, 1847 дело 2, с. 176.
2. АВПРИ, СПБ ГА, ПО, опись 233, 1847 дело 2, с. 228.
3. АВПРИ СПБ ГА, ПО, опись 233, 1847 дело 2, с. 355.
4. АВПРИ СПБ ГА, ПО, опись 233, 1847 дело 2, с. 439.
5. АВПРИ СПБ ГА, ПО, опись 233, 1847 дело 2, с. 439.
6. АВПРИ, Политархив, № 3, 1840, дело 150 с. 2–3.
7. АВПРИ Политархив, № 3, 1840, дело 150 с. 8–9.
8. АВПРИ Политархив, № 3, 1840, дело 150 с. 18–19.
9. АВПРИ Политархив, № 3, 1840, дело 150 с. 24.
10. АВПРИ, Политархив, опись 482 1883 дело 3355/2, с. 98.
11. АВПРИ, Политотдел, опись 233, 1859, дело 6, с. 66–67.
12. АВПРИ Фонд «Посольство в Константинополе» Опись 517/2, дело 3387, 1864, с. 234.
13. *Галушко А. Ю.* Святая Гора Афон как элемент балканской дипломатии России в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 34–44. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 23 (709). Сер. Исторические науки. Политические науки).

14. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. – Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. – 362 с.
15. *Касюк А. Я.* Направления глобализации в мире и в России. // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2015. – С. 56–68. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713) Сер. Общественные науки).
16. *Леонтьев К. Н.* Записка отшельника (1887) // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М., 1996. – 800 с.
17. *Леонтьев К. Н.* Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство – 800 с.

УДК 94(4)

Ю. А. Галушко

заместитель директора ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: galushko49@mail.ru

КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Автор статьи анализирует причины и итоги Крымской войны, которая фактически стала мировой, так как боевые действия велись одновременно на двух континентах. Оценивается роль Великобритании в этой войне, под эгидой которой в середине XIX в. против России в очередной раз объединилось всё «мировое сообщество» с единственной целью – отсечь Россию от морских коммуникаций и удушить ее экономически.

Ключевые слова: Крымская война; Венская нота; торговля; конфликт; союзный договор.

Galushko Y. A.

Deputy Director of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences; e-mail: galushko49@mail.ru

THE CRIMEAN WAR AS A VECTOR OF FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE MID-19TH CENTURY

The article investigates the causes and results of the Crimean War, Britain's role in the outbreak of the war, which really became a world war, the fighting which took place simultaneously on two continents. Under the auspices of the United Kingdom in the mid XIX century against Russia once again united all the «world community» for the sole purpose – to cut off Russia from maritime communications and economically strangle our country.

Key words: Crimean War; the Vienna note; trade; conflict; a treaty of alliance.

Более 160 лет отделяют нас от начала Крымской войны. Об этой войне написано огромное количество исторических трудов, воспоминаний очевидцев тех событий, созданы яркие художественные произведения, посвященные боевым эпизодам той кровавой эпопеи. Однако мало кто исследовал реальные причины ее возникновения как реализации активной фазы политики Великобритании, направленной на «отсечение» России от морских коммуникаций, экономическое удушение и дискредитацию ее как основного политического «игрока» в Европе.

Удивительно, но после поражения наполеоновской Франции, сокрушительного разгрома ее «Великой армии» в России и освобождения от французской оккупации практически большинства европейских стран русскими войсками, Европа почти 40 лет прожила без крупных войн и серьезных военных потрясений. Для Старого Света такой долгий мирный период стал редким счастливым исключением. Ничто как-будто не предвещало беды и кровавой военной грозы. Вступивший на французский престол, прибывший из Англии император Наполеон III, неожиданно обратился к турецкому султану с требованием, что бы ключи от главного входа в храм Рождества Христова в Вифлееме (территория Палестины, где находится храм, в тот период входила в состав Османской империи) были переданы от православной общины к католической. Наличие ключей от святыни, где по приданию родился Иисус Христос, было не просто формальностью, а достаточно важным религиозным символом.

В Османской империи в XIX в. проживало более 12 млн православных (на территориях Греции, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории, Македонии, Молдавии, Валахии, Сирии и самой Палестины), которые время от времени поднимали восстания против угнетения мусульманами. Поэтому лишать православных граждан своего государства такой привилегии, как обладание ключами от храма Рождества Христова, означало создание серьезной напряженности в империи. И все это исключительно ради того, чтобы сделать приятное католикам, которые к тому моменту на территории Османской империи проживали только в Хорватии, вели себя относительно спокойно и против турок не выступали. Однако надо иметь в виду, что по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору (1774), заключенному между Турцией и Россией, русский император признавался гарантом неприкосновенности религиозных прав православных, подданных Османской империи.

Таким образом, ущемляя права православных граждан своего государства, турецкий султан автоматически становился во враждебную позицию по отношению к России и ее императору. Хотелось бы подчеркнуть, что все это должен был сделать правитель мусульманской Турции в интересах даже не мусульман, а католиков. Естественно, Россия потребовала от турок выполнения статей Кучук-Кайнарджийского договора. В этой связи не стоит забывать, что «Россия – великая евразийская держава, находящаяся на стыке

Востока и Запада, Севера и Юга, накопившая солидный исторический, культурный и экономический потенциал. С этой точки зрения Россия стала объединительной силой для народов, говорящих на разных языках, находящихся на различных уровнях культурного развития, исповедующих различные религии» [2, с. 53].

Так было всегда, на всех этапах исторического развития нашей страны. Поэтому в столице Российской империи с нетерпением ожидали ответ на высказанные озабоченности положением православных в Турции. В Стамбуле официально заверили русского посла, что все права и религиозные интересы православных на Святой земле будут соблюдаться и по этому поводу будет подписан специальный фирман (именной указ турецкого султана). Но документ так и не был подписан султаном. Это можно было расценивать как оскорбление и прямой вызов России. Император Николай I войну не объявил, а обратился к европейским государствам за посреднической помощью. Дипломаты Франции, Англии, Австрии и Пруссии в июле 1853 г. на совместной конференции в Вене разработали текст некой примирительной ноты, которая стала называться Венской. Николай I полностью согласился с данным документом. Однако случилось нечто неожиданное – султан отверг текст уже согласованного документа, т. е. Оттоманская Порта вдруг открыто восстала против всего «мирового сообщества» того времени. В первую очередь, это был еще один выпад против России, все предыдущие войны с которой Турция регулярно проигрывала. А в данной ситуации Турция выступила не только против России, но и против основных европейских держав. Логика в данной позиции Турции, казалось бы, не было никакой. Дальше последовал ввод русских войск в Дунайские княжества с целью принудить султана согласиться с текстом Венской ноты, но войны как таковой еще не было.

Русский император был полностью уверен в своих союзниках, с которыми у него были соответствующие договоры: Англии и Австро-Венгрии. Вот, что писал английский историк Спенсер Уолпол (1839–1907) о возможных действиях своего правительства: «На этом этапе было два пути для сохранения мира. Правительство могла сказать Порте: “Если начнется война, Англия не будет в ней участвовать”. Такое прямое заявление заставило бы султана согласиться с Россией. Второй путь – заявить царю: “Если начнется война, Англия выступит союзником Турции”. В этом случае царь

вынужден был бы остановиться» [6, с. 146]. Но Британия не сделала ни первого, ни второго. Все дело было в том, что Англии мир был не нужен, а необходимо было втянуть Россию в долгую и, по возможности, кровопролитную войну. А вопрос о том, у какой из христианских общин будут находиться ключи от дверей храма Рождества Христова, был только поводом для этого. Нельзя всерьез считать причинами войны (по мнению канадского исследователя и потомка русских эмигрантов Алексиса Трубецкого) несдержанность Николая I, грубость и непрофессионализм его посла в Стамбуле князя Меншикова или агрессивность и личную неприязнь к России и ее императору посла Великобритании в Турции лорда Стратфорда.

Причины войны надо искать совсем не в этом. Влиятельный британский политический деятель того периода, член палаты общин, известный в своей стране предприниматель Ричард Кобден так формулировал свое видение перспектив английской торговли «...Торговцы из Европы, как и из остальных частей мира, шлют свои суда в наши порты, что бы нагрузить их плодами наших трудов, руководствуясь исключительно собственными интересами. Тот же самый порыв влек народы в Тир, Венецию и Амстердам, и если... найдутся страны (что весьма вероятно), чьи хлопковые и шерстяные ткани будут дешевле, чем таковые в Англии и остальных частях света, то туда (даже если эта страна будет лежать в самом далеком уголке планеты) соберутся все торговцы Земли, и никакая власть, никакие флоты или армии не уберегут Манчестер, Ливерпуль или Лидс от судьбы своих некогда громких предшественников в Голландии, Италии и Финикии» [7, с. 24].

В этой связи стоит отметить, что у Великобритании в начале XIX в. были все основания опасаться бурного развития промышленности и сельского хозяйства в России. «Еще в 1820-е гг. зародилась практика проведения промышленных выставок. В 1829 г. в Санкт-Петербурге была открыта I Всероссийская мануфактурная выставка, в работе которой участвовали сотни российских предпринимателей с самой разнообразной продукцией. И вплоть до революции 1917 г. подобные выставки проходили раз в четыре года попеременно в разных городах страны. Усиление товарного характера сельского хозяйства привело к быстрому росту хлебного рынка, который увеличился более чем в два раза. Из общего количества продаваемого хлеба примерно 60 % потреблялось внутри страны, а 40 % – вывозилось за границу. Еще быстрее развивался рынок промышленных товаров как

производительного, так и личного потребления. В стране сформировался устойчивый спрос на машины, орудия сельскохозяйственного труда, продукты нефтепереработки, и, прежде всего, керосин, ткани, обувь промышленного изготовления. Крупным потребителем становилось не только городское, но и сельское население. Особенностью этого периода было «бурное развитие рассеяной мануфактуры, когда часть обрабатывающей промышленности “переселялась” в деревню, где имелись дешевые рабочие руки. Крестьяне, еще прикрепленные к общинным наделам, широко участвовали в различных промыслах, из которых позже создавались крупные промышленные предприятия. Таким образом, в центральной России возникли многочисленные фабрично-заводские поселки – Орехово-Зуево, Павловский Посад, Гусь Хрустальный и др. Наряду с крупными промышленными центрами в глубине России развивались новые виды мелкой промышленности, которые были связаны с большими фабриками разделением труда» [5, с. 144].

Именно этот момент экономического роста России перед Крымской войной отмечал и уже известный нам А. Трубецкой, долгое время работавший в архивах Великобритании, Франции и Канады. «Россия вступила в период индустриализации и стала развиваться настолько стремительно, что составила серьезную конкуренцию Англии в экономическом отношении. Так, за двадцать лет (с 1825 г. по 1845 г.) импорт машин и оборудования в Россию увеличился почти в тридцать раз, а количество фабричных рабочих более чем удвоилось, как и число промышленных компаний. С распространением прядильных машин периодического действия открылось множество текстильных фабрик и импорт – сырья вырос на 280 %. Пароходное сообщение, железные дороги и дорожная сеть улучшенного качества соединили между собой развивающиеся промышленные центры. Банкам и страховым компаниям были дарованы льготы, и министру финансов удалось стабилизировать курс рубля. Процветала торговля с Кавказом, а экспансия империи в Азии сопровождалась установлением торговых связей с Китаем. К 1840 г. был, наконец, достигнут торговый баланс с этой страной, а еще через семь лет отношение российского экспорта к импорту в торговых операциях с Китаем составило 12:7.

Внедрение помещиками новых методов хозяйствования и оборудования привело к впечатляющим успехам в росте продуктивности сельского хозяйства. Если в 1825 г. в России было 7 заводов по

переработке сахарной свеклы, то в 1853 г. их число выросло до 380. Производство вина за двадцать лет удвоилось, производство картофеля за десять лет возросло в 4 раза. Но самым заметным и важным в тот период был рост производства и экспорта зерна. С 1832 г. по 1840 г. объем экспорта российского зерна ежегодно возрастал на 56 %. Самые крупные партии вывозились из южных областей России через черноморские порты. В 1845 г. из этих портов было сделано 2 222 рейса с грузом зерна, а за два последующих года количество таких рейсов достигло 4231» [6, с. 67–68]. Таким образом, в связи с экономическим ростом России стали сбываться самые пессимистические прогнозы английских политиков, промышленников и торговцев. Кроме того, что после разгрома наполеоновской Франции, Россия превратилась в мощнейшую военную державу на континенте, ее экономический потенциал неуклонно возрастал.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что постоянная борьба Британии с сильнейшей континентальной державой всегда наполняла действия английского руководства стройным внутренним смыслом. Эта была «альфа и омега» британской внешней политики: надо устранить, в крайнем случае ослабить в военном, экономическом и политическом отношении самого опасного конкурента (так уже произошло с Испанией, Голландией и Францией) – в данном случае на очереди была Россия. Достичь необходимого Англии результата можно было только втянув Россию в войну.

Но кто мог в тот период воевать с Россией? Австро-Венгрия была обязана России своим существованием после подавления антигабсбургского восстания в Венгрии в 1848 г. Между Австро-Венгрией и Пруссией был подписан договор о дружбе и ненападении. Польши уже не было на политической карте Европы, Швецию как военную державу можно было не учитывать. Оставались только Турция и Франция (в последствии присоединилось и Сардинское королевство), с помощью которых разыгрывалась многоходовая комбинация по втягиванию России в войну. И она все же началась, якобы во имя «защиты интересов Турции от агрессии России» (о ключах от храма в Вифлееме уже не упоминали).

По целям, количеству жертв и театрам военных действий она была не региональным, а мировым конфликтом. Закрывать России «окно» в Европу, зажать ее в тиски с востока, севера и юга – так формулировалась основная задача войны. Исходя из этой задачи,

и проводились боевые действия против России. На севере союзники пытались захватить Архангельск и Соловецкий монастырь на Белом море, на Балтике штурмовали Аландские острова и стремились пробиться к Кронштадту и С.-Петербургу, вели боевые действия на Дунае, в Крыму и на Кавказе, на Тихом океане атаковали Петропавловск-Камчатский.

Какие же цели преследовали «защитники Турции», объявляя войну России и ведя ее одновременно на двух континентах? Согласно плану, составленному в Лондоне, в результате войны от России должны были быть отторгнуты Финляндия, Аландские острова, Прибалтика, Крым и Кавказ. Должно быть восстановлено Польское королевство, а на Кавказе создано некое государство «Черкесия», вассально зависимое от Турции. Дунайские княжества Молдавия и Валахия, бывшие вассалами Турции и одновременно находившиеся под протекторатом России, предполагалось передать Австро-Венгрии. Основные трофеи планировали поделить таким образом: Прибалтику отдать Пруссии, Финляндию и Аландские острова – Швеции, Крым и Кавказ – Турции [1].

О притязаниях Франции, жаждущей реванша после разгрома ее армий в 1812–1815 гг., император Наполеон III откровенно рассказал русскому дипломату: «Я намерен... приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению вашего влияния и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли. Россия – не европейская страна, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить ваши связи с Европой, и вы сами по себе начнете движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда. Это станет грандиозным падением России, но вы сами его вызвали» [6, с. 163]. Таким образом, с Францией все было более-менее понятно. Но самое интересное было в том, что же хотела получить себе Британия, развязывая конфликт мирового масштаба? Ну, не ради же передачи ключей от храма Рождества Христова от православных к католикам или нежной любви к Турции англичанами, исповедующими англиканство, затевалась самая кровавая эпопея XIX века? Конечно же, нет.

«Крымская война, – утверждает английский историк Дж. Б. Хендерсон, – стала результатом пассивности дипломатов

и некомпетентности правительств”. Трудно не согласиться с профессором» [6, с. 65]. Так считает А. Трубецкой. Позволим себе не согласиться ни с ним, ни с английским профессором. По моему мнению, эта война была развязана Великобританией, во-первых, для того чтобы ни в коем случае не уничтожить Россию (с военной точки зрения это было бы слишком затратное и непредсказуемое по своим результатам предприятие). Желание было основательно ослабить ее экономически, лишив выходов к морям и океанам, превратив страну в надежный сырьевой придаток Британской империи, находящейся под постоянной угрозой военных конфликтов на западе со стороны Австро-Венгрии и возрожденной Польши, на севере – со стороны Пруссии и Швеции, на юге – со стороны Турции и «Черкесии». Во-вторых, необходимо было лишить Россию лавров освободителя Европы от наполеоновских захватчиков, т. е. политически обесценить лидирующую роль России в решении общеевропейских и мировых проблем, опустив ее на уровень каких-нибудь германских княжеств.

Говоря о причинах Крымской войны, я считаю, что нужно не забывать еще об одной стране, на экономику которой достаточно серьезное внимание обратила Великобритания в первой половине XIX в. Речь идет о Турции. Вот, что по этому поводу сообщает А. Трубецкой: «Стремительный рост России в этот период сопровождался пусть и менее впечатляющими, но также заметными успехами в экономике Турции. Предприятия Оттоманской империи производили все большее количество промышленных товаров, успешно развивалось и сельское хозяйство – особенно в европейских провинциях. Британия не оставляла без внимания возможности Турции как торгового партнера. Еще в 1833 г. Пальмерстон послал своего специального представителя Дэвида Уркварта в Константинополь с тайным поручением собрать сведения о степени экономического развития Оттоманской империи и, в особенности, о перспективах торговли. Уркварт с энтузиазмом сообщал в Лондон о “неисчерпаемых богатствах этой империи” и в высшей степени благоприятных возможностях для торговли. Посланник Пальмерстона пришел к заключению, что установление прочных экономических и политических связей с султаном будет как нельзя лучше соответствовать интересам ее величества. Кроме того Уркварт отметил, что почти все товары, импортируемые из России, доступны и в Турции. Более

того, усилив британское влияние в Османской империи, можно значительно проще сдержать осуществление российских планов в Турции, Персии, Индии и других восточных странах. Рекомендации Уркварта были приняты к сведению и положены в основу британской политики в отношении Порты на протяжении следующих двадцати лет.

В 1838 г. было подписано Англо-турецкое торговое соглашение, по которому Британия получила значительное преимущество по тарифам в сравнении с другими странами. Товарооборот между Англией и Турцией вырос невероятно. В обмен на промышленные товары Турция экспортировала в Англию зерно. Если в 1838 г. экспорт этого товара был близок к нулю, то в 1842 г. он достиг 988 тыс. бушелей, а в 1852 г. – 15 млн бушелей. Британский агент в Константинополе полковник Роуз предостерегал лорда Кларендона, что распад Турции станет “сигналом наступающего краха британской торговли и, шире, британских интересов”» [6, с. 69–70].

Таким образом, Турция в глазах английских руководителей, промышленников и торговцев к определенному времени превратилась в некое зеркальное отражение России – государство, из которого можно было в неограниченных количествах черпать природные ресурсы. Столкнув в войне Россию и Турцию, возникала реальная возможность значительно ослабить их в военном отношении и без особых усилий превратить в сырьевые придатки Британии. В этой связи достаточно характерно было отношение англо-французского командования в период Крымской войны к своим турецким союзникам, в интересах которых, по официальной версии, якобы, и велись боевые действия. Военный репортер английской газеты «The Time» Уильям Говард Рассел так писал по этому поводу: «Ни Сент-Арно, под чьим командованием были турки, ни лорд Раглан, которому они подчинялись в последствии, не знали, что с ними делать. Солдат, оборонявших Силистрию, Евпаторию и Карс использовали в качестве дровосеков, водоносов и подносчиков ядер и патронов, как вьючных животных. С ними жестоко обращались, и они голодали» [3, с. 23]. Была еще одна, на мой взгляд, достаточно важная причина, по которой Англия прилагала большие усилия по втягиванию Турции в зону своих интересов. Ограниченные людские ресурсы островного государства не давали возможности этой стране создавать мощную сухопутную армию. В связи с этим, англичане всегда

старались воевать чужими руками: использовали союзников, наемников или «туземные войска» – индийских сипаев, непальских гуркхов, нигерийских, угандийских, кенийских «африканских стрелков» и др.

В Турции в рассматриваемый период англичане успешно построили мощный паровой флот под командованием английских офицеров, сухопутные войска также обучались англичанами «европейскому строю», многие крупные воинские части и соединения турецкой армии возглавляли английские офицеры и генералы. Турецкая армия снабжалась исключительно английским вооружением, английскими боеприпасами, другим военным снаряжением из английских арсеналов и складов, что делало Османскую империю всецело зависимой от Британии. И все это создавалось не только для войны с Россией. Огромные людские ресурсы страны давали возможность англичанам (после разгрома России) комплектовать части «турецких сипаев», которые под командованием английских офицеров могли перебрасываться на турецких судах на большие расстояния от Северной Африки до Бенгалии, служить мощным тараном для продвижения Британской империи вглубь Черной Африки.

А теперь посмотрим, чем закончились боевые действия против России силами армий и флотов сильнейших держав мира того времени. Атаки на Петропавловск-Камчатский с позором провалились. Командующий объединенной англо-французской эскадрой (в ее состав входили три фрегата, паруснофрегат, корвет и бриг, на борту которых находилось 218 (по другим данным 212) орудий и более 2,5 тыс. матросов и солдат. Ударной силой союзников были морпехи Гибралтарского полка Королевской морской пехоты Великобритании) адмирал Дэвид Прайс с горя застрелился в собственной каюте. И было от чего переживать британскому адмиралу: его объединенной эскадре противостояли фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» совокупно с 27 орудиями на бортах и еще 40 артиллерийских орудий были на береговых батареях защитников Камчатки (гарнизон Петропавловска насчитывал около 1 тыс. чел.: офицеров, солдат, матросов, казаков и местных охотников). Но даже этими незначительными силами англо-французам был нанесен сокрушительный удар – большая часть полка морской пехоты была уничтожена мощной штыковой атакой (знамя Гибралтарского полка Королевской морской пехоты Великобритании, захваченное в бою на Камчатке, до сих пор украшает экспозицию Государственного

Эрмитажа), экипажи боевых кораблей также понесли огромные потери, что вынудило командование эскадры бесславно покинуть российские территориальные воды.

Войска Отдельного Кавказского корпуса штурмом овладели современной по тем временам турецкой крепостью Карс (гарнизон 17 тыс. солдат и офицеров), оборудованной по последнему слову фортификационного искусства английскими военными инженерами. Командовал гарнизоном английский генерал Уильямс, все основные офицерские должности в гарнизоне занимали англичане и поляки. Практически сходу была захвачена и крепость Баязет.

На Белом море англо-французская эскадра приблизилась к Архангельску, но командование посчитало, что этот порт слишком сильно укреплен, поэтому, не вступая в бой, отправились искать военное счастье у Соловецкого монастыря. Там их встретил огонь нескольких старинных пушек, с которыми управлялись монахи и солдаты инвалидной команды. После первых залпов командование эскадры предпочло покинуть негостеприимный Русский Север. Правда, на обратном пути англо-французы основательно разграбили рыбачий поселок Кола, сожгли все дома и рыбачьи лодки.

На Балтике союзники также больших успехов не достигли. Им удалось захватить и разграбить недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских островах. На этом их победы и закончились. Чтобы пробиться к С.-Петербургу, необходимо было предварительно штурмом овладеть мощнейшими крепостями Свеаборг и Кронштадт. Но тут возникли проблемы. После того, как четыре английских боевых корабля подорвались на неизвестных союзникам морских минах конструкции академика Бориса Семеновича Якоби («адских машинах», как о них тогда писали англичане), только пытаясь подойти к Кронштадту для проведения разведки, боевой порыв у английских и французских адмиралов быстро иссяк. И в дальнейшем они ограничивались только «демонстрацией флага» на Балтийском море у берегов Швеции и Дании.

Чего же добились союзники в Крыму, более двух лет штурмуя один-единственный русский город – Севастополь? Как оказалось, они и его не взяли. После захвата Мамаева Кургана, с которого простреливалась вся южная часть города, русские войска по наведенному мосту переправились на его северную часть и закрепились там. Однако именно в это время, когда русские полки готовились передислоцироваться с западной границы к Севастополю,

Австро-Венгрия (войска которой были сосредоточены на западных рубежах Российской империи) неожиданно предъявила ультиматум России, в соответствии с которым Россия должна была согласиться прекратить боевые действия, в противном случае Австро-Венгрия вступает в войну на стороне Англии и Франции. Воевать одновременно с Англией, Францией, Турцией, Сардинией, Австро-Венгрией, к которой в соответствии с союзным договором должна была присоединиться и Пруссия, для только вступившего на престол Александра II было делом сложнейшим и возможно бесперспективным. Русский император принял решение прекратить боевые действия.

Итоги Крымской войны подвел Парижский конгресс 1856 г. Согласно договору, Россия теряла крохотную часть Бессарабии, соглашалась на свободное судоходство по Дунаю и нейтрализацию Черного моря (запрет как России, так и Турции иметь военноморские арсеналы, крепости на черноморском побережье и военноморские флоты на этом море), возвращала Карс и Баязет Турции, а союзники взамен возвращали России южную часть Севастополя, Керч, Балаклаву и уплывали из Крыма (что было абсолютно не характерно для Британии того времени, которая в обязательном порядке на всех морских и океанских коммуникациях создавала свои военные и военно-морские базы).

Сравним теперь условия этого договора и цели, которые ставили перед собой союзники, начиная войну с Россией. Разве можно это назвать «позорным поражением»? Но такой мирный договор был заключен не потому, что у союзников вдруг неожиданно проснулась любовь к России. Просто они отлично понимали, что если бы война продолжилась и дополнительные русские полки были бы переброшены в Севастополь, то разгром союзников был бы неминуем. Поэтому ни о каком поражении русских войск речь не шла и союзникам просто надо было «спасать лицо». Этот тезис я хотел бы проиллюстрировать словами военного корреспондента английской газеты «The Time» Уильяма Говарда Рассела, который так описывал предпоследнюю попытку союзников штурмовать Севастополь: «18 июня 1855 г. был предпринят общий штурм Севастополя, окончившийся неудачей, с огромным числом убитых у французов и большими потерями для нас... Это было полное и абсолютное поражение. Из пяти штурмовых колонн две нисколько не продвинулись, а остальные были отбиты и даже не достигли рва у редана, потеряв 1500 человек

убитыми и ранеными. Может быть никто так не чувствовал горечь этих потерь, как наш вождь¹, который заболел и, к всеобщей скорби, скончался через десять дней в том же деревянном доме, где в течение всей осады Севастополя располагалась наша Главная квартира» [3, с. 109–110]. Как видим, на победную реляцию этот текст совсем не похож. А теперь давайте посмотрим, как описывал этот же автор состояние «лучшей армии в мире» – британской: «Положение нашей армии было “жалким и воистину душераздирающим”. Ни сапог, ни теплых шинелей; офицеры в каком-то рванье, солдаты просто в лохмотьях. Ни лекарств, ни крова над головой. Неделя за неделей в грязи или снеге отрытых окопов или в изодранных палатках на беспощадных ветрах крымской зимы. День и ночь их выслеживали с холмов неутомимые казаки. Мне приходилось записывать все эти повседневные страдания и ужасы, происходившие вокруг меня, что бы рассказать истинную правду. Ответ на мои сообщения не заставил себя ждать... В начале зимы 1854 г. остатки Британской армии были спасены благодаря колоссальным усилиям, предпринятым в Англии. Общественная и частная благотворительность соперничали в своем стремлении «спасти армию», и вся энергия и мощь правительства были, наконец, направлены на помощь нашим солдатам под Севастополем» [3, с. 101–102]. Такая армия длительные боевые действия с равным противником вести просто не могла по определению (колониальные войны с африканскими племенами кафров, зулусов и абиссинцев не в счет).

Что бы понять каков результат этой войны был для Европы, я хотел бы обратиться к той части книги Алексиса Трубецкого, где он описывал государственный визит Николая I в Англию в 1844 г.: «В англичан вселило уверенность присутствие в Лондоне этого “gendarme de l'Europe” (“жандарма Европы”), гаранта европейского единения, сильного союзника, способного помочь обуздать Францию и не дать ей снова нарушить хрупкое равновесие сил в мире» [6, с. 45]. После Крымской войны Россия уже не могла быть ни «жандармом Европы», ни «гарантом европейского единения». А раз нет «гаранта», то континентальная Европа, на радость Англии («мировой оружейной фабрике») вернулась к своему обычному состоянию – войны всех против всех. В 1864 г. разразилась Австро-пруссско-датская война, в 1866 г. – Австро-пруссско-итальянская

---

¹ Лорд Раглан. – *Прим. авт.*

война (на стороне Австрии выступили: Бавария, Саксония, Ганновер, Баден, Гессен, Вюртемберг), 1870 г. – Франко-прусская война, в 1871 г. впервые прозвучал лозунг: «Свобода, равенство и братство!» – восстала Парижская коммуна. Непокойно было на Балканах, где Турция вела боевые действия против Сербии и Черногории, в Греции тоже разразился кризис – король Оттон в 1865 г. вынужден был отречься от престола, и между «великими державами» началась яростная борьба за то, кто посадит на этот престол своего ставленника.

А что же стало с Турцией, за которую так активно «вступилось все мировое сообщество» того времени? В соответствии с решениями Парижского конгресса 1856 г., эта страна, так же как и Россия, лишалась права иметь в Черном море военный флот, военные базы и арсеналы. Таким образом, стало понятно, что в Турции на тот момент политическое влияние, осуществляемое в различных формах, зачастую проводится в форме политического насилия. Но политическое насилие над Османской империей в первой половине XIX в. англичане и французы удачно (для своих интересов) дополнили и экономическим влиянием. За время войны Османская Порта набрала столько иностранных кредитов в Англии и Франции, что по сравнению с 1854 г. в 1856 г. ее государственный долг вырос в два раза. Это дало возможность иностранным держателям турецких облигаций активно влиять как на внутреннюю, так и на внешнюю политику и экономику Турецкой империи. Что бы это влияние приобрело целенаправленный и организованный характер, англичане в 1856 г. создали Османский банк, через который эксклюзивно проводились финансовые операции как внутри Турции, так и международные транзакции, добились привилегии для своих граждан владеть в стране недвижимостью на равных правах с турками. Все эти «усилия» в конечном итоге привели к тому, что в октябре 1875 г. правительство султана Абдул-Азиза вынуждено было объявить о банкротстве страны.

Вот, собственно, что ожидало и Российскую империю, если бы планы по превращению России в сырьевой придаток Британии тогда превратились в жизнь.

В период 1854–1856 гг. ценой огромных усилий и жертв Россия устояла под концентрированными ударами «мирового сообщества» и не позволила себя закабалить. На территории нашего государства в Крыму не возникли английские военные базы, с помощью которых британцы могли бы контролировать не только северное побережье,

но и всю акваторию Черного моря: очередные Гибралтар, Мальта или новые Фолкленды. Для нашей страны это был основной итог Крымской войны. Уроком же войны стало понимание истины, которую позже емко сформулировал император Александр III: «Во всем свете у нас только два верных союзника, – любил он говорить своим министрам, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас» [4, с. 85].

Таким образом, можно отметить, что основной причиной Крымской войны явилась политика Британии, направленная на экономическое «удушение» России и на резкое снижение политической роли нашей страны на мировой арене. Эта война наглядно продемонстрировала очевидный факт: данная политика не достигла своих целей. Но в тоже время выдвинула перед Российской империей ряд сложнейших задач по проведению внутренних реформ государства и корректировке внешней политики по отношению к странам Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Касюк А. Я.* Российская Федерация и проблемы многоязычия, поликультурности и поликонфессиональности // Актуальные проблемы международных отношений. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 53–59. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 2 (662). Сер. Исторические и политические науки).
2. *Рассел У.* Крымская война. Личные воспоминания. – СПб. : Лениздат, 2013. – 160 с.
3. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. – М. : АСТ ; СПб. : Полигон, 2009. – 382 с.
4. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. – М. : Филинь, 1998. – 424 с.
5. *Трубецкой А.* Крымская война. – М. : Ломоносовь, 2010, – 320 с.
6. *Фергюсон Н.* Империя. Чем современный мир обязан Британии. – М. : Астрель : CORPUS, 2014. – 560 с.
7. *Харичкин И. К., Макаренко Е. В.* Политическое управление. – М. : ГУУ, 2014. – 123 с.

УДК 327.35

А. И. Емельянов

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: novogot@ya.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье исследуется институционализация интеграционных процессов Латинской Америки в современных условиях. Автор дает оценку результатам совместной деятельности государств для предотвращения общих вызовов и угроз. Делается вывод о том, что похожая цивилизационная идентичность стран региона является основой для институционализации интеграционных процессов.

Ключевые слова: региональная интеграция; Латинская Америка; международные отношения; политика.

Emelianov A. I.

Post-graduate Student of the MSLU; e-mail: novogot@ya.ru

POLITICAL SCIENCE DEPARTMENT LATIN-AMERICAN INSTITUTIONALIZATION OF INTEGRATION PROCESSES WITHIN THE CURRENT CONDITIONS

This article is dedicated to the issue of f institutionalization of integration processes in Latin America within the current conditions. This article investigates the region's integration processes, its issues and consequences. Author evaluates the results of the regional states common activity to prevent different threats and challenges. The author concludes that the similar civilization identity of the regional states is a good opportunity for integration processes institutionalization.

Key words: regional integration; Latin America; international relations; politics.

Формирование цивилизационной идентичности в Латинской Америке имеет своим результатом не только формирование интеграционных образований на различных уровнях, но и создает предпосылки для выработки единого политического курса стран. Формирование многополярного мира, подкрепленное желанием народов Латинской Америки проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, стимулировало процессы активного межгосударственного взаимодействия и способствовало координации внешнеполитического курса.

Востребованность во взаимодействии в латиноамериканском регионе определяется необходимостью обеспечения безопасности,

поддержания политической стабильности и экономического благополучия. В регионе выделяется три наиболее проблемных вопроса: растущая криминализация населения, наркотрафик и терроризм.

Криминализация в регионах Латинской Америки обусловлена замедлением темпов экономического развития, ухудшением жизненных условий основной массы населения, ростом социального неравенства, распространением коррупции. Росту преступности способствовали также миграционные процессы. Криминал препятствует развитию институтов гражданского общества и построению социально ориентированной экономики. Согласно докладу комиссии ООН по наркотикам и преступности, «криминализация региона препятствует созданию гражданского общества, ведет к развитию латентных акторов влияния на экономическую и политическую сферы стран региона» [10].

Наркотрафик является традиционной проблемой для Латинской Америки и не имеет однозначного решения. По данным ООН, в 2013 г. объем изъятых наркотических средств в регионе достиг 2 млн т (без учета товара, который преступным организациям удалось реализовать). Общая площадь плантаций кокаинового куста в Латинской Америке в 2012 г. составила 153,7 тыс. га [3].

Терроризм в Латинской Америке в основном связан с деятельностью крайних левых революционных марксистских организаций. Их активность проявляется в пограничных районах между Аргентиной, Бразилией и Парагваем, на границе Бразилии, Колумбии и Венесуэлы, а также в Центральной Америке. Угрозу стабильности представляет так называемый леворадикальный экстремизм в странах с высокой социальной напряженностью (Боливия, Колумбия, Эквадор). Такую деятельность ведут, в частности, Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК). Они видят свою цель в создании государства на основе марксистско-ленинской идеологии [9]. Террористические организации, как правило, содержатся за счет доходов от продажи наркотических средств. По экспертным оценкам, в 2012 г. поток наркотиков на территорию Венесуэлы, произведенных на плантациях, подконтрольных ФАРК, составлял около 100 т в год [13]. В концепциях же обороны и безопасности стран региона терроризм обоснованно рассматривается как «комплексное явление и следствие социально-политической напряженности, возникшее, в том числе, ввиду проблем криминализации в этом регионе» [8, с. 36].

В настоящее время в Латинской Америке существует ряд организаций, созданных с целью интенсификации развития торговли, политического, экономического сотрудничества, а также интеграции. Из них можно выделить наиболее влиятельные:

- 1) Организация американских государств (ОАГ);
- 2) Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР);
- 3) Союз южноамериканских наций (УНАСУР)
- 4) Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА).

Цели и мотивы создания организаций отражаются в основополагающих документах, анализируя которые можно выявить, что в основном их деятельность сосредоточена на решении следующих геополитических задач:

- 1) интеграция в политической и экономической сферах в целях проведения единой политики и защиты интересов региона на международной арене;
- 2) диверсификация внешних торговых отношений с евразийскими и африканскими государствами;
- 3) снижение роли США во внутренних латиноамериканских процессах.

На практике реализацию этих задач осложняют США, которые осуществляют свое влияние на страны Латинской Америки напрямую, через дипломатическую службу и через участие в работе ОАГ. Усилия государств Латинской Америки по строительству своих региональных организаций сводилось на нет политикой «добраго соседа» США, которая является ничем иным, как продолжением доктрины Монро, подразумевающей политическое и экономическое доминирование США в Латинской Америке [1]. Чтобы преодолеть недопонимание и выстроить единую политическую линию, способную отстаивать свои национальные интересы в регионе, были совершены определенные шаги по созданию интеграционных группировок, включающих в себя различные государства. Изначально же все происходило под непосредственным контролем США, что согласно У. Миду: «является одним из приоритетов США по обеспечению своей внешней политики» [6]. Таким образом, если раньше деятельность региональных организаций была подконтрольна Вашингтону, то теперь, в связи с отвлечением США на проблемы в другом полушарии и развитием гражданского общества, латиноамериканские страны получили больше возможностей для

самостоятельного решения региональных проблем и координации внешнеполитических действий.

Анализ основополагающих документов вышеуказанных организаций и их совместных деклараций позволяет выделить факторы, которые способствуют координации деятельности членов этих организаций [2; 15]. Среди них можно выделить:

- 1) общую цивилизационную идентичность;
- 2) принадлежность к общей языковой группе;
- 3) влияние католицизма;
- 4) общие исторические корни;
- 5) стремление сформировать новый центр силы [2].

Интеграционные процессы в регионе являются признаком формирования в мировой политике нового совокупного субъекта со своими интересами. Возникающие в регионе организации имеют свою структуру управления и механизмы взаимодействия.

МЕРКОСУР – это одна из крупнейших организаций в регионе, включает Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Парагвай и Уругвай. Население составляет 241 млн чел., совокупный ВВП – 1,3 трлн долл. США, объем внешней торговли – 375 млрд долл. США. МЕРКОСУР – второй после Европейского Союза по размерам и экономическому потенциалу таможенный союз и одна из крупнейших зон свободной торговли [14]. Поступательная динамика развития этого объединения превращает его в центр притяжения для других стран: происходит процесс присоединения к нему Боливии и Эквадора. МЕРКОСУР имеет также политическое измерение, так как в эту организацию входят ключевые государства региона, в практику МЕРКОСУР вошло принятие совместных политических заявлений по наиболее важным международным проблемам [14]. Кроме того, МЕРКОСУР развивает экономическое взаимодействие с другими странами и организациями. Характерно, что страны БРИКС хотят установить зону свободной торговли с МЕРКОСУР, чтобы интенсифицировать процессы сотрудничества между странами Латинской Америки, Китаем, Индией, Россией и ЮАР [6].

Усилиями лидеров стран-участниц МЕРКОСУР в 2008 г. был создан Союз южноамериканских государств (УНАСУР), что способствовало формированию в регионе единого политического и экономического пространства. В рамках УНАСУР сформирован ряд механизмов сотрудничества: Южноамериканский совет обороны, Банк Юга, Университет Юга. УНАСУР – организация, обладающая

международной правоспособностью, которая включает в себя все суверенные государства Южной Америки. Основная цель сообщества – создание посредством демократических правительств и путем всеобщего участия и согласия единого интеграционного пространства для усиления процесса южноамериканской интеграции, без дискриминации всех его участников и потенциальных членов, с целью устранения социально-экономического неравенства, достижения социального партнерства и уменьшения различий на пути упрочения суверенитета и независимости государств. Кроме того, особо подчеркивается задача организации в формировании общей идентичности [19].

Подобные цели стремится достичь и АЛБА. В его состав входят девять стран, в том числе Боливия, Венесуэла, Гондурас, Куба, Никарагуа, Эквадор. Создание АЛБА было ответом на политику США, которые стремились создать новое интеграционное объединение – Межамериканскую зону свободной торговли (АЛКА). США старались включить латиноамериканские страны в интеграционный процесс под своим руководством и распространить зону НАФТА, которая могла бы привести к снижению промышленных мощностей Латинской Америки, ввиду отмены пошлин и открытия границ для свободного передвижения промышленной продукции.

Замысел США потерпел фиаско, хотя разговоры о его реализации продолжают вестись, например, в рамках ОАГ. Причиной тому стала позиция ряда руководителей стран региона, которые в ходе заседания МЕРКОСУР выступили против расширения этого блока из-за угрозы, которую несла АЛКА развитию всех интеграционных объединений, включая и МЕРКОСУР. По предложению президента Венесуэлы Уго Чавеса была создана организация АЛБА, которая объединила страны Латинской Америки, негативно настроенные к США. При этом подчеркивалось, что этот проект не просто союз, а объединение стран, идентифицирующих себя в едином латиноамериканском цивилизационном ключе. Согласно совместному заявлению членов этого блока, сделанному в 2006 г. «АЛБА позиционирует себя воплощением проекта интеграции региона в рамках единой цивилизационной сущности» [12, с. 7].

Результаты интеграции под лозунгами латиноамериканизма дают и эффект. Внутрорегиональная торговля среди членов этих организаций за небольшой промежуток времени выросла до 30 %

суммарного экспорта в 2013 г., увеличившись с 294 млрд долл. США в 1999 г. до 683 млрд долл. США в 2013 г. [19]. Кроме того, этот процесс сочетается с динамикой увеличения доли внутренней региональной торговли с 16 до 25 % за последнее десятилетие [4, с. 92].

Анализируя принципы этих международных интеграционных объединений, можно заключить, что ОАГ и НАФТА, с одной стороны, и МЕРКОСУР, УНАСУР, АЛБА – с другой, жиддутся на двух принципах: панамериканском и латиноамериканском. Поддержка лидерами Латинской Америки интеграции по второму сценарию объясняется, во-первых, самоидентификацией латиноамериканскими государствами цивилизационной близости; во-вторых, неприятием политики США (см. таблицу 1). Однако это не исключает экономического взаимодействия с североамериканским актором, поскольку экономики стран региона нуждаются в инвестициях. Например, самым крупным покупателем нефти Венесуэлы является США [18].

Таблица 1

Особенности идеологических течений в Латинской Америке

	Панамериканизм	Латиноамериканизм
Истоки	культура Западной Европы	смесь культуры Западной Европы и древней американской культуры
Отношение к другим нациям	покровительственное	равноправное
Тип воздействия на другие культуры	поглощение, унификация, вплоть до культурной интервенции (Макдоналдс, Голливуд)	включение, обобщение, отказ от культурной унификации
Направление воздействия	единое (идея прогресса, примат либеральных ценностей)	многонаправленное (идея самостоятельного развития народов)
Приоритетные ценности	материальные	нематериальные
Отношение личности и коллектива	индивидуализм	коллективизм, общинность
Типологический прообраз в новой истории	колонизация	зависимость от западных государств, неоднократные попытки интеграции

МЕРКОСУР и УНАСУР являются международными организациями, ориентированными на интеграцию государств Латинской Америки вне зависимости от политической ориентации их членов. В отличие от них ОАГ, особенно в середине XX в., видело необходимостью наличие на американских континентах исключительно проамериканских либеральных правительств. В этой ситуации АЛБА представляется идеологическим противовесом ОАГ, обеспечивающим идеологическое разнообразие региона (см. табл. 2).

Таблица 2

Различия интеграционных объединений в Латинской Америке

	ОАГ	АЛБА	МЕРКОСУР
Мотивы организации	образована под императивом США в целях создания зоны свободной торговли	оппозиция США в Латинской Америке, всесторонняя политическая и экономическая интеграция	коллективное принятие решений в экономической и политической сферах
Идеологическое обоснование сближения	панамериканизм, политика «доброе соседство»	боливариизм, социализм в XXI в.	клуб самых развитых стран региона
Экономическое строительство	создание единого экономического пространства, введение беспошлинного режима торговли	содействие торговле и политической кооперации между ее членами	формирование единой экономической политики
Наличие постоянно действующих надгосударственных органов	есть	есть	есть
Перспективы развития организаций	в организацию входят почти все страны Западного полушария	организация открыта для новых членов, стремящихся к социальной справедливости	целью организации является координация между самыми развитыми странами региона
Политика в сфере безопасности	договор о защите стран-членов от внешней агрессии	политика носит декларативный характер	политика носит декларативный характер

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что активный диалог государств региона происходит в рамках многих организаций, которые действуют как в рамках надгосударственных объединений, стремящихся стать активными политическими акторами, так и являющимися инструментами взаимодействия в различных сферах, начиная от защиты политико-экономической интеграции и заканчивая взаимодействием в гуманитарной сфере. И. Л. Шершнёв считает, что: «это взаимодействие происходит при активном участии общественной дипломатии, которая играет всё более важную роль в укреплении сотрудничества, атмосферы доверия, достижения согласия и взаимопонимания между народами» [11, с. 188].

Принимая во внимание процессы, происходящие в Латинской Америке в настоящее время, можно сделать вывод о том, что в регионе наблюдается активное сотрудничество государств в политической и других сферах, которые направлены на сближение позиций стран по ключевым проблемам. Кроме того, рассматривается институционализация позиции региональных организаций в политической сфере для формирования оппозиции США в латиноамериканском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров В. К. Геополитические смыслы Военной доктрины Российской Федерации // Геополитика и безопасность. – 2015. – № 1 (29). – С. 9–14.
2. Декларация УНАСУР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unasurg.org/node/48>
3. Доклад международного комитета по контролю над наркотиками за 2013 г. при ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2013/Spanish/AR_2013_S.pdf
4. Евдокимов А. И., Грук Л. В. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки: проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 92–96.
5. Заявление генерального секретаря МЕРКОСУР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mercosur.int/t_generic.jsp?contentid=5635&sitete=1&channel=secretaria
6. Китай предложил Латинской Америке кредит в \$10 млрд // Известия от 27.06.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/528681>

7. *Mud U. P.* Власть, террор, мир и война / пер. с англ. А.Георгиева, М.Назаровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.
8. Научно-методические вопросы международной безопасности / под ред. Н.Н. Успенского. – М.: Известия, 2014. – 140 с.
9. Официальный сайт революционных вооруженных сил Колумбии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://farc-ep.co/>
10. Управление ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unodc.org/unodc/ru/index.html>
11. *Шеринёв И.Л.* Направления деятельности общественной дипломатии во внешней политике России в эпоху глобализации // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2015. – С. 184–195. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Сер. Общественные науки).
12. *Azzi D., Harris D.* ALBA. Venezuela's answer to "free trade": the Bolivarian alternative for the Americas. – Brazil, São Paulo : Alianza Social Continental. 2006. – 28 с.
13. El final de Hugo Chávez destapa su vinculación con el narcotráfico // «ABC» de 30/04/2012. – URL: <http://www.abc.es/20120430/internacional/abc-chavez-narcotrafico-venezuela-201204301654.html>
14. Estudio económico de América Latina y el Caribe 2014: Desafíos para la sostenibilidad del crecimiento en un nuevo contexto externo. – URL: <http://www.cepal.org/es/publicaciones/36970-estudio-economico-de-america-latina-y-el-caribe-2014-desafios-para-la>
15. Objetivos específicos de la UNASUR. – URL: <http://www.unasursg.org/node/48>; Centro de Estudios Estratégicos de Defensa del Consejo de Defensa Suramericano (CEED-CDS) de la UNASUR. – URL: <http://www.ceedcds.org.ar/Espanol/01-CEED/01-Mision.html>;
16. Resolución de la MERCOSUR de la cumbre 2013. – URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/5623/1/secretaria/resoluciones_2013/node_5
17. Resultados de las cumbres de la UNASUR. – URL: <http://unasursg.org/reuniones>
18. The RPC and Latin America and the Caribbean: Towards a Strategic Relationship // ECLAC report. P. 12. – URL: <http://www.eclac.org/publicaciones/21.02.2012>.
19. Tratado Constitutivo de UNASUR. – URL: <http://unasursg.org/node/6>
20. Weisbrot M., Johnson J. The Gains From Trade: South American Economic Integration and the Resolution of Conflict. Washington, 2010, p. 1; International trade statistics 2009. – URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2013_e/its09_world_trade_dev_e.htm

УДК 327

А. Ф. Загуляев

аспирант кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: a.zaguljaev@gmail.com

**ПОНЯТИЕ «ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ
(на примере обсуждения возможности референдума
о выходе Великобритании из Европейского союза)**

В статье рассматривается понятие «европейская солидарность» в официальных документах Европейского союза, дискуссиях политиков и экспертов, современной политической философии. Примером различных вариантов его интерпретации служит полемика вокруг заявления британского премьер-министра Д. Кэмерона 23 января 2013 г. о возможности проведения референдума о выходе Великобритании из Европейского Союза.

Ключевые слова: Европейский союз; Великобритания; солидарность; интеграция; евроскептицизм; Лиссабонский договор; выход из ЕС.

Zaguljaev A.F.

Postgraduate Student of MSLU Department of Theory and History Institute of International Relations and Social and Political Science MSLU;
e-mail: a.zaguljaev@gmail.com

**EUROPEAN SOLIDARITY CONCEPT IN MODERN POLITICAL
DIALOGUE AND THE DISCUSSION ON POSSIBLE BRITISH
REFERENDUM WITHDRAWAL FROM THE EUROPEAN UNION**

This article tackles the concept of European solidarity in laws, treaties and documents of European Union, political discussions and modern political philosophy. An example of its interpretation is the discussion surrounding the speech of British Prime Minister David Cameron on January 23, 2013 regarding the possibility of a referendum on UK membership of the European Union.

Key words: European Union; United Kingdom; solidarity; integration; euroscepticism; Lisbon Treaty; Brexit.

В современном политическом лексиконе Европейского союза все большее значение приобретает понятие «европейская солидарность». Представители европейских институтов, политики стран-членов ЕС, эксперты, журналисты по-разному интерпретируют его, активно дискутируя о границах свободы стран и их взаимной ответственности, о дихотомии политических интересов стран и ценностей, на которых может строиться единая Европа.

Примером различной интерпретации понятия «европейская солидарность» и вопроса об ответственности страны-члена ЕС может служить выступление премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона 23 января 2013 г. о возможности провести референдум о выходе ее из Европейского Союза, а также ответные выступления европейских политиков. Полемика 2013 г. приобретает в настоящее время особую актуальность.

Начиная с 2010 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон неоднократно заявлял, что в случае победы на выборах 2015 г. возглавляемая им Консервативная партия инициирует проведение референдума о выходе страны из ЕС. Следовательно возможность выхода Великобритании из ЕС становится все реальнее.

Выступление 23 января 2013 г. было посвящено этой теме. Политик отмечал: «Люди не приемлют вмешательство в жизнь нашей страны при помощи ненужных, по их мнению, правил и указаний. И они интересуются: в чем цель всего этого... Многие спрашивают: “Почему бы не оставить систему, к которой мы присоединились – Общий рынок?” Люди ощущают, что ЕС выходит на тот уровень политической интеграции, который находится за пределами британской “зоны комфорта”. Они видят, как договор за договором изменяется баланс власти между странами-членами и ЕС, а им никогда не давалось право высказаться. Им обещали референдум, но не дали. Они видят, что сегодня происходит с евро и вспоминают, как многие из числа лидеров политики и бизнеса в свое время убеждали Британию перейти на него»¹ [13].

Д. Кэмерон полагает, что откладывать референдум нельзя: это лишь загонит проблему вглубь и даст лишние козыри евроскептикам. Он отметил, что сам лично выступает за сохранение членства в ЕС. Вопрос о референдуме лидер консерваторов увязывал с предстоящими выборами 2015 г. и заявил о нем, как о части предвыборной программы партии.

До речи британского премьера вопрос о референдуме вызывал умеренную реакцию со стороны чиновников Евросоюза и континентальных политиков. Так Ж.-М. Баррозу за две недели до выступления Д. Кэмерона не исключил возможность проведения дебатов и референдума о членстве страны в ЕС, отметив, что «это решать британцам» [22].

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. З.

Реакция ведущих политиков и чиновников европейских стран на речь Д. Кэмерона была резко отрицательной. Британию, с одной стороны, превозносили за то, что она много сделала для развития европейской интеграции, с другой – упрекали в том, что она бросает своих партнеров в трудные времена. «Европа не является сочетанием национальных интересов, а сообществом с единой судьбой в трудные времена», – заявил министр иностранных дел Германии Г. Вестервелле [10].

Президент Европарламента М. Шульц также полагает, что Великобритания должна оставаться полностью задействованной в европейской интеграции, а претензии Д. Кэмерона необоснованы: «Европа *a la carte* не возможна» [14]. Термин «Европа *a la carte*», т. е. возможность участия в отдельных интеграционных процессах, ввел в оборот президент Франции Ф. Олланд.

Глава МИД Франции Л. Фабиус отметил, что референдум будет «опасным для самой Великобритании» и добавил: «Если Британия хочет выйти, мы расстелем красную ковровую дорожку перед британским бизнесом, который проиграет от этого выхода» [10]. Мнение Л. Фабиуса отражает настроения французов. Согласно исследования газеты «Le Parisienne», 52 % опрошенных выступают за выход Великобритании из ЕС [21].

Иное мнение высказал спикер голландской либеральной партии по вопросам отношений с ЕС М. Верхейен: «Потеря конкурентноспособности стран Союза, необходимость роста, слишком многочисленные решения, принимаемые в Брюсселе, – со всем этим наша партия согласна. Мы хотим, чтобы Европейский союз был ограничен своими базовыми задачами» [11]. Он отмечает, что и раньше Д. Кэмерон выступал за особые условия для Великобритании, но теперь он требует перемен во всем ЕС, в этом-то он и следует принципам европейской солидарности.

Бывший премьер-министр Бельгии Г. Верхофштадт, убежденный федералист в стране, которую раздирает на части проблема взаимоотношений двух общин, фламандской и валлонской, назвал речь Д. Кэмерона «игрой с огнем» [9].

Премьер-министр Латвии В. Домбровских считает: «Нам близка идея усиления общего рынка и повышения конкурентноспособности. Лично мне понравилось, что Д. Кэмерон подчеркнул свою приверженность британскому членству в ЕС. Но вопрос пересмотра договоров о компетенциях ЕС достаточно рискован» [9].

Вице-спикер Европарламента, представитель Австрии О. Карас заявил: «Мы не можем продолжать давать Британии дополнительные “порции сосисек”. Их ревизионизм и возможность выхода уже угрожают европейской солидарности. Если всем позволить пересматривать правила, то ЕС развалится» [9].

После выступления имели место еще несколько случаев, когда Великобританию обвиняли в отсутствии европейской солидарности. В феврале 2014 г. правительство Д. Кэмерона не стало брать средства на восстановление разрушений в результате наводнения в Беркшире из Фонда европейской солидарности, специального фонда для борьбы с последствиями стихийных бедствий. В результате оно попало под огонь критики как со стороны сторонников интеграции, так и со стороны британских евроскептиков. Европейские политики видят в этом отказе как желание не быть ничем обязанным ЕС, так и отсутствие солидарности. В то же время лидер Партии независимости Соединенного Королевства Н. Фарадж, самый жесткий противник британского членства в ЕС, упрекал премьер-министра в том, что он не берет страховку, за которую страна платит взносы [16].

Рассмотрим, насколько обоснованы эти обвинения, и как понятие «солидарность» отражено в официальных документах Евросоюза и в традиции европейской политической философии, как его трактуют современные политики и экспертное сообщество.

Понятие «солидарность» в учредительных документах Европейского Союза

Термин «европейская солидарность» неоднократно употребляется в тексте ключевого документа ЕС – «Лиссабонского договора» о внесении изменений в «Договор о Европейском союзе» и «Договор об учреждении Европейского сообщества», подписанного 13 декабря 2007 г. на саммите ЕС в Женеве и призванного заменить непринятую Конституцию Европейского союза. Договор создавался в качестве «инструментария» функционирования Евросоюза на ближайшие 15–20 лет. В этих изменениях термин «солидарность» упоминается чаще любого другого (ст. 2.3, 3.3, 21.1, 24.2 и ст. 67, 80, 122, 222 и др.).

Ст. 2 измененного «Договора о ЕС» характеризует «солидарность» как одну из ценностей общества, которая строится в ЕС вместе с плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью и равенством мужчин и женщин. Ст. 3 (п. 3) говорит о солидарности

поколений. Ст. 21 (п. 1) того же Договора провозглашает солидарность одним из принципов, которые Союз продвигает в международных отношениях. Ст. 24 (п. 2) гласит: «Союз проводит, определяет и осуществляет общую внешнюю политику и политику безопасности, основанную на развитии взаимной политической солидарности государств-членов, на выявлении вопросов, представляющих общий интерес, и на достижении все более совпадающей направленности действий государств-членов» [1].

В Договоре о функционировании ЕС, другом учредительном документе Союза, в который внесены изменения, ст. 67 [2] говорится, что на солидарности основана «политика по вопросам предоставления убежища, иммиграции и контроля внешних границ». Ст. 80 подчеркивает, что «претворение в жизнь (политики ЕС. – А. 3.) подчиняется принципу солидарности и справедливого распределения ответственности между государствами-членами, в том числе в финансовом плане». Ст. 122 говорит об экономической взаимопомощи стран при кризисе также в духе солидарности, а ст. 222 о солидарности перед лицом террористической угрозы.

Понятие «европейская солидарность» в политических дискуссиях и суждениях экспертов

Наиболее ранним примером употребления слово «солидарность» применительно к процессу создания единой Европы является Декларация Шумана 9 мая 1950 г. [8, с. 309–310].

Министр иностранных дел Франции Р.Шуман предложил объединить металлургическую, железорудную и угледобывающую промышленность Франции и Западной Германии. Реализация этого предложения привела к созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), предшественника Европейского союза.

В тексте декларации говорится: «Европу не получится создать в один момент или на основании одного-единственного плана. Она будет строиться на основе конкретных достижений, с которых начнется построение фактической солидарности». Р. Шуман подчеркивал, что «солидарность, которая возникнет в процессе совместного производства, сделает войну между Францией и Германией не только немыслимой, но и невозможной физически» [8, с. 309].

Впоследствии понятие «солидарность» неоднократно употреблялось европейскими политиками как одно из важных качеств проходящего процесса объединения. Реалии холодной войны также

оказывали свое влияние. О солидарности говорилось в случаях, когда европейские политики хотели выработать общую позицию в отношениях с СССР и США. В 1990-е гг. после Маастрихтского соглашения и начала процесса европейской интеграции бывших социалистических стран Восточной Европы термин «солидарность» несколько отстывает. В ходу «координация», «сотрудничество» и «общеевропейские ценности». На острие дискуссий понятие «европейская солидарность» оказалось во второй половине 2000-х гг. Причин тому несколько:

– ЕС значительно расширился и изменил свой состав. Евросоюз перестал быть только Западной Европой географически, культурно и религиозно. В 2004 г. к союзу присоединились Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия и Словения. В 2007 г. расширение включало в себя Болгарию и Румынию. С 2013 г. в ЕС входит Хорватия. Девять из этих стран – бывшие участники Восточного блока, два входили в состав бывшей Югославии, а оставшиеся два – Средиземноморские острова. Большая часть населения Кипра, Болгарии и Румынии составляют православные христиане;

– провалился проект Конституции ЕС, которая должна была заменить все прежние учредительные акты ЕС. Ее подписали в Риме 29 октября 2004 г. главы всех стран-членов ЕС. Для вступления в силу проект должен быть одобрен всеми странами-членами ЕС, однако в ходе референдумов во Франции и Голландии он был отвергнут. В отсутствие конституции ЕС пришлось принимать Лиссабонский договор, о котором говорилось выше;

– в 2009–2010-е гг. ЕС пережил один из самых серьезных за свою историю экономических и финансовых кризисов. Рецессия в Греции, Испании, Португалии, Ирландии и Кипре, необходимость реструктуризации долгов Греции поставили на повестку дня вопрос, каковы границы солидарности и взаимопомощи стран перед лицом экономических трудностей. Проще говоря, насколько должны помогать оказавшимся в рецессии и переживавшим долговой кризис Испании, Португалии и в особенности Греции.

Термин «солидарность» широко стал использоваться в политических дискуссиях в ЕС в 2010 г. во время экономического кризиса в странах Южной Европы. На встрече представителей европейского экспертного сообщества, проходившем в Барселоне 30 сентября – 1 октября 2010 г. французский политолог Э.Фабри представила

доклад «Европейская солидарность: где мы находимся, должны ли мы ей способствовать и как?» [17]. В нем рассматриваются теоретический и прикладной (в области экономики, финансов, энергетики, безопасности) смыслы этого понятия.

Э. Фабри отличает понятие «солидарность» как «контрфактуальную взаимность» от благотворительности как проявления доброй воли, сопереживания, обусловленного моралью, и страховки как обусловленной юридическими соглашениями помощи. Исследователь применяет их к различным аспектам отношений между европейскими государствами.

Слово «контрфактуальный» отсылает слушателя доклада к контрфактуальному анализу, т. е. методу условного представления ситуации или условий, в которых гипотетически могут оказаться отдельные лица, организации или группы при отсутствии деятельности. Иными словами, что произойдет, если не оказать помощь. Например, какими последствиями будет грозить всему ЕС дефолт Греции по долгам или длительный экономический спад в этой стране, какие силы могут там прийти к власти, если не оказать ей помощь и не стабилизировать обстановку. Солидарность по Э. Фабри допускает также гипотетическую постановку донора помощи на место того, кто ее принимает. Например, немцы должны рассуждать о том, что, если бы Германия оказалась в таком же положении, как Греция?

Отсылая слушателей к декларации Шумана, Э. Фабри различает фактическую и аффектированную солидарности. Фактическая солидарность возникает как результат объективной взаимозависимости стран ЕС, их экономической и финансовой интеграции. Ссылаясь на выступления других участников конференции, исследователь дает ей наименования «органическая солидарность», «структурная солидарность» или даже «холодная солидарность» и «солидарность собственного интереса».

Аффектированная солидарность между странами является показателем солидарности спонтанной и лишенной расчета там, где сознание политиков не ограничивается пределами национальных границ и национальных интересов и выходит на уровень общеевропейских интересов. Поэтому, полагает политолог, именно аффектированная солидарность и может называться основным методом и мотором европейской интеграции.

Э. Фабри подчеркивает, что оба вида солидарности неразрывны, это два модуса единого понятия «солидарность», проявляющиеся

в зависимости от ситуации и условий. Понятие «европейская солидарность» применимо к отношениям стран-членов ЕС. Правда, отмечает Э. Фабри, в наши дни трения и конфликты интересов между более чем двумя десятками стран-членов ЕС делают на редкость сложным наполнение практическим смыслом триады «конкуренция стимулирует, кооперация усиливает, солидарность объединяет», некогда сформулированной Жаком Делором, председателем Еврокомиссии в 1985–1995 гг.

Отношения между странами-донорами и дотационными странами в рамках ЕС также делают острой проблему проявления солидарности. Политолог видит решение в том, что понятие «солидарность» должно дополняться понятием «ответственность». Дотационные регионы одновременно с получением помощи должны принимать на себя ответственность за разумное ее употребление и шаги в направлении улучшения своего состояния, и вносить посильный вклад в дело всеобщего процветания. Именно несоблюдение ответственности привело к долговому кризису 2009 г.

Долговой кризис стал результатом отсутствия или несоблюдения обязательств со стороны ряда государств. В долгосрочной перспективе сообщества могут развиваться на принципах солидарности лишь при условии, что все участники союза приняли обязательство согласовывать свои действия, а также оговорили санкции, которые могут быть применены к нарушившему данное обязательство.

Бывший директор Европейской комиссии по социальной защите и интеграции Жером Вийон в статье «Солидарность и ответственность в Европейском Союзе» [23] утверждает, что солидарность находится в основе европейской интеграции и приводит иную классификацию солидарности.

Активная солидарность предполагает гарантию поддержки более слабого со стороны более сильного в случае тяжелого положения более слабого для того, чтобы более слабый продолжал играть отведенную ему роль в сообществе. Долгосрочная солидарность, по Вийону, связывает солидарность с постоянной ответственностью перед стабильностью сообщества со стороны всех его членов.

В реальных политике и экономике активная и долгосрочная солидарность взаимосвязаны. Доноры и акцепторы в отношениях активной солидарности могут меняться местами, сохраняя долгосрочную солидарность. Устойчивая долгосрочная солидарность

должна быть безусловна, она не должна предполагать оценку возможной выгоды донора от своей щедрости. В ее основе в отношениях между народами является их память о прошлом, о взаимной поддержке, единстве культуры и истории.

В исследовании специалистов европейского мозгового центра Института Жака Делора солидарность между странами-членами ЕС связывается с механической солидарностью Э. Дюркгейма [18], о которой речь еще пойдет в дальнейшем.

Страны разделяют общие ценности, общую заботу о развитии ЕС как их совместного проекта, сохраняя при этом собственные интересы. Во-первых, это помощь одних стран другим в сознании, что и донору помогут в сложной ситуации. Во-вторых, собственный интерес: мы помогаем другим странам, потому что мы знаем, что действие во имя всего союза само по себе служит нашим интересам.

Примером солидарности первого типа является работа Фонда солидарности ЕС, который призван помогать странам-членам в случае стихийных бедствий. Ко второму типу солидарности, полагают исследователи, относится помощь более богатых стран ЕС более бедным. Следовать просвещенному собственному интересу правительствам стран трудно, поскольку им приходится встречать противодействие общественного мнения и групп элит. Трудно и странам, принимающим помощь, поскольку она оказывается не как акт благотворительности, а в обмен на лояльность и решимость к большей интеграции.

Критика идеи «европейской солидарности» евроскептиками

Сегодня так называемые евроскептики воспринимают слова о солидарности как ширму для планов более сильных европейских государств по установлению контроля над слабыми, так и для намерений брюссельских бюрократов по усилению влияния союзных структур, что, по их мнению, превратит бывший Общий рынок в квазигосударство тотального контроля, ставшую явью идею Л. Д. Троцкого о постепенном перерождении будущих капиталистических «Соединенных Штатов Европы» в социалистическую «Федеративную Советскую Европейскую Республику» («Программа мира», «О современности лозунга “Соединенные Штаты Европы”» и др.) [5; 6].

Идеи гуманитарных ценностей, прав и свобод в нем вырождаются в довлеющую агрессивную идеологию, в формулы которой большинство людей не верит и по ним не живет, но повторяет их, чтобы не подвергнуться нападкам. Союзное чиновничество превращается в социальную группу, которую в СССР называлось номенклатурой. Для евроскептиков в этой системе европейская солидарность становится чем-то вроде советских понятий интернационального долга и солидарности трудящихся. Представляя СССР в несколько утрированном виде, евроскептики полагают, что за этой помощью стоит не экономическая или политическая целесообразность, а неидеологический догматизм.

Для Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP), чьи представители прошли в Европарламент в ходе выборов в мае 2014 г., одним из основных объектов критики ЕС сегодня является критика предложения главы Еврокомиссии Жана-Клода Юнкера создать единую европейскую армию. Британские евроскептики видят в этом еще один шаг к превращению Евросоюза в единое государство, а в декларативной солидарности, простирающейся вне границ Союза, ловушку, в которую будут ловить страны, не желающие участвовать в создании новой военнизированной структуры на континенте.

Лидер партии Найджел Фарадж любит вспоминать слова премьер-министра Великобритании Тони Блэра о том, что вопрос Евросоюза это не гуманитарный вопрос, а вопрос о власти.

В официальном видеоканале партии в Интернете представлен ролик «Сходство ЕС и СССР», а бывший член Европарламента от UKIP Роджер Хелмер отмечал: «И СССР и Евросоюз решились создать структуры, которые игнорируют особенности человеческой природы и естественные устремления людей, но они рано или поздно пробьют себе дорогу» [19].

Лидер французского «Национального фронта» Марин Ле Пен также говорит о «Европейском Советском Союзе» [20]. Она критикует ЕС за то, что под флагом утопической солидарности страны лишаются самостоятельности и инициативы, а народ лишается контроля над своей страной. Вместо солидарности Ле Пен употребляет термин «кооперация» – сотрудничество. Она полагает, что в солидарной деятельности стран-членов следует вернуться к «процветанию и безопасности как контексту сотрудничества между

нациями, которые вправе участвовать в совместных проектах или не участвовать, если они считают, что это не в интересах их народов» [15]. При этом евроскептики не отрицают взаимопомощь между государствами саму по себе и выступают за Общий рынок. Выход они видят в возвращении к идее Шарля де Голля о Европе отечеств, сокращению регулирования и увеличению влияния свободного рынка.

Европейская солидарность в современной философии

Наиболее авторитетным современным философом, который многие годы занимался понятием «европейская солидарность», является Юрген Хабермас. Немецкий философ и социолог вместе со своими учениками единомышленниками с 1980-х гг. занимались проблемами соотношения солидарности и справедливости. Солидарности и справедливости Ю. Хабермас посвятил третий раздел своей книги «Разъяснения к этике дискурса» и ряд других произведений.

Взгляды философа эволюционировали. Если в конце XX в. он не придавал большого значения различию между солидарностью и справедливостью, то с течением времени склонился к мнению, что их нужно различать на смысловом, теоретико-понятийном уровне. «Хабермас приглашает своих читателей (и слушателей) прежде всего к размышлениям над особой солидарностью, выходящей за пределы нашей помощи, оказываемой родственникам, друзьям, соседям. И не о ней заводит речь Хабермас в интересующей его сегодня социальной связи. То, что предполагает солидарное поведение – это политические, следовательно, организованные правовым образом и в данной связи специально устанавливаемые (*artifizielle*) связи. Национализм затушевывает это различие. Он неверно претендует на то, чтобы на место солидарности граждан государства была подsunута “национальная солидарность”, солидарные действия со товарищей из твоего народа (*Volksgenossen*)», – отмечает российский философ Н. В. Мотрошилова [4].

В лекции «Демократия, солидарность и европейский кризис», прочитанной в мае 2013 г. в Католическом университете Лувена [7], Ю. Хабермас задался вопросами, является ли Европейская солидарность актуальным политическим понятием или уже только культурной условностью, а также не подрывает ли основанная на солидарности помощь основы демократии.

Он утверждает: «Проявления солидарности – это политическое действие и, безусловно, одна из форм моральной самоотверженности, которая была бы неуместна в контексте политической жизни. Солидарность перестает быть аполитичной, как только мы научаемся отличать обязательства по проявлению солидарности от моральных обязательств и от обязательств по следованию закону. «Солидарность» – это не то же самое, что «справедливость, правосудие» в смысле морали или права». Ю. Хабермас разбирает различия между солидарностью, моральным императивом и требованиями этики: «Требование солидарности не так обременительно, как категорический императив морального долга; в нем нет также ничего от принудительности закона. Моральные приказы должны выполняться независимо от отношения к лежащей в их основании норме, независимо от согласия или несогласия других людей, в то время как повиновение граждан закону находится в зависимости от того факта, что наделенное полномочиями осуществлять санкции государство обеспечивает всеобщее повиновение закону. Выполнение же этических обязательств, напротив, не может быть ни вынужденным, ни категорически требуемым. Вместо этого оно основано на ожидании взаимности, и одновременно – на длительной уверенности в этой взаимности» [7].

Солидарность предполагает добровольное соблюдение обещаний даже в ущерб своим интересам во имя совместных преимуществ в будущем, что должно восполнить ограниченные возможности данной политической системы, приспособить слабеющие политические институты к непрямому воздействию системной, в основном экономической, независимости.

Хотя историю термина «солидарность», отмечает исследователь, можно проследить до разделов римского права, посвященных долговым обязательствам, только со времен Французской революции 1789 г. он постепенно приобретает политическое значение, поначалу в связи с девизом «братство». Указывая, что революционеры и романтики XIX в. употребляли понятия братства и солидарность в значении синонимов, Ю. Хабермас видит в этом соединении иудео-христианской этики братства с римским республиканизмом.

В эпоху промышленного капитализма социально незащищенные наемные работники должны были образовать союзы на принципах солидарности, независимые от конкурентных отношений на рынке

труда, навязываемых системой. Противостояние между социальными классами в эпоху промышленного капитализма в конце концов институционализировалось в рамках построенных на демократических принципах национальных государств.

Глобализация изменила понятие «солидарность», продолжает философ: «С течением экономической глобализации эти государства подверглись сильному влиянию экономической взаимозависимости, которая сейчас потихоньку проникает сквозь границы национального государства. Системные ограничения снова подрывают установившиеся отношения солидарности и вынуждают нас реконструировать такую неполноценную форму политического объединения, как национальное государство. На этот раз непредвиденные системные обстоятельства, возникшие в рамках капиталистической системы, основанной на нерегулируемых финансовых рынках, трансформировались в напряжение между странами-участниками Европейского валютного союза. Если мы хотим сохранить валютный союз, недостаточно, учитывая структурный дисбаланс между национальными экономиками, предоставлять займы странам с чрезмерной задолженностью так, чтобы каждая страна самостоятельно увеличивала свою конкурентоспособность. Вместо этого требуется солидарность, совместные усилия, предпринятые исходя из общей политической перспективы, направленные на то, чтобы повысить конкурентоспособность еврозоны в целом» [4].

Заключение

Таким образом, понятие «солидарность» между государствами и «солидарность» в обществе имеют давнюю традицию толкований различных философских школ, в дискуссиях политиков и экспертов.

С чем связаны различные толкования этих понятий в наши дни? Наше предположение состоит в том, что «континентальные» политики в большей степени воспринимают солидарность как ответственность каждой страны перед всеми остальными. Истоки этого понимания, возможно, стоит искать в кантовской идее федерации государств на основе разума и взаимного уважения, а также в вере в прогресс и торжество разумной организации жизни.

Британской же политической традиции в восприятии солидарности присуща особая ценность свободного выбора, которую подчеркивал Дж. С. Милль, а также возможности занять отличную от

других позицию, если она, как представляется, направлена на общее благо. Если это верно, то понимание возможно найти, если раскрыть мотивацию тех и других и задать вопрос: каковы цели тех и других?

«Неопознанным политическим объектом» в 1985 г. назвал ЕС Жак Делор, председатель Европейской комиссии в 1985–1995 гг. [12]. Политик подчеркивал, что Европа останется этим «объектом» пока не обретет те свойства, которые позволяют каждой из стран выйти от политического объединения: достигнуть процветания и сохранить свою идентичность.

«Для любого государства важно <...> участвовать в системе управления и регулирования всеми процессами международных отношений. Решение судьбы другого государства (властвования над интересами другого государства) возможно лишь с согласия самого государства и его нации» [3, с. 77–78].

Проблема понимания понятия «европейская солидарность» будет актуальна не только применительно к вопросу о выходе Великобритании из ЕС, но и при обсуждении многих других политических проблем как внутри союза, например, возможного выхода Греции из ЕС, так и вне его, в том числе при формировании позиции ЕС в отношении России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/teu>
2. Договор о функционировании Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>
3. *Лесников Г.П.* Субъектно-объектные межгосударственные отношения в системе современного мирового порядка // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 75–84. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 23 (709). Сер. Исторические науки. Политические науки)
4. *Мотрошилова Н.В.* Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013) // Вопросы философии. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=836&Itemid=52
5. *Троцкий Л.Д.* О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/magister/library/trotsky/trotm232.htm>
6. *Троцкий Л.Д.* Программа мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/magister/library/trotsky/trot>

7. *Хабермас Ю.* Демократия, солидарность и европейский кризис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/9221>
8. *Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. – М. : Международные отношения, 1987. – 352 с.
9. *Brown St., Mark J.* Selfish, ignorant, dangerous: Europe's verdict on Cameron speech // Reuters (United Kingdom). – 2013. – URL: <http://www.reuters.com/article/2013/01/23/us-britain-europe-reaction-idUSBRE90M0MY20130123>
10. Cameron's Collision Course: London Takes Major Gamble with EU Referendum // Spiegel-Online (Germany). – 2013. – URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/analysis-and-reaction-on-david-cameron-s-plan-for-a-referendum-on-eu-a-879241.html>
11. Cameron speech: the view from Europe // Financial Times (USA) – 2013. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/db4a813a-6548-11e2-a3db-00144feab49a.html#ixzz3Xe6dRMei>
12. *Delors J., Fernandes S., Mermet E.* The European Semester: only a first step. // Notre Europe Policy Brief (France). – 2011. – 22 p.
13. David Cameron's EU speech – full text // The Guardian – 2013. – URL: <http://www.theguardian.com/politics/2013/jan/23/david-cameron-eu-speech-referendum>
14. EU leaders warn Cameron over membership referendum // BBC (United Kingdom). – 2013. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-21159368>
15. EU will collapse like Soviet Union, far-right leader Le Pen tells RFI. // Radio France Internationale (France). – 2014. – URL: <http://www.english.rfi.fr/economy/20131016-eu-will-collapse-soviet-union-far-right-leader-le-pen-tells-rfi>
16. EU wonders why Britain hasn't tapped fund for flood relief // Reuters (United Kingdom) – 2014. <http://www.reuters.com/article/2014/02/12/us-eu-britain-floods-idUSBREA1B1KX20140212>
17. *Fabry E.* European Solidarity: Where Do We Stand? Should We Foster It and How // 2010 European Forum of Think Tanks, Synthesis (France). – 2011. – P. 21.
18. *Fernandes S., Rubio E.* Solidarity within the Eurozone: how much, what for, for how long? // Notre Europe Policy Brief (France). – 2011. – 26. – P. 57
19. “I like to compare EU with Soviet Union” – European Parliament member // Russia Today (Russia) – 2011. – URL: <http://rt.com/news/eu-ussr-parallels/>
20. Interview with Marine Le Pen: 'I Don't Want this European Soviet Union'. Spiegel-Online (Germany) – 2014. – URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/interview-with-french-front-national-leader-marine-le-pen-a-972925.html>

21. Les Français favorables à une sortie de la Grande-Bretagne de l'UE // *Le Parisienne* (France). – 2013. – URL: <http://www.leparisien.fr/international/les-francais-favorables-a-une-sortie-de-la-grande-bretagne-de-l-ue-26-01-2013-2514875.php>
22. *Martin I.* Barroso's call for EU federation points to a British referendum and trouble for Cameron // *The Daily Telegraph* (United Kingdom). – 2012. – URL: <http://blogs.telegraph.co.uk/news/iaimartin1/100180847/barrosos-call-for-eu-federation-points-to-a-british-referendum-and-trouble-for-cameron/>
23. *Vignon J.* Solidarity and responsibility in the European Union, *Notre Europe Policy Brief* (France). – 2011. – 26 p.

УДК 94

А. Я. Касюк, А. А. Криворучко

Касюк А. Я., доктор исторических наук, профессор, директор Института МО и СПН МГЛУ; e-mail: imoispn225@mail.ru

Криворучко А. А., кандидат исторических наук, ведущий инженер Главного научно-исследовательского вычислительного центра; e-mail: kriv alex sakyra-1111@yandex.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИТОГИ И УРОКИ

В статье рассматриваются причины и повод развязывания Первой мировой войны, цели противостоящих сторон, ход войны, ее итоги, политические изменения в мире в конце войны: обострение противоречий в системе международных отношений, подъем революционного и национально-освободительного движения, уроки войны.

Ключевые слова: война; мир; ядерное оружие; трагедия; обострение противоречий; передел мира; повод; сражение; развязывание войны; прорыв; кризис; революция; мобилизация национально-освободительное движение; катастрофа.

Kasyuk A. Ya.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of International Relations and Social Political Sciences; e-mail: imoispn225@mail.ru

Krivoruchko A. A.

Candidate of historical sciences, leading engineer of the main (scientific-)research calculating and computing center; e-mail: kriv alex sakyra-1111@yandex.ru

WORLD WAR THE FIRST: TOTAL RESULTS AND LESSONS

The article is dedicated to analysis reasons world war the first, aims of the opposite sides, wage of the war, total results of this war, political changes in the world in the end of the war; aggravation of contradictions in the system of international relations, development of the revolution and national-liberation movement, as well as lessons of the war.

Key words: war; peace; nuclear weapons; tragedy; intensification of contradiction; occasion; battle; wage war; break-through; crisis; revolution; mobilization; national liberation movement; disaster.

В политической истории России Первая мировая война занимает особое место. Она оказала огромное влияние на последующее развитие всех сфер жизнедеятельности государства, таких как социально-экономическую, политическую и культурную. Нынешнюю ситуацию

в мире можно сравнить с ситуацией 1914 г. перед началом Первой мировой войны.

Изучение Первой мировой войны не утратило своей актуальности и в наши дни, ибо оно непосредственно связано с решением одной из самых жгучих проблем современности – проблемы войны и мира. Поколение людей, живущее в век ядерного оружия, обращается к прошлому, чтобы лучше понять настоящее. И ему небезынтересно знать, как во втором десятилетии XX столетия западным странам удалось ввергнуть народы в одну из величайших трагедий человеческой истории.

Важную роль в деле обобщения боевого опыта Первой мировой войны и его пропаганды играли военные академии, особенно Военная академия им. М. В. Фрунзе, а также общевойсковые органы периодической печати: журналы «Военная мысль», «Военный вестник». Вопросы истории Первой мировой войны широко освещались на страницах «Военно-исторического бюллетеня», который выпускался в 1935–1936 гг. Генеральным штабом КА. Крупную роль в изучении проблематики Первой мировой войны играет «Военно-исторический журнал».

Наряду с публикацией документальных материалов осуществлялось издание другого важного вида источников – воспоминаний участников войны. Среди наиболее значительных произведений военной мемуаристики видное место занимают «Мои воспоминания» А. А. Брусилова [6]. Их автор – известный полководец, внесший большой вклад в развитие военного искусства. В своих мемуарах он отобразил главные вехи своего жизненного пути, передал потомкам свои размышления о пережитом. Особая ценность книги состоит в том, что в ней раскрыты важные вопросы, связанные с подготовкой и проведением одной из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны – наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г. Речь идет о знаменитом «Брусиловском прорыве». Богатую информацию о военных событиях содержат также воспоминания ее современников: М. Д. Бонч-Бруевич [5], А. А. Игнатъев [9], Б. М. Шапошников [15].

Организация научных центров, подготовка кадров, упорядочение архивных материалов, публикация источников – все это обеспечило успешное ведение исследовательской работы в области истории Первой мировой войны. Советские историки провели крупные

исследования, в которых обстоятельно рассмотрели внешнюю политику западных стран накануне и в ходе войны 1914–1918 гг. Значительный вклад в изучение этих вопросов внесли М. Н. Покровский [13], И. И. Астафьев [4] и др.

Большой интерес представляет работа А. М. Зайончковского «Мировая война. 1914–1918 гг.» [8]. Автор рассмотрел вооруженные силы сторон, проанализировал планы войны, кратко осветил ход военных действий на всех фронтах. Он сделал выводы оперативно-тактического характера, подметил новые явления в области военного искусства, которые выявились в процессе войны.

Причины войны

В чем состояли причины войны? Главная причина – крайнее обострение противоречий между двумя государствами, соперничавшими в борьбе за сферы влияния, рынки сбыта, источники сырья, территориальный раздел и передел мира. Другая причина войны – стремление правящих кругов ведущих западных держав погасить нарастание социальных конфликтов внутри своих стран. В поисках средств по стабилизации обстановки правящие круги делали ставку на «внешние акции». В войне виделась возможность не только поновому разделить мир, но и локализовать революционную борьбу народов.

Противоречия возникали и нарастали на протяжении ряда десятилетий и привели к образованию враждебных коалиций: Тройственного союза (Союза центральных держав – Германия, Австро-Венгрия, Италия) в 1882 г. и Антанты (Тройственного согласия – Англия, Франция, Россия) в 1907 г.

Официально причинами войны называют противоречия между великими державами. В 1914 г. Германия была мастерской мира, но ей некуда было развиваться, все заморские колонии были уже поделены. Германия испытывала острый недостаток жизненного пространства для своего быстрорастущего населения и дефицит продовольствия. Поэтому Германия хотела установить свою гегемонию на Европейском континенте, разгромив блок великих держав, уже поделивших весь мир: Россию, Францию и Англию.

Видя гегемонистские претензии Германии, Россия и Франция в 1890 г. заключили военный союз, к которому в 1907 г. примкнула Англия. Назвали союз «Сердечное согласие» – Антанта. Франция

и Бельгия финансировали Россию, давали ей кредиты на модернизацию. Поэтому Россия была вынуждена вступить в войну, чтобы защитить Францию.

Накануне войны Россия занимала 1-е место в мире по темпам роста промышленности; 2-е – по добыче нефти; 4-е – по производству продукции машиностроения; 5-е – по производству чугуна и хлопка; 8-е – по производству электроэнергии.

Никто не хотел, чтобы Россия стала ведущей мировой державой, какой она постепенно становилась. Ее намеренно втянули в войну, чтобы уничтожить как конкурента. На роль мирового лидера претендовали США. Англия и Франция всячески препятствовали стремлению России получить контроль над проливами между Черным и Эгейским морями, что обеспечило бы постоянное присутствие российских кораблей в Средиземном море.

Формальным поводом к войне послужило убийство 28 июня 1914 г. в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским террористом студентом из Боснии Гаврилой Принципом. Он был членом тайной организации «Черная рука», связанной с сербской разведкой. Германские и австрийские милитаристы использовали это убийство для развязывания войны, которая началась между 8 государствами Европы (Германия, Австро-Венгрия и противостоящие им Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Сербия, Черногория). Со временем войной были охвачены 38 государств.

Первая мировая война была войной за нефть, а значит за боееспособную армию, которая переходила на новые виды вооружений и соответственно новое топливо – бензин. Кто оставался без нефти, тот оставался без боееспособной армии.

Цели сторон и ход войны

Конкретные цели военно-политического блока центральных держав состояли в разгроме Англии, Франции, России, захвате англо-французских колоний, захвате Украины и Прибалтики, распространении влияния на Балканы и Ближний Восток.

Страны Антанты также преследовали захватнические цели. Англия стремилась не допустить утверждения германо-австрийского блока на Ближнем Востоке и Балканах, разгромить морские силы Германии, захватить Месопотамию и Палестину, укрепить свои

позиции в Египте. У Франции было желание вернуть отторгнутые от нее территории в результате поражения в войне с Пруссией (1870–1871), а заодно захватить Саарский угольный бассейн и расширить свои колонии на Ближнем Востоке. Россия со своей стороны претендовала на то, что Балканы – это сфера ее влияния, стремилась к захвату проливов Босфор и Дарданеллы, рассчитывала присоединить Австрийскую Галицию. Остальные государства, участвовавшие в войне на стороне противостоявших блоков, также преследовали свои цели.

Основные сражения с началом войны в 1914 г. развернулись на Русском (Восточном) театре военных действий. Это были жестокие бои на северо-западе (против Германии) и юго-западе (против Австро-Венгрии). Восточно-прусская операция в августе – сентябре 1914 г. закончилась серьезной неудачей для Русской армии, но способствовала провалу немецкого наступления на Париж (немецкое командование было вынуждено перебросить на Восток свои крупные силы). Галицкая битва (август – сентябрь 1914 г.) привела к значительной военно-стратегической победе России: Русская армия продвинулась вперед до 300 км, заняв Галицию и ее столицу Львов.

Сложная обстановка на Восточном фронте вынуждала Германию предпринять ряд шагов по сдерживанию активности России. Германии удалось в октябре 1914 г. втянуть в войну с Россией Турцию. Но первая же крупная операция Русской армии на Кавказском фронте в декабре 1914 г. привела к поражению турецкой армии.

Активные действия Русской армии заставили германское командование в 1915 г. радикально пересмотреть свои планы. Центр тяжести перемещался на Восточный фронт. Но к концу 1915 г. война на всех фронтах приняла позиционный характер, что было крайне невыгодно Германии. Стремясь скорее добиться победы и не имея возможности осуществить широкое наступление на Русском фронте, германское командование осуществило прорыв в сторону французской крепости Верден. И снова, как и в 1914 г., союзники обратились за помощью к России, настаивая на наступлении на Русском фронте. Верные союзническим обязательствам, российские войска летом 1916 г. под командованием А. А. Брусилова перешли в наступление, в результате которого были заняты Буковина и Южная Галиция. «Брусиловский прорыв» вынудил немцев снять с Западного фронта свои дивизии и направить их в помощь австрийским войскам. Тогда

же ряд побед был одержан и на Кавказском фронте, где Русская армия углубилась на территорию Турции на 250–300 км.

Итак, в 1914–1916 гг. Русской армии пришлось принять на себя мощные удары неприятельских сил, оказывать союзническую помощь в их борьбе. В то же время недостаточность вооружения и снабжения не только снижали боеспособность армии, но и значительно увеличивали ее жертвы.

Участие России в Первой мировой войне закончилось подписанием в марте 1918 г. Брестского мира между Германией и Советской Россией.

На Западном фронте военные действия продолжались до осени 1918 г., когда 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу (Франция) было подписано перемирие между победителями (страны Антанты) и потерпевшей поражение Германией.

Итоги войны

Первая мировая война, которую называли «великой войной», была закономерным итогом длительного исторического развития Европы [1]. Она была проявлением глубочайшего кризиса европейской цивилизации.

Война закончилась поражением Германии и ее союзников. После заключения Компьенского перемирия державы-победительницы приступили к разработке планов послевоенного «урегулирования». Послевоенное мирное «урегулирование» в интересах держав-победительниц завершила Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. Договоры с Германией и ее бывшими союзниками и соглашения, подписанные на Вашингтонской конференции, составили так называемую Версальско-Вашингтонскую систему устройства мира. Являясь результатом компромисса и сделок, она не только не устранила противоречий между противоборствующими державами, но значительно усилила их.

Распад Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй; в 1917 г. в России произошла революция, а в 1918 г. – Германии; образование в ходе революций новых государств, социальные потрясения во многих странах мира – все это непосредственные последствия войны. Всем странам война нанесла огромный ущерб, а для многих народов имела трагические последствия [14].

Между основными державами началась борьба за новый передел мира.

По своим масштабам и последствиям Первая мировая война не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. Она длилась 4 года 3 месяца и 10 дней (с 1 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г.), охватив 38 стран с населением свыше 1,5 млрд чел. или три четверти населения земного шара.

В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащенные новейшими техническими средствами борьбы. В странах Антанты было мобилизовано около 45 млн чел., в коалиции Центральных держав – 25 млн, всего – 70 млн чел. [10]. Из 16 млн мобилизованных русских солдат 1 млн 800 тыс. были убиты, более 3 млн – ранены, 3 млн 344 тыс. попали в плен. Война сопровождалась гибелью мирного населения. Относительно общего числа людских потерь этот показатель составил 5% [3]. Наиболее работоспособная часть населения была изъята из материального производства и брошена на взаимоистребление. К концу войны численность сухопутных войск увеличилась по сравнению с мирным временем в России в 8,5 раза, во Франции – в 5, в Германии – в 9, в Австро-Венгрии – в 8 раз.

Война потребовала огромного напряжения физических и духовных сил народов, мобилизации всех материальных ресурсов, показав решающую роль экономики в ходе вооруженной борьбы. Затраты на войну составили громадные суммы: Германия – 91,4 млрд марок, Россия – 50,6 млрд золотых рублей, Италия – 6,2 млрд лир, Франция – 160 млрд франков [12].

Первая мировая война характеризовалась массовым применением боевой техники. Промышленность воюющих держав дала фронту миллионы винтовок, свыше 1 млн ручных и станковых пулеметов, свыше 150 тыс. артиллерийских орудий, 47,7 млрд патронов, свыше 1 млрд снарядов, 9,2 тыс. танков, около 18 тыс. самолетов. За годы войны число тяжелых артиллерийских орудий увеличилось в 8 раз, пулеметов – в 20, самолетов – в 24 раза. Мномомиллионные армии требовали непрерывного обеспечения их продовольствием, обмундированием, фуражом.

Рост военного производства был достигнут в основном за счет мирных отраслей промышленности и перенапряжения народного хозяйства. Это вело к нарушению пропорций между различными отраслями производства и, в конечном счете, к снижению показателей экономики. В городах Германии, Австро-Венгрии и России

остро ощущался недостаток продовольствия, а затем разразился настоящий голод. Он распространился и на армию, где были снижены нормы довольствия.

Война разрушала производительные силы общества, дестабилизировала экономическую жизнь народов. Особенно сильно было подорвано сельское хозяйство. Мобилизация в армию лишила деревню наиболее производительной рабочей силы и тягла. Посевные площади сократились, упала урожайность, уменьшились поголовье скота и продуктивность. В городах Германии, Австро-Венгрии, России остро ощущался недостаток продовольствия, а затем разразился настоящий голод.

Первая мировая война потребовала колоссальных финансовых затрат, которые во много раз превосходили затраты во всех предыдущих войнах. В ходе войны произошло массовое уничтожение материальных ценностей. Целые районы особенно в Северной Франции были превращены в пустыню.

Научно обоснованной оценки стоимости Первой мировой войны не существует. Наиболее распространена в литературе оценка, данная американским экономистом Э. Богартом, который определил общую стоимость войны в 359,9 млрд долл. США золотом (699,4 млрд руб.), в том числе прямые (бюджетные) расходы – 208,3 млрд долл. США (294,4 млрд руб.), что в 10 раз превысило стоимость войн с 1793 по 1907 г. [2]. Вместе с тем военно-промышленный комплекс воюющих стран получил гигантские прибыли. Они увеличились в Германии в 3–5 раз, в России – в 3–4 раза. Чистый доход монополий США достиг 27,3 млрд долл. США (к 1921 г. Европа задолжала США 15 млрд долл. США) [2].

Война принесла человечеству невиданные лишения и страдания, всеобщий голод и разорение, людские потери и разрушение материальных ценностей, привела все человечество на край пропасти. Эта война была самой кровавой и разрушительной в начале XX в. В бою погибло свыше 10 млн чел., ранено 20 млн, из них 3,5 млн остались калеками. Наибольшие потери понесли Германия, Россия, Франция и Австро-Венгрия (66,6 % всех потерь).

Неблагоприятной сферой демографических последствий войны явилось резкое снижение режима естественного воспроизводства населения. Мобилизация значительной части мужчин, использование женского труда на производстве, материально-бытовые трудности,

голод, болезни и другие бедствия, вызванные войной, снизили рождаемость и увеличили смертность. В итоге существенно сократился общий прирост народонаселения. Убыль населения по этим причинам только в 12 воевавших государствах составила свыше 20 млн чел., в том числе в России – 5, Австро-Венгрии – 4,4, Германии – 4,2 млн чел.

Война принесла человечеству невиданные лишения и страдания. Были разрушены тысячи городов и селений, железные дороги и мосты, жилые дома, пришли в запустение значительные территории сельскохозяйственных земель, миллионы людей лишились крова, имущества, утратили гражданство, профессиональные качества. Безработица, инфляция, рост налогов, повышение цен – все это обострило нужду, нищету, крайнюю необеспеченность подавляющего большинства населения воюющих стран.

Основную тяжесть войны вынесли Россия и Германия. В июне 1917 г. из 521 дивизии, которыми располагала Антанта, 288 (55,3 %) были российскими. Из 361 дивизии блока Центральных держав 236 (63,4%) были германскими. Большая численность армий привела к образованию обширных фронтов, общая протяженность которых достигла 3–4 тыс. км. Военные действия охватили территории Европы, Азии и Африки. Главными сухопутными фронтами были Западный (Французский) и Восточный (Русский), основные морские театры военных действий – Северное, Балтийское и Черное моря [1].

Первая мировая война вызвала изменения во всех сферах жизни общества, эти изменения затронули все ведущие страны мира. Война во многом определила весь XX в., который невозможно понять без понимания значения Великой войны.

Война оказала большое влияние на весь ход всемирной истории, привела к обострению классово-борьбы, активизации национально-освободительного движения. Она ускорила вызревание объективных предпосылок победы Великой Октябрьской социалистической революции. Первая мировая война и Октябрьская революция положили начало общему кризису европейских стран. В результате Первой мировой войны США превратились в великую державу. Вторая мировая война помогла США выйти из экономического кризиса 1930 гг. и стать сверхдержавой.

Порождение Русской армии в Первой мировой войне – закономерный этап развития социально-экономических процессов

России в начале XX столетия, результат ее внутренней и внешней политики в этот период.

Одержав ряд блестящих побед и потерпев несколько поражений, Русская армия в Первой мировой войне заявила о себе как о серьезной военной силе.

Последним испытанием остатков Русской армии была Гражданская война в России, где победа была на стороне той ее части, которая пошла за Советской властью, которая по сравнению с царским самодержавием была более прогрессивной формой социально-экономического устройства общества и которая, к сожалению, не сумела в XX столетии доказать свою жизнеспособность.

Первая мировая война явилась важным этапом в истории военного искусства, в строительстве вооруженных сил.

В 1916 г. появились танки – мощная ударная и маневренная сила. Танковые войска быстро развивались, и к концу войны в странах Антанты насчитывалось 8 тыс. танков.

Бурное развитие переживала авиация. Выделились различные рода авиации – истребительная, разведывательная, бомбардировочная, штурмовая.

К концу войны воевавшие страны имели свыше 10 тыс. боевых самолетов. В борьбе с авиацией развивалась противовоздушная оборона. Возникли химические войска. Значение конницы как рода войск снизилось, и к концу войны ее численность резко сократилась. Возросла роль войскового тыла и материально-технического обеспечения войск. Важное значение приобрел железнодорожный и автомобильный транспорт.

Использование авиации, танков, артиллерии в Первой мировой войне сделало ее более разрушительной и кровопролитной по сравнению с предыдущими войнами. Увеличилась дальность артиллерии, вырос калибр орудий, более разрушительной стала сила снарядов. Появление авиации значительно увеличило возможность воздействия на объекты, расположенные не только на линии фронта, но и в глубоком тылу противника. Подводные лодки существенно увеличили возможность поражения как морских, так и прибрежных целей.

Впервые в истории в Австро-Венгрии были созданы концентрационные лагеря Таллергоф и Терезин. Первыми в истории войн немцы применили удушающие газы на русском фронте.

Политическое изменение в мире в конце Первой мировой войны

1. Обострение противоречий в системе международных отношений.

По окончании войны державы-победительницы приступили к разработке планов обустройства мира. Парижская мирная конференция (1919–1920) подготовила договоры государств Антанты с побежденными европейскими странами. В июне 1919 г. был подписан Версальский мирный договор с Германией. Через некоторое время были заключены мирные договоры с другими странами германского блока. Послевоенное мирное «урегулирование» на Дальнем Востоке в интересах государств-победителей завершила Вашингтонская конференция (1921–1922). Договоры с Германией и ее бывшими союзниками, а также соглашения, подписанные на Вашингтонской конференции, составили так называемую Версальско-Вашингтонскую систему устройства мира. Составной ее частью было создание Лиги наций – международной организации для развития сотрудничества между народами и поддержания мира. Страны, одержавшие победу в войне, перекроили европейскую карту за счет государств германского блока, получили новые рынки сбыта, источники сырья, колониальные владения. По версальскому договору от Германии были отторгнуты и переданы соседним странам (Франции, Бельгии, Польше) значительные территории в Европе. Она была лишена всех колоний, сфер влияния, собственности и привилегий за пределами страны. Предусматривалось разоружение Германии. Она объявлялась ответственной за развязывание войны и причинение ею ущерба, что создавало условия для взимания репараций.

Не менее тяжелыми были итоги войны и для союзников Германии. Значительных территорий лишена была Турция. В результате распада Австро-Венгерской империи и отторжения территорий от Германии и России образовались самостоятельные государства: Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша, Югославия.

Сложившаяся в послевоенное время новая расстановка сил на международной арене создала почву и для обострения противоречий между самими государствами-победителями. Англия и Франция боролись за ведущую роль в Европе, Англия и США – за господство на море. На Дальнем Востоке Япония стремилась укрепить

свои позиции в Китае, но ей препятствовала американская политика «открытых дверей». Американские монополии, разбогатев на войне, добивались мирового лидерства.

Таким образом, Версальско-Вашингтонская система, задуманная как гарант от будущих международных конфликтов, не могла устранить их. Победенные страны не могли согласиться с тяжелыми условиями мира. Более того, они в дальнейшем помогли реакционным силам Германии, Италии и Японии маскировать свои захватнические цели лозунгами о необходимости устранения «версальского диктата», разжигать среди населения шовинистические настроения. Возникли реваншистские течения, приведшие к появлению фашизма и Второй мировой войне.

2. Подъем революционного и национально-освободительного движения.

Война до предела обострила внутренние противоречия в воюющих государствах. Резкое ухудшение положения народа, усиление социальных контрастов не могли не сказаться на психологии масс. Началась быстрая радикализация общественно-политических движений. Накопившаяся социальная напряженность под влиянием тягот и лишений войны стала проявляться в форме революционных взрывов (1917–1923). Крупнейшими событиями этого периода стали Февральская и Октябрьская революции 1917 года в России.

Революционный подъем был мощным протестом против войны. В октябре – ноябре 1918 г. произошли буржуазно-демократические революции в Австро-Венгрии и Германии, в результате которых рухнули крупнейшие монархии – Габсбургов и Гогенцоллеров.

В январе 1918 г. вспыхнула рабочая революция в Финляндии. В конце этого года Советы рабочих депутатов были созданы в ряде городов Польши. В 1919 г. возникли советские республики в Баварии, Бремене, Словакии, Венгрии. Усилилось рабочее и демократическое движение в других странах.

Развертывалось национально-освободительное движение в колониях и полуколониях Азии и Африки. Начался необратимый процесс крушения колониальных держав – Великобритании и Франции. В марте 1919 г. произошло народное восстание в Корее, в мае началось массовое антиимпериалистическое движение в Китае. Национально-освободительная борьба турецкого народа в 1918–1923 гг. привела к образованию буржуазной республики.

Однако рабочее и национально-освободительное движение не смогло удержать завоеванные позиции. После 1920 г. оно пошло на убыль. Отступление сочеталось с мощными забастовочными выступлениями рабочего класса.

Внутренняя нестабильность, усугубленная к концу 1920 г. экономическим кризисом, привела к перегруппировке сил в европейских странах, к формированию полярных тенденций политического развития.

Во-первых, в Италии и Германии зарождалось праворадикальное фашистское движение. В своей идеологии фашисты опирались на обострение национальных чувств, использовали разочарование в старых политических ценностях, спекулировали на недовольстве широких слоев населения своим экономическим положением. Но идея национального единства служила фашистам лишь прикрытием для осуществления амбициозных планов захвата политической власти и установления диктаторских режимов.

Во-вторых, в ряде стран возникли леворадикальные коммунистические партии. Объединившиеся в марте 1919 г. на своем конгрессе в III Коммунистический интернационал компартии создали организацию, борющуюся за диктатуру пролетариата в мировом масштабе. Деятельность компартий направлял сполком Коминтерна, находившийся в Москве. Поддержка им коммунистического движения в отдельных странах в первую очередь сводилась к мерам политического характера, но имела место и материальная помощь. В деятельности Коминтерна значительное место отводилось подготовке мировой пролетарской революции, которая объективно носила характер борьбы за приближение мировой революции. В ее неизбежность свято верили, отдавали ее подготовке огромную энергию, а часто и жизнь.

Трагедией для рабочего класса стало то, что ни коммунисты, ни социал-демократы, занятые внутренней борьбой, не поставили своевременно эти проблемы в качестве первоочередных, а руководство Коминтерна и Рабочего социалистического интернационала не проявило достаточной мудрости и доброй воли, чтобы преодолеть внутренние разногласия и объединиться перед лицом общей опасности – фашизма. К середине 1920-х гг. в Коммунистическом интернационале утверждается отношение к социал-демократам как проводнику фашизации капиталистических стран [11].

Итак, Первая мировая война превратилась в мощный фактор, революционизирующий массы и обостривший внутривнутриполитическую ситуацию в воевавших странах. Прокатившаяся волна революционных и национально-освободительных движений в ряде стран привела к крушению существовавших режимов, приходу к власти новых партий.

Уроки войны

Война опирается на политику, политика – на экономику, экономика – на социальную психологию, а социальная психология – на индивидуальную психологию личности. Армия воюет ради победы, государство ради влияния, экономика ради ресурсов, общество ради порядка, человек воюет ради справедливости; ради выживания воюют все. Чем актуальны уроки «великой войны» сегодня?

Главный урок состоит в том, что многие руководители государств в 1914 г. не стремились к войне, но оказались втянутыми в мировую бойню, масштабы которой даже не могли себе представить. «Великая война» показала, что отныне мировые войны будут носить тотальный характер с вовлечением всего населения и напряжением всех моральных, военных и экономических возможностей государств. В Первую мировую войну погибло порядка 10 млн чел., во Вторую – 50–55 млн, в Третью – погибнет всё человечество!

Силы, развязавшие обе мировые войны, были далеки от понимания потребностей своей эпохи и действовали в противоречии с ее закономерностями – таков следующий урок.

Задолго до 1914 г. в жизни различных народов происходили события, которые объективно вели к будущей схватке, хотя в тот момент даже самый прозорливый аналитик не мог бы с уверенностью предсказать неизбежность войны. Это еще один урок, который мы можем сто лет спустя извлечь из истории Первой мировой войны.

Важный урок состоит в том, что борьба с военной опасностью должна вестись, пока война еще не началась. Причем она должна осуществляться коллективными усилиями миролюбивых государств, народов, всех, кому дороги мир и свобода.

Один из первоочередных уроков целиком относится к области военного строительства и свидетельствует о том, что его потребности нельзя рассматривать изнутри, их необходимо соотносить с реальной оценкой существующих военных угроз. От этого зависит

решение вопроса – к какой войне следует готовить вооруженные силы и какие оборонные задачи предстоит им решать.

При планировании военного строительства важно учитывать все факторы, обеспечивающие безопасность страны: политико-дипломатические, экономические, идеологические, информационные и оборонные.

Не потерял своей актуальности и следующий урок: вооруженные силы могут рассчитывать на успех, если искусно владеют всеми формами военных действий.

Важнейшим уроком начала войны является необходимость тщательного анализа различных вариантов действий вероятного противника и гибкого планирования применения сил и средств, а главное – принятия всех необходимых мер по поддержанию вооруженных сил в боевой готовности.

Следующий урок состоит в научной организации стратегического управления вооруженными силами. Исторический опыт показывает, что еще в мирное время должны быть приняты определенные решения, касающиеся того, как будет осуществляться военно-политическое и стратегическое руководство.

Таким образом, за последние пять тысяч лет люди не воевали только 215 лет. Всё остальное время они уничтожали друг друга. С 3600 г. до н. э. по настоящее время свыше 15 тыс. войн унесло около 3,5 млрд человеческих жизней. Только за 80 лет XX в. в мире произошло 154 войны, стоившие человечеству свыше 100 млн жизней.

За 537 лет от Куликовской битвы до Первой мировой войны Россия воевала 334 года. Из них одну войну против девяти держав, две войны против пяти, двадцать пять войн против трех и тридцать семь войн против двух держав одновременно.

И сто, и двести, и триста лет назад пытались покончить с Россией, разделить ее природные богатства. Хотят и сейчас. История, похоже, никого не учит. А ведь прусский король Фридрих Великий говорил: «Всякая вражеская армия, осмелившаяся проникнуть до Смоленска и далее, безусловно, найдет себе могилу в русских степях».

Некоторые эксперты напрасно считают, что Россия сейчас не соответствует званию великой державы. Соотношение экономик США и России 10:1, как и соотношение военных бюджетов: 670 млрд и 67 млрд долл. США. По ВВП мы отстаем в 10 раз, а по наукоемким технологиям в 300 раз! Вооруженные силы НАТО по мощи

превышают ВС России почти в 30 раз! Несмотря на эту арифметику, Россия была и есть великая держава, сила духа которой не сравнима ни с одной страной мира [7].

Война в Украине идет не за свободу, а за американский доллар как мировую валюту. Для всех уже очевидно, что и цена на нефть, и цена на доллар определяется не «невидимой рукой рынка» (как писал Адам Смит), а носит договорный спекулятивный характер. Нами, как и всегда, манипулируют. США хотят свалить Россию, как когда-то свалили СССР, но им это не удастся.

Некоторые наши «партнеры» делают всё, чтобы началась братоубийственная бойня между Украиной и Россией. Как и сто лет назад в 1914 г. политики толкают мир к катастрофе, не подозревая о последствиях. Они забыли уроки «великой войны»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев В.А.* Пролог исторической трагедии // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 7. – С. 54–67.
2. *Аммон Г.А.* Россия накануне и в годы первой мировой войны (1907–1917): материалы и метод. рекомендации. – М.: Весть, 1994. – 245 с.
3. *Армия и общество.* – М.: Прогресс, 1990. – 162 с.
4. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. – 305 с.
5. *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам (воспоминания). – М.: Воениздат, 1957. – 359 с.
6. *Брусилев А.А.* Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1963. – 267 с.
7. *Васильева М.М.* Международные проблемы обеспечения безопасности России в современных условиях // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 31–45. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические и политические науки).
8. *Зайончковский А.М.* Мировая война. 1914–1918 гг. – Т. 1. – М.: Воениздат, 1938–1939. – 382 с.
9. *Игнатьев А.А.* Роковые дни. 50 лет в строю. – М.: Вече, 2013. – 496 с.
10. *Из истории мировой цивилизации.* – М.: РЭА им. Г. В. Плеханова, 1993. – 478 с.
11. *Коммунистический Интернационал в документах 1919–1932 гг.* – М.: Партийное издательство, 1933. – 1022 с.
12. *Отечественная история (VI–XX вв.): Курс лекций. 1921–1993 гг.* – Владимир: ВГПИ, 1993. – 592 с.

13. *Покровский М. Н.* Внешняя политики России в XX в. – М. : Либроком, 2011. – 98 с.
14. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. – М. : Изд-во социально-экономической лит-ры, 1960.– 568 с.
15. *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. – М.: Воениздат, 1982. – 584 с.

УДК 327

А. А. Колесников

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: akol2006@gmail.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ТУРЦИИ

В статье рассматриваются как российская, так и турецкая точки зрения относительно геополитической составляющей возвращения Крыма в состав России. Турецкое видение возвращения Крыма в состав России в основных своих чертах отличается от известной западной точки зрения. Во главу угла берутся: добрососедское отношение с Россией и понимание исторических реалий существования Крыма в геополитическом пространстве между Османской и Российской империями.

Ключевые слова: Крым; ТИКА; крымские татары; НАТО; ТЮРКСОЙ; российско-турецкие отношения.

Kolesnikov A. A.

Doctor of Historical Sciences Professor of the Advertising & Public Relations Chamber,
Department of International & Socio-Political Sciences, MSLU;
e-mail: akol2006@gmail.com

GEOPOLITICAL ASPECT OF CRIMEA'S HOMECOMING TO RUSSIA: RUSSIAN AND TURKISH PERSPECTIVE

Article deals with geopolitical aspect of Crimea's homecoming to Russia as Russian and Turkish perspective. Turkey's vision of Crimea's homecoming to Russia mainly differs from well-known western point of view. Turkey gives attention to good-neighbourly relations with Russia and takes into consideration the historical realities of Crimea existing in the geopolitical space between Ottoman and Russian Empires.

Key words: Crimea; TIKKA; Crimean tatars; NATO; TURKSOY; Russian-Turkish relations.

Чтобы наглядно представить себе геополитическое значение Крыма для нашей страны достаточно обратиться к весьма поучительному опыту Великой Отечественной войны. Планы гитлеровского командования предусматривали заселение немцами Крыма и превращение его в «Готтенланд». При этом Симферополь становился Готенбургом, а Севастополь – Теодорихсхафеном [7, с. 104]. Рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг

символично выделил Крым из Украины, дав ему наименование Таврия, поскольку количество проживающих там украинцев было ничтожно мало [3].

Чем обернулась для нас тогда потеря Крыма – полной утратой господства на Черном море, многочисленными жертвами. Путь для фашистов на Волгу, Кавказ и даже Урал был практически открыт. Ценой невероятных усилий враг был остановлен на самом критическом рубеже.

В настоящих условиях внешнеполитической изоляции России и откровенного военного шантажа со стороны США и НАТО положение нашей страны оценивается как весьма непростое. Факты говорят сами за себя: активное наращивание военно-морской группировки НАТО в Болгарии и Румынии, подготовка дислоцирования американских военных в Грузии и Украине. Все это на военном языке называется «осваиванием театра военных действий» для последующего оперативного использования сил и средств боевого применения. Вот хроника только за апрель – май этого года: проведение крупных учений НАТО в Румынии с участием вооруженных сил Молдовы, демонстративные учения вблизи границ стран Балтии с Россией. «Условный противник» при этом всегда один и тот же – Россия. Чего же удивляться, когда британский министр обороны Майкл Феллон предлагает ввести постоянное дежурство боевых кораблей НАТО в Черноморской зоне, заявляя при этом, что «Черное море должно стать русским озером» [4].

Тем не менее хотелось бы надеяться, что разумные западные политики осознают насколько военное противостояние при обоюдном наращивании мощи даже в одном отдельно взятом регионе чревато возможностью возникновения глобального конфликта. Отсюда, вероятнее всего, и следует решение Запада идти по проторенному пути: с одной стороны, продолжать осуществлять военный шантаж России, с другой – усиливать подрывные действия изнутри. Примечательно, что особой изобретательности американские идеологи здесь не проявляют. В их арсенале все тот же гитлеровский опыт разжигания в Крыму межэтнической розни. Напомним, что во время Великой Отечественной войны в Крыму татары по численности занимали второе место после русских (19,4%). Основные усилия фашистского командования сразу после оккупации полуострова были направлены на то, чтобы противопоставить друг другу русских

и крымских татар [7, с. 118–119]. Подобная практика, кстати сказать, осуществлялась в последние годы и украинскими властями по рекомендации их заокеанских покровителей.

Как и в период немецкой оккупации, опять возникает тема «старшего брата» крымских татар – Турции. Заметим на полях, что из всех тюркоязычных народов у крымских татар существует свое особое отношение к туркам. Историческая традиция во взаимоотношениях Османской империи и Крымского ханства, определенная самодостаточность и независимость последнего дают основания крымским татарам считать турок, почти что своей ровней. Неслучайно фашистское командование педалировало участие турецких военных в создании «туркестанского легиона» и других формирований из представителей тюркской национальности. Общеизвестен факт посещения Крыма турецкой делегацией, состоящей из политиков и высокопоставленных военных, а также последующая за этим встреча некоторых членов делегации с Гитлером и беседа на тему крымских татар [2].

Отношение современных турок к вопросу возвращения Крыма в состав России в настоящее время крайне противоречиво. Назвав крымский референдум «противоправным и нелегитимным» официальная Анкара, тем не менее остается сдержанной в своих высказываниях и действиях. Премьер-министр Р. Т. Эрдоган в последнее время неоднократно подчеркивал, что Турции «не поступится своими отношениями с Россией» и останется в стороне от «режима санкций» [5].

По мнению же турецких националистов, Крым должен принадлежать Турции или в крайнем случае быть независимым. В вину Р. Т. Эрдогану ставится, что он недостаточно внимания уделяет вопросу тюркского единства с крымскими татарами и поощряет «российский экстремизм». Третья по значимости политическая партия Турции – Партия националистического движения, обрушившись на правящую партию и лично на Р. Т. Эрдогана с обвинениями в «предательстве идеалов тюркской нации», требует присоединиться к проводимым Западом санкциям против России.

Среди турецких общественных организаций в антироссийской риторике преуспевают преимущественно проамериканские неправительственные организации (НПО). Прежде всего это Общество культуры и взаимопомощи крымских татар (Анкара), возглавляемое руководителем Центра российских исследований Билькентского

университета Хаканом Кырымлы. Принятый этим Обществом «план действий в связи с оккупацией Крыма» включает в себя, например, такие пункты как «создание международного комитета по расследованию нарушений прав человека в Крыму и на Украине».

Многих турок беспокоит сегодня состояние турецкого бизнеса в Крыму. Помимо ряда частных фирм более 20 лет здесь успешно действовала Турецкая ассоциация развития и сотрудничества (ТИКА, государственная структура, представленная более чем в 100 странах мира). Проекты ТИКА (на сумму около 20 млн долл. США) включают в себя строительство соборной мечети, школ, жилых домов, обеспечение водоснабжением и электричеством мест проживания крымских татар. Большое внимание уделялось также образовательным и культурным программам (более 40 проектов): подготовка кадров в турецких вузах, археологические изыскания, реконструкция исторических памятников [8].

Что касается темы продолжения турецкого бизнеса в Крыму, то в настоящее время раздаются различные призывы. Так, руководство Турецко-российского делового совета при Комитете по внешней торговле Турции предлагает незамедлительно начать переговоры с Россией по поводу «перепрофилирования» деятельности турецкого бизнеса в Крыму.

Представляется, что своеобразным противовесом действий турецких националистов могла бы выступить Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Используя нарабатанный опыт сотрудничества с регионами РФ (6 субъектов РФ в статусе наблюдателей уже 20 лет участвуют в работе этой организации) для налаживания позитивного диалога между крымско-татарским населением и тюркоязычными объединениями, ТЮРКСОЙ мог бы без излишней политизации и в короткие сроки интегрировать культурную деятельность крымских татар в проекты общетюркского направления. Существенным на сегодняшний день является фактор влияния на деятельность ТЮРКСОЙ Министерства культуры России (в 2013 г. подписан соответствующий меморандум) [6].

В ближайшей перспективе позиция Турции по отношению к Крыму и проживающим там крымским татарам будет, вероятнее всего, сохранять противоречивые моменты. С одной стороны, власти будут акцентировать приоритет добрососедских отношений с Россией. С другой – в известной степени поощрять лозунги националистов о «тюркской солидарности» с крымскими татарами.

При этом официальная Анкара, очевидно, продолжит практику политического лавирования между требованиями НАТО выполнять блоковые договоренности и отстаиванием «собственного видения» возникшей геополитической ситуации в Черноморском регионе.

При сохраняющейся тенденции к усилению антироссийской деятельности среди крымских татар России [1] представляется целесообразным содействовать выстраиванию отношений Турции с Крымом как с субъектом РФ прежде всего в экономической области и наращиванию имеющегося там турецкого экономического присутствия (в том числе привлекая к сотрудничеству турецкий бизнес через Турецко-российский деловой совет). Одновременно необходимо оказывать всяческую поддержку национальной и культурной идентичности крымско-татарского населения как по федеральной линии, так и через деятельность авторитетных международных организаций тюркской культуры, имеющих уже положительный опыт работы с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жеглова Ю.Г. Внешнеполитический имидж Российской Федерации: проблема целеполагания // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2015. – С. 43–55. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Сер. Общественные науки).
2. Колесников А.А. Турция во Второй мировой войне: материалы международной научной конференции «Турецко-российские отношения в период холодной войны». – Анкара, 2015. – С. 36–48.
3. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. – М.: Вече, 2011. – 186 с.
4. Минобороны Британии: угрозы в адрес НАТО не напугают страны альянса. – URL://<http://ria.ru/world/20150323/1054030734.html>
5. Путин и Эрдоган обсудили положение крымских татар. – URL://<http://ria.ru/east/20141201/1036043853.html>
6. Россию приглашают в ТЮРКСОЙ // Российская Федерация сегодня. – № 23–24. – 2014. – С. 15–17. – URL://http://www.russiatoday.ru/article.php?i=1249&priz_vozvr=1
7. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. – СПб. : Питер, 2015. – 256 с.
8. Assistance For Education In Crimea. – URL://http://www.tika.gov.tr/en/news/assistance_for_education_in_crimea-9137

УДК 301

Е. И. Кравченко

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: elena.mslu@mail.ru

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?

В статье анализируются особенности феноменологического подхода к исследованию общества, а именно восприятие реальности как незавершенного творения, ежесекундно достраиваемого в общении людей. Особое внимание уделяется рассмотрению так называемого парадокса социальной жизни: нормативные предписания не столько ограничивают, сколько пробуждают человеческую свободу и способность к социальному экспериментированию.

Ключевые слова: теория познания; жизненный мир; интерсубъективные смыслы; типизации; символичность социального; социальное конструирование реальности.

Kravchenko E. I.

Ph.D (Sociology), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciens MSLU; e-mail: elena.mslu@mail.ru

IS THERE A PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY?

In article by Elena Kravchenko key problems related to a phenomenological sociology are discussed, namely, the perception of reality as unfinished creation. The focus of phenomenology is on the way actors do constitute, or create, the world of everyday life in communication. Special attention is paid to the so-called paradox of social life: the confines of a constraining social world awaken human freedom and potential for social experimentation.

Key words: epistemology; the life world; intersubjective meanings; typing; the symbolism of social; social construction of reality.

Многоликость и быстротечность социальной жизни в условиях современного информационного общества вновь и вновь заставляет нас возвращаться к вопросу о соотношении живого творчества человека и все более поглощающей его агрессивной медиареальности. Как всякое стремящееся к воспроизводству и самосохранению системное образование, она постоянно ограничивает степени свободы своих элементов (т. е. социальных деятелей). Вместе с тем мировая социология знает целый ряд теоретических ориентаций, подчеркивающих прямую зависимость характера социальной среды от

способности людей к социальной импровизации, творчеству. Одно из них – феноменология, о которой и будет идти речь в этой статье.

«Едва ли можно настаивать на том, что феноменологическая социология существует», – так или почти так в 1999 г. начал свое выступление в МГИМО профессор Томас Лукман. «Феноменология, – продолжил он, – такой же сомнительный ярлык, как и те, которыми мы одеваем друг друга в житейском обиходе».

«Полноте, возможно ли это?», – стало первой реакцией большинства его слушателей, в числе которых был и автор этой статьи. Уже к концу 1960-х гг. мировое научное сообщество признает феноменологическую социологию вполне сложившейся, зрелой и весьма влиятельной. Имя Альфреда Шюца, преподавателя Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, ставшего основателем нового направления, известно всем социологам. Под его непосредственным влиянием профессионально мужал Питер Бергер, когда-то студент Новой школы, а впоследствии полноправный и постоянный соавтор Т. Лукмана. Идеи А. Шюца помогли Гарольду Гарфинкелю увидеть оригинальную возможность изучения социальной жизни через скрытые, неосознаваемые людьми «правила», или методы, общения между собой. Так появилась этнометодология. Да и сам Т. Лукман повсеместно считается ученым феноменологического склада ума. Вместе с П. Бергером он открывает механизм «конструирования» людьми социальной действительности, ее символов и значений – механизм работы нашего обыденного сознания.

Что же заставило Т. Лукмана усомниться в феноменологической социологии?

Пожалуй, главное, по словам самого ученого, – это неспособность охватить, а стало быть, и объяснить социальную систему в целом. Т. Лукман говорит, что феноменология обращает внимание на то, как каждый член общества обретает свой жизненный опыт. Поэтому целостное восприятие социума уступает место фрагментарному, разрозненному, а научный анализ – описанию.

Действительно, исходной посылкой рассуждений феноменологов становится мышление и его законы. Феноменологическое откровение можно выразить единой фразой «Возвращение исходной ситуации мыслителя» [3, с. 103]. Человек есть человек сознающий, постоянно находящийся в творческом акте смыслонаделения, смыслообнаружения. Однако прозрачность подобного взгляда на

человеческое бытие не столь очевидна, как это может показаться на первый взгляд. Творческое деяние далеко не равнозначно ни действию психических механизмов, ни простому использованию логических операций, считает предшественник А. Шюца, немецкий философ-феноменолог Эдмунд Гуссерль. Его суть в ином. Наше «существование в мире» – ничто иное, как непрерывное становление (непревзойденное «*Cogito ergo sum*» Декарта), экзистенциальное созидание из чего-то подлежащего, своего рода «живой внементальной реальности души» [3, с. 102].

Обычное, «неочищенное сознание» изобилует множеством ложных или искаженных представлений (как то общественное мнение и оценки, личные заблуждения и предрассудки), с помощью которых мы пытаемся осмыслить происходящее, в то время как глубины сознания несут изначальный смысл сущего, истину. Собственно то, что предлагает Э. Гуссерль, – своего рода «очищение» (редукцию) нашего сознания от всего внешнего, эмпирического и оценочного для ничем не замутненного созерцания. Этим и занимается феноменология – наука о «чистых», идеальных сущностях, явленных сознанию, т. е. феноменах. Они причастны потаенной первооснове нашего опыта, раскрывающей суть вещей. Они – свидетельства неразрывной связи сознания и бытия, укорененного в человеке единства мироздания, еще до наделения этого мироздания каким-либо содержанием.

Поздний Э. Гуссерль видит допытную основу человеческого существования в здравом смысле или самоочевидном, донаучном обыденном знании. На нем основана наша повседневная, практическая жизнь, наш «жизненный мир». Именно к этому, не вызывающему сомнений и замешательства знанию и обращается А. Шюц. Истины «жизненного мира» Э. Гуссерля, обретенные «очищенным» сознанием, он превращает в общие, или интерсубъективные смыслы и значения, рожденные совместным опытом людей. А. Шюц пишет о типизациях, интуитивно достоверных для данного сообщества правилах восприятия и осмысления всего существующего.

Мы узнаем и объясняем для себя окружающий мир благодаря наложению мыслительных схем, сформированных определенной социокультурной средой. Эти схемы, или идеально-типические структуры, по природе своей подобны коллективно разделяемому опыту. Мы полностью доверяем им и даже не задумываемся над тем,

когда и как их применять. Это получается автоматически и «бездумно». Так мы ходим, едим, берем вещи с полок, протягиваем навстречу друг другу руки.

Следовательно, акцент А. Шюца – на смысловых (хотя и общесоциальных, а не индивидуальных) критериях нашего восприятия. Высказанное Т. Лукманом опасение подтверждается: феноменологический подход скорее принадлежит области теории познания в социальных науках, нежели социологии как таковой. Весь вопрос в том, что это представляет собой «социология как таковая»? Пагубно ли для социологии задумываться над тем, что именно и в какой мере она способна постичь, или размышления на эту тему излишни, надуманны?

Полагаем, что подобные размышления не только правомерны, но и необходимы для любой, сколько-нибудь серьезной теории общественной жизни. Не будем обманываться: часто ли мы вспоминаем, сколь хрупка и эфемерна та самая социальная реальность, с которой так уверенно и свободно обращаемся?

Социальное дословно значит межтелесное, межчеловеческое. Это – все то, что связано с совместной жизнью людей, их сопринадлежностью друг другу, взаимной сопричастностью. Оно не подвластно восприятию нашими физическими органами. В отличие от естественных наук, социальные работают с тем, что гораздо труднее уловить в понятиях, не говоря уже о точных расчетах.

Социальная реальность символична. Она, по сути своей, – сфера смыслов и значений, рожденных внутри человеческого общения, в диалоге между людьми. Это пульсирующая ткань их совместного творчества. Отсюда уникальное свойство социальной материи терять свою одушевленность, рассыпаясь в неловких руках исследователя, как только он пытается свести ее к застывшим формам. Таящаяся в них глубина человеческих связей исчезает. Остаются схемы, исчисляемые, но безжизненные. Вспоминается тонкое наблюдение отечественного философа Э. В. Ильенкова о сходстве специфики «измерения» социокультурного пространства с законами квантовой физики: чем точнее измерительная процедура, тем сильнее деформируется объект исследования.

Феноменологи и в первую очередь А. Шюц достойно встречают этот вызов. Им чуждо представление о человеке как лишенном права голоса, неспецифическом объекте исследования. В равной

мере им претит и понимание социальной среды как независимой от человеческого сознания и опыта. Люди, по Шюцу, приходят не в застывший мир жестких форм, но в незавершенное творение, ежесекундно достраивая его в общении. Ибо парадокс реальной жизни как раз и заключается в том, что социальные предписания не столько ограничивают, сколько пробуждают человеческую свободу. Зная нормы и стандарты поведения в обществе, люди не тратят времени на детальное изучение ситуации, но могут, имея общее о ней представление, выказать немалую изобретательность и непринужденность.

Более того, любая неясность или проблема заставляют человека отступать от уже имеющихся шаблонов и искать выход из создавшегося положения в прямом, непосредственном эксперименте с социальной действительностью, покидая доступные социологу пределы. Последний видит лишь голый факт свершившегося, новый отработанный в опыте и соответствующий культурным предписаниям «рецепт», более не требующий проверок и ставший «очевидностью», органической частью нашего жизненного мира. Но как бы мы не отстранялись от индивидуальных особенностей человеческого поведения, «первое и оригинальное объективное решение проблемы в основном все-таки зависит от субъективного, подходящего к случаю знания индивида»¹ [8, с. 225]. Что же тогда делать науке? Каким образом возможно «охватить системой объективного знания структуры субъективных значений?» [6, с. 35]. И что тогда означает научное познание?

Отвечая на обращенные к самому себе вопросы, А. Шюц беспощадно разрушает все иллюзии традиционных социологических школ относительно неисчерпаемых возможностей науки и доступности социальной сферы. Ни прошлое, ни будущее состояния общества не могут быть сколько-нибудь серьезно изучены, ибо мы никогда не сможем полностью перевоплотиться ни в наших предшественников, ни в наследников, т. е. осмыслить происходящее так, как это может сделать переживший его человек. Остается настоящее, но и оно не всецело доступно. Область непосредственно переживаемого опыта общения людей лицом к лицу ускользает от нас. Мы не в состоянии проникнуть в сознание другого человека, его мысли и намерения.

---

¹Зд. и далее перевод наш. – *Е. К.*

Что же остается? Область опосредованного опыта, анонимного общения (*mitwelt*), когда люди воспринимают друг друга в качестве социальных типов, лишенных биографии, непредсказуемости и свободы. Объективное знание, по А. Шюцу, ограничено «обобщенными типами субъективного опыта» [7, с. 181]. Социолог вынужден игнорировать предельные глубины поведения в сознании человека и работать с социальными явлениями и событиями в их абстракции, за пределами непосредственных прямых контактов людей друг с другом.

Казалось бы, А. Шюц терпит поражение. Несмотря на все свои усилия, он в конце концов приходит к тому, что уже делали до него многие поколения социологов: к изучению обезличенной социальной среды с ее анонимными силами и процессами. В письме к классику структурно-функционального анализа Т. Парсонсу А. Шюц без всякого лукавства признается: «Все науки о поведении, таков мой тезис, могут достичь такого уровня аналитики, на котором они бы работали исключительно с объектами, созданными действиями и посредством действий субъекта, не обращаясь к самому субъекту или его действиям, иначе говоря, отбрасывая категории действия как такового» [9, с. 100].

Все так, за исключением маленького нюанса. Если для Т. Парсонса социальные институты – объективная реальность, эмпирически явленный, непреложный факт, то для А. Шюца – общезначимые представления о тех или иных сторонах общественной жизни, наше видение того, что неким образом существует. Оно не фатально. То, что Т. Парсонс принимает хладнокровно, с сознанием дела, А. Шюц переживает как необходимое, но от этого не менее печальное условие научного действия. Впрочем, социологические зарисовки не так уж сильно искажают нашу повседневную жизнь. Люди, пишет А. Шюц, привыкли действовать по «рецептам» здравого смысла и не склонны углубляться в свои собственные мысли и ощущения, не говоря уже о мыслях и чувствах других. Слишком велик риск, слишком высока психологическая цена, которую платят они за свою непосредственность и душевную открытость. Поверхностные, формальные взаимоотношения удобнее и безопаснее. Социолог обречен работать с гомункулами (*homunculi*), а не живыми людьми, подводит итог А. Шюц.

Однако, чтобы увидеть жизнь даже этих «гомункулов», необходимо обрести социальное зрение. А даруется оно лишь тем, кто

входит в нее на правах полноправного члена, погружается в мир социальных символов, активно пользуется ими. И тут возникает довольно сложное препятствие на пути к постижению общества: человек стремится понять то, неотъемлемой частью чего является сам. Он воспитывается и формируется (в той или иной степени) социальной средой, которая, в свою очередь, является результатом его общения с себе подобными.

«Абсолютного наблюдателя» не существует и существовать не может, предостерегает нас французский философ экзистенциально-феноменологической ориентации, один из основоположников феноменологической социологии Морис Мерло-Понти. Любой социальный факт предстает перед нами «как один из вариантов жизни, частью которой является наша жизнь» [4, с. 88]. Социологическое видение немислимо за пределами нашего ощущения мира и человека в нем. Наука, резонно утверждал выдающийся немецкий социальный философ Мартин Хайдеггер в 1953 г., – это «способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть» [5, с. 239].

Социальное – не просто объект, но скорее опыт наших взаимоотношений с ним, осмысленный и потому значимый. Запечатлеть социальное можно только благодаря кому-то, через кого-то. Пренебречь этим соображением значит не заметить чрезвычайно коварной особенности развития теоретической социологии, на которую именно феноменологи, а вслед за ними, уже неоднократно и мы, обращаем свое внимание [2]. Исследователь фокусирует собою потоки реальности, преобразуя и осмысливая их в своей теории. Последняя никогда не бывает простым отражением, сухой стенограммой изучаемого. Она – творческое воспроизведение действительности думающим человеком. Воистину, где гарантии того, что исследователь, принадлежащий к тому же самому обществу, что и те, поведение кого он изучает, не искажает действительность самим фактом своего проникновения в нее, а тем более используемыми, конкретными процедурами и техниками. Всегда ли социолог задумывается над тем, как получено наше знание и, стало быть, насколько оно достоверно, вопрошают феноменологи? Так может быть нам и стоит взглянуть на феноменологическую социологию не с точки зрения безупречности ее выкладок и удобства их применения на практике, а как на стремление обратиться к тем проблемам, которые в силу своей чрезвычайной сложности и противоречивости

были просто обойдены вниманием социологов? Ведь в этом случае идеи А. Шюца дают нам право размышлять не столько о конкретной социологической теории (хотя таковая у феноменологов безусловно присутствует), сколько о возможностях и границах самой науки об обществе. Не есть ли это попытка очень серьезного разговора о том, к чему надо снова и снова возвращаться, чтобы идти дальше?

Завершим мы свои раздумья о феноменологической социологии цитатой из работы «Социальное конструирование действительности», написанной Т. Лукманом в соавторстве с П. Бергером. Все социологические построения, пишут они, разумно было бы воспринимать не в качестве «научных» суждений, а «в высшей степени своеобразного и значимого способа конструирования реальности в современном обществе. Такой анализ, конечно, брал бы в “скобки” вопрос о “научной ценности” этих теорий и просто рассматривал бы их как данные для понимания той субъективной и объективной реальности, в которой эти теории возникли и на которую в свою очередь они оказывают воздействие» [1, с. 301].

Трудно отыскать лучший аргумент в пользу жизнеспособности феноменологического подхода. Уберегая от излишней самоуверенности, феноменологическая социология одаривает нас удивительными прозрениями. Не существует и не может существовать единого, общепринятого научного «отпечатка» социальной действительности. И дело здесь не в ярлыках, которыми одаривают себя самих и друг друга социологи. Межчеловеческая реальность подобна первозданности белого цвета, который, преломляясь в наших умах, предстает яркой радугой чистых цветов и оттенков. Все они – составляющие единого спектра, многоцветье белизны. Каждая авторская перспектива хороша и интересна по-своему. Каждая из них содержит в себе проблеск истины, являет смысл, содержание социального в отпущенных ему пределах. Но только вкуче (и не простым механическим наложением, а искусным взаимодополнением) они могут вернуть нас к первооснове всех научных воззрений, позволяя действительно прикоснуться к ней, нащупав те нервные центры, которые животворяют социальную науку.

Вслед за понимающей социологией Вебера, сторонники феноменологического подхода пытаются привлечь наше внимание к тому, что для ученого социальная модель всегда будет поступком, ответственным выбором определенного толкования действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Кравченко Е. И. Вера как основа познания (теоретико-социологический аспект) // Актуальные проблемы международных отношений. – М.: МГЛУ, 2013. – С. 59–67. – (Вестн. моск. гос. лингв. ун-та; вып. 2 (662). Сер. Исторические. Политические науки).
3. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. 408 с.
4. Мерло-Понти М. В защиту философии. – М.: Изд-во гуманитар. лит-ры, 1996. – 248 с.
5. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 448 с.
6. Schutz A. Collected Papers I: The Problem of Social reality / The Hague: Martinus Nijhoff. – 1962. – 420 p.
7. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. – Evanston. Ill.: Northwestern University Press. – 1932 / 1967. – 671 p.
8. Schutz A., Luckmann Th. The Structure of the Life World. – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1973. 293 p.
9. Schutz to Parsons // The Theory of Social Action: the Correspondence of A. Schutz and T. Parsons / Ed. R. Grathoff. – Bloomington : Indiana University Press, 1978. – 166 p.

УДК 327

А. А. Криворучко

кандидат исторических наук, ведущий инженер Главного научно-исследовательского вычислительного центра; e-mail:kriv alex sakyra-1111@yandex.ru

КОНФЛИКТ В КОСОВО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕГО КРИЗИСА В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В статье рассматривается конфликт в Косово как составная часть общего кризиса в бывшей Югославии. В центре внимания – геополитические интересы Российской Федерации на Балканах.

Ключевые слова: геополитика; вооруженный конфликт; кризис; гуманитарная интервенция; мировое сообщество; катаклизм; военная безопасность; инфраструктура.

Krivoruchko A. A.

candidate of historical sciences, leading engineer of the main (scientific-)research calculating and computing center; e-mail:kriv alex sakyra-1111@yandex.ru

CONFLICT IN KOSOVO AS THE COMPONENT PART OF GENERAL CRISES IN THE FORMER YUGOSLAVIA: HISTORY OF PROBLEM

The article is dedicated to analysis of Kosovo conflict as the component part of general crises in the former Yugoslavia. In the centre of author attraction are geopolitics interests of the Russian Federation in Balkan region.

Key words: geopolitics, military conflict, crisis, humanitarian intervention, world community, cataclysm, military security, infrastructure.

В конце XX столетия развал мировой системы социализма и распад социалистических государств Восточной Европы привели к резкому обострению противоречий, росту политической нестабильности и конфликтности в различных регионах бывшего социалистического лагеря. В первую очередь это коснулось тех стран и регионов, которые имели полиэтничный состав населения и стали точкой пересечения геополитических, экономических и иных интересов.

Что касается историко-политических и внешних причин Югославского кризиса, то следует указать: изначально Югославия была государством, с существованием которого соглашались далеко не все, особенно силы, традиционно не заинтересованные в крупном

славянском государстве. Некоторые из них решили воспользоваться удобным для них соотношением сил в мире, чтобы достичь своих геополитических интересов.

Одним из аспектов кризиса в Югославии стал албанский вопрос, сфокусировавшийся на проблеме Косова [8]. Истоки косовского конфликта уходят вглубь веков и коренятся в борьбе албанского народа за независимость.

Богатая и удобная для защиты от внешних вторжений земля Косова была населена еще несколько тысяч лет назад. С приходом в VII в. на Балканский полуостров славян районы Косова и соседней Македонии постепенно стали населяться славянскими племенами.

Сербское государство было основано в XII в. Освободившееся от византийской зависимости оно динамично развивалась по европейской феодальной модели, и в XIII–XIV вв. стало центром средневековой сербской государственности. Турция стремилась захватить Сербию и установить свою власть на Балканах.

Местом одного из ключевых сражений с целью овладеть Балканами стало Косово поле. 15 июня 1389 г. сербское войско под предводительством князя Лазаря вступило в бой с силами турок, возглавляемых султаном Муратом. Победа, одержанная турками, стоила им огромных усилий и потерь. Сербия признала вассальную зависимость от Турции. Однако сербский народ, потерявший в тот день свою свободу и независимость, навсегда сохранил память о событиях этого дня. «Косово поле» стало постоянным эпическим символом сербского сопротивления турецкому завоеванию, символом сербского героизма, надежды на освобождение и возрождение сербского государства.

Вскоре после Косовской битвы вся Сербия попала под чуждую по крови и вере власть, но сербский народ продолжал сопротивляться. Задача заключалась в том, чтобы сохраниться для грядущего освобождения. Точно такая же была политика Владимирского князя Александра Невского, который призывал Русь объединиться и готовиться к решающей битве за освобождение от ига Золотой орды.

Несмотря на длительное выселение из района Косова и Метохии, сербы как православные, так и принявшие ислам в конце XIX в. еще составляли там около половины населения [7].

Положение сербов усугублялось еще и тем, что на пустовавшие территории приходили спускавшиеся с окрестных гор албанские племена. Не имевшие крепких религиозных устоев, албанцы с легкостью

принимали наиболее выгодную в сложившейся обстановке религию – ислам. Теперь для сербов к гнету султанских властей и мусульманских помещиков прибавились и беспокойные соседи-мусульмане (албанцы). Поэтому в Косово сербы оказались в самых тяжелых условиях из всех сербских земель. Тем не менее сербское население упорно держалось за землю отцов. Это подтверждается восстаниями сербов в 1804–1813 гг. и 1815–1817 гг.

Национально-освободительная борьба славян Балканского полуострова против османского ига всегда вызывала большое сочувствие в России. Начиная войну с Турцией, Сербия и Черногория рассчитывали на военную поддержку России, которая была на стороне братьев-славян.

13 июля 1878 г. Сербия окончательно получила международное признание как независимое государство. С тех пор 13 июля отмечается как день международного признания Сербии. К тому времени сербы имели незначительное большинство только в Косово, превратившись в угнетаемое меньшинство в Метохии [8].

Современный конфликт в Косово отличался такой остротой сербско-албанского противостояния потому, что национальное самосознание косовских албанцев (косоваров) всегда было предельно обострено в силу наличия определенных политических традиций. Ведь именно в Косово в свое время впервые возникло албанское национальное движение. После подписания Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля (3 марта) 1878 г., не учитывавшего интересы албанцев, их лидеры выступили с идеей объединения всех населенных албанцами земель в автономный вилайет в составе империи и против расчленения страны иностранными державами. Центром национального албанского движения стало Косово. Здесь, в городе Призрен 10 июня 1878 г. была создана Призренская Лига албанского народа – военно-политическая национальная албанская организация, созданная при поддержке турецкого правительства. Сначала она выступала за автономию албанских земель в составе Османской империи. Однако вскоре она порвала с Турцией и в ноябре 1878 г. выдвинула требование автономии областей с албанским населением.

В 1880 г. Призренская Лига объявила себя национальным правительством, но была ликвидирована при помощи турецких войск уже в следующем году, просуществовав, таким образом, всего два года [5].

Однако претензии на самоопределение албанцев, прозвучавшие впервые именно тогда и именно в Косово, заложили основы албанского национализма. Именно там берет свое начало идея «Великой Албании», как единого образования всех албанцев.

Для сербского народа особую значимость приобрела территория Косова, хранящей память о былом величии Сербского государства.

В результате победы в Первой Балканской войне (1912–1913), которую страны Балканского союза (Сербия, Черногория, Болгария и Греция) вели против Турции, последняя утратила почти все свои владения на Балканах, а территории стран Балканского союза расширились. Сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, считая их «святой землей» сербского народа, и обе области отошли к Сербии. Это дало повод Албании предъявить территориальные претензии к Сербии, а албанцам края – заявить об оккупации Косово Сербией и после 1918 г. начать при поддержке Тираны борьбу за присоединение этих областей к Албании.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, почему сербы стали меньшинством в Косово. После того как турки вырезали местное население нескольких ближайших провинций, косовские сербы несколькими волнами переселились на пустовавшие плодородные земли к северу от Дуная – сегодняшняя сербская область Воеводина. По условиям Версальского мира 1918 г. венгерские земли, населенные сербами, достались Югославии. Гористую местность Косово заполнили албанцы.

Однако уже с момента создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в 1918 г. оно было отягощено целым рядом проблем. На территории нового государства оказались многочисленные этнические (немцы, венгры, албанцы, чехи, словаки, румыны и турки) и конфессиональные (христиане, мусульмане, иудеи) группы, не только проживавшие там ранее, но и появившихся на югославянских землях в результате послевоенного изменения границ. Это вызывало серьезные трения и взаимные претензии.

Одной из главных целей руководства КСХС было восстановление этнического равновесия в регионе, после того как численность славянского населения Косово с 1886 по 1912 гг. уменьшилась на 150 тыс. человек.

Одновременно область Косово и Метохия стала быстро заселяться выходцами из соседней Албании и к 1931 г. из всего население

края, составлявшего 552 064 чел., 347 213 или 62,8% были албанцами [4].

Различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, разные взгляды на принципы организации государства, на историческую перспективу развития нации создавали проблемы во взаимоотношениях между народами, объединившимися в одном государстве в 1918 г. (Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославия) и в 1945 г. (Федеративная Народная Республика Югославия – ФНРЮ, с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия – СФРЮ) [3].

С начала Второй мировой войны и гитлеровской оккупации область Косово-Митровица была подчинена непосредственно немецкому военному командованию, а большая часть Косово в мае 1941 г. была передана находившейся под оккупацией Италии Албании. С этого момента можно говорить о начале осуществления идеи колонизации этой территории албанцами [4].

В первые же месяцы оккупации десятки тысяч домов сербских поселенцев были сожжены албанцами, а сами сербы были депортированы. За время войны около 100 тыс. сербов покинули Косово и бежали в Сербию и Черногорию. Около 10 тыс. сербов погибли от рук албанцев. Дома и усадьбы беженцев занимали албанцы, прибывавшие из Албании в соответствии с планом правительства Муссолини. Всего в Косово за период войны расселилось от 80 до 100 тыс. албанцев [10].

Особый статус территориальной политической единицы Косово и Метохия получили только после образования Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) в 1945–1946 гг.

Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косово и приносило существенное расширение автономии – от автономной области в составе Сербии в 1945 г. до автономного края с широчайшими полномочиями, фактически самостоятельного субъекта федерации в 1974 г.

Историческая область Косово, согласно Конституции ФНРЮ, принятой 31 января 1946 г., стала частью Народной Республики Сербии.

После образования социалистической Югославии проблема, связанная с Косово и взаимоотношений с Албанией, сразу же стала одной из главных внутри- и внешнеполитических для нового

государства. Руководство СФРЮ планировало позднее, при установлении более тесных отношений с «албанцами» (имелась в виду коммунистическая Албания Энвера Ходжи и ее присоединение к Югославии в рамках будущей Балканской федерации) «уступить» албанцам эти территории.

Конституция СФРЮ 1974 г. являлась политико-юридическим оформлением сложного баланса сил и интересов как в рамках СФРЮ, так и в рамках Социалистической Республики Сербии. Согласно этой конституции, СФРЮ являлась союзным государством, т. е. государственной общностью (союзом) добровольно объединившихся наций и их социалистических республик, а также социалистических автономных краев Воеводины и Косово, входящих в состав Социалистической Республики Сербии. Конституция расширяла и повышала уровень полномочий республик и автономных областей. Признавалось право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения.

После смерти лидера Югославии И. Б. Тито (1980) рост межэтнических противоречий и сепаратистские выступления, поддержанные извне, привели в начале 1990-х гг. к гражданским войнам и распаду Югославии. Длительный период пребывания у власти в Сербии социалистов во главе со Слободаном Милошевичем завершился в 2000 г. после бомбардировок в марте – июне 1999 г. сербских городов авиацией НАТО и ввода в Косово миротворческих сил ООН. В 2006 г., после проведенного в Черногории референдума, прекратил существование государственный союз Сербии и Черногории.

Югославский кризис начала 1990-х гг. стал самым кровопролитным конфликтом в Европе со времен Второй мировой войны. Потери хорватов, сербов и косовских албанцев исчисляются сотнями тысяч. Непосредственные причины межнациональных столкновений лежали в национальной, экономической и конституционной политике последних десятилетий. Но корни проблем бывшей Югославии лежат, конечно, значительно глубже 1945 г. и уходят к временам турецких завоеваний в Европе в XIV–XVII вв., а может быть, и еще дальше – к временам славянского заселения Балкан.

Для сербского населения проблема Косово заключалась в защите своей прародины. Для албанского населения Косово (косоваров) это была борьба против дискриминации албанского населения.

Для Освободительной армии Косово (ОАК) это была проблема прежде всего установления своего политического контроля над территорией Косово, распространения своего влияния на все албанские анклавы на территории бывшей Югославии, включая Черногорию, Сербию, Македонию.

Неразрешенный косовский конфликт порождает и усиливает почти все опасности и тревоги, с которыми столкнулся балканский мир после окончания холодной войны, – от межэтнических конфликтов, терроризма и нарушений прав человека до неконтролируемых миграций, торговли наркотиками, разрастания криминальных структур.

Многие из нынешних сложных проблем стратегически важно и густонаселенного Балканского региона (общая численность проживающего в его географических рамках населения составляет около 50 млн чел.) носят объективный характер [11].

Начиная «гуманитарную операцию», США, предприняв бомбардировку Югославии, использовали глобальную систему управления действиями на удаленном театре военных действий непосредственно из Пентагона в период с 24 марта по 9 мая 1999 г. в ходе воздушно-космическо-морской операции, когда удары наносились специально созданными объединенными разведывательно-ударными боевыми системами (РУБС) [6].

Одновременно над театром военных действий находилось 11 космических аппаратов, которые совместно с воздушными и морскими носителями являлись основой РУБС. Космические аппараты США осуществляли навигацию крылатых ракет.

Высокоточные ракеты воздушного и морского базирования поражали цели на дальностях 200–800 км от рубежей пусков [9].

При решении задач учитывались и возросшие боевые возможности самолетного парка. Так, используя бомбы и ракеты, управляемые с помощью спутников и лазерных лучей, американский самолет был способен поразить до 700 целей ежедневно. Около 1 800 человек погибло под авиаударами в 1999 г. [1]. Вот результат так называемой гуманитарной операции НАТО.

Анализируя российские интересы в Югославии, следует указать: Россия не будет европейской державой, если военная сила будет применяться в Европе без учета ее интересов и вопреки ее возражениям [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арбатова Н. К.* Проблема Косово в контексте европейской безопасности // *Косовская мина в Европе?* – М. : Кольцо, 2006. – 185 с.
2. *Васильева М. М.* Международные проблемы обеспечения безопасности России в современных условиях // *Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации.* – М. : МГЛУ, 2014. – С. 31–45. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические и политические науки).
3. *Давыдов Ю. Н.* Проблема Косово в российском внутривластном аспекте. – М. : Московский центр Карнеги, 1999. – С. 247–280.
4. *Павловец Ю. С.* Исторические предпосылки этнического кризиса в сербской области Косово и Метохия // *Западная Русь.* – 2010. – № 7. – С. 16–20.
5. *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881). – М. : Наука, 1965. – 231 с.
6. *Слитченко В. И.* Бесконтактное истребление // *Независимое военное обозрение.* – 2001. – № 2. – С. 27.
7. *Терзич С.* Историческая подоплека событий в Косово и Метохии // *Обозреватель.* – 1998. – № 10. – С. 20–32.
8. *Тимофеев А. Ю.* Истоки косовской драмы. – М. : Праксис, 1999. – 115 с.
9. *Усиков А. В.* Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах / А. В. Усиков, Г. А. Бурутин, В. А. Гаврилов, С. Л. Ташпыков, Н. Я. Шепова ; под общ. ред. А. С. Рукшина. – М. : Воениздат, 2008. – 764 с.
10. *Шестаков А.* Геноцид сербского населения Косово и Метохии во время Второй мировой войны // *Православие.* – 2003. – № 1.
11. *Язькова А. А.* Косовский конфликт в балканском политическом контексте // *Косово: Международные аспекты кризиса /* под ред. Д. Тренина и Степановой. – М. : Московский Центр Карнеги, Гендальф, 2006. – С. 120–157.

УДК 327

Н. А. Лишин

аспирант Российского государственного социального университета, кафедра истории Отечества; e-mail: lishnikolai@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ТАКТИКИ ВЕДЕНИЯ БОЯ

П. А. РУМЯНЦЕВЫМ (1770)

В статье рассматриваются особенности военной тактики графа П. А. Румянцева, которую он применил в начальный период Русско-турецкой войны. В статье показаны предпосылки появления в русском военном искусстве военного гения А. В. Суворова.

Ключевые слова: военное искусство; Русско-турецкая война; военная кампания; тактика ведения боя; тактические приемы; новаторство; полководец.

Lishin N. A.

Post-graduate (Student) of Russian State Social University; Sub-faculty of Fatherland History; e-mail: lishnikolai@ya.ru

PECULIARITIES OF RUSSIAN MILITARY TACTICS WHICH WAS COMBATED BY P. A. RUMAYNTHEV (1770)

In this article some peculiarities of military tactics of count P.A. Rumyantsev which were used by him in the initial period of Russian-Turkish War campaign (1770) were investigated. The article proved the presuppositions in the Russian military art to come into the world A.V.Suvorov as a military genius.

Key words: military art; Russian-Turkish War; campaign; tactics of carrying out the battle; tactical methods; innovation; military leader.

Военное искусство в России второй половины XVIII в. связано с именем легендарного генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Мало кто спорит о том, что распоряжения А. В. Суворова, отдаваемые им во время сражений, явили собой образец того новаторства, которое в военном искусстве приносит победы не столько следованиям классическим шаблонам, сколько их непредсказуемостью для противника. Нарушение принятых стандартов настолько опасно для новичка, насколько победоносно для гроссмейстера. Но для того, чтобы правильно оценить суворовское новаторство, необходимо разобраться с теми тактическими приемами, которые применяли его ближайшие предшественники.

Состояние военного искусства России в действиях военачальников на поле боя в предсуворовскую эпоху хорошо видно на примере

первой Русско-турецкой войны второй половины XVIII в., которая была начата Турцией осенью 1768 г., где блистал как полководец граф Пётр Александрович Румянцев. Историки так отзываются о значении Семилетней войны для военной карьеры П. А. Румянцева: «Военную славу Румянцеву принесла Русско-турецкая война 1768–1774, выдвинувшая его в число выдающихся полководцев России» [3, с. 338].

В отличие от кампании Семилетней войны, полководцам первой Русско-турецкой войны Военным советом при высочайшем Дворе (его прообразом послужила Конференция Семилетней войны) было предоставлено больше самостоятельности, что позволяет нам ожидать от их действий проявления некоторых их личных качеств [2].

Однако авторы книги «Во славу отечества Российского» отмечают: «Фактический ход кампании 1769 г. свелся к борьбе за Хотин (сильная крепость на правом берегу Днестра), которая велась командующим 1-й армией вяло, нерешительно, с неоправданной, чрезмерной осторожностью. А. М. Голицын дважды переправлялся через Днестр и возвращался на левый берег (в первый раз из-за затруднений в продовольственном снабжении, во второй – под давлением сил полевой армии турок). Когда А. М. Голицын в третий раз приблизился к Хотину, но находился еще на левом берегу, турки взяли на себя инициативу и, перейдя через Днестр, 29 августа (9 сентября) атаковали русскую армию. А. М. Голицын держался чисто оборонительной тактики; войска отразили все атаки противника и вынудили его к отходу под стены крепости, но преследования не было, победа осталась неиспользованной. Кампания могла бы закончиться безрезультатно, если бы турки не оказались в бедственном положении с продовольственным снабжением из-за собственного неумения наладить снабжение из магазинов. Они были вынуждены оставить Хотин, отвести полевые войска и гарнизон крепости к Дунаю и даже очистить Молдавию и часть Валахии. Картина кампании очень типична для традиционной западноевропейской стратегии XVIII в.: «топтанье вокруг крепости в приграничной полосе и конечный результат, предопределенный положением с продовольственным снабжением» [2, с. 121].

Эта, как и другие оценки, объясняют, почему на место неспособного к решительным действиям А. М. Голицына был назначен

П. А. Румянцев, который «намеревался действовать против живой силы противника и поэтому считал необходимым сосредоточить свою армию, хотя бы при этом пришлось пожертвовать занятой территорией» [2, с. 165].

Отличительным особенностям П. А. Румянцева, которые выделяли его среди современных ему русских военачальников, А. А. Керсновский приписывает следующие достижения русской военной школы: «...лишь в великой румянцевской школе могли создаваться такие военные гуманисты, как Вейсман, Потемкин, Петр Пани, Репнин, сам Суворов... Гению Румянцева обязана русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевом. Не будь Румянцева, в силе оставалась бы пруссачина – и командир суздальцев не преминул бы получить от военной коллегии “реприманд” за несоблюдение устава и требование наистрожайшее впредь руководиться лишь артикулами оного... Полк лишился бы “Суздальского учреждения”, а Армия – “Науки Побеждать”» [4, с. 118].

Стратегическая обстановка, доставшаяся П. А. Румянцеву, была крайне сложной. Крупные силы татарской конницы намеревались (по имеющимся у русского командования данным) нанести удар в направлении Яссы [6, с. 269–270]. В этой угрожающей обстановке П. А. Румянцев принял решение действовать наступательно и двинуться навстречу главным силам противника. Своим движением, как писал П. А. Румянцев 20 апреля (1 мая) П. И. Панину, он имел в виду «прямое намерение наступательного действия, вложить в неприятеля больше страха, нежели суть мои силы» [6, с. 272].

Таким образом, П. А. Румянцев прекрасно понимал значение быстроты действий на театре военных действий и видел в этом не только естественный фактор внезапности и возможность использования сложившейся обстановки для уничтожения противника по частям, но и элемент его дезинформации в отношении численности своих войск.

П. А. Румянцев грамотно оценивает стратегическую значимость районов, сосредотачивая свои силы на важных направлениях и не распыляя их на удержание второстепенных, с точки зрения оперативной целесообразности, пунктов. Одним из таких стратегически важных районов оказывается урочище Рябая Могила. По словам профессора Императорской Николаевской военной академии

генерал-лейтенанта А. К. Баиова: «Значение этого района обуславливалось, во-первых, тем, что турки владели здесь несколькими укрепленными пунктами на берегах Дуная (Браилов, Исакчи, Килия, Измаил, Тульча), а, во-вторых, здесь проходили кратчайшие пути для совместных действий татар с турками и для связи с Аккерманом, Бендерами и Очаковым, занятыми турецкими гарнизонами» [1, с. 578].

Уже во время наступательного марша при урочище Рябая Могила на левом берегу Прута 17 (28) июня П. А. Румянцев атаковал позицию турецко-татарского войска, разбил и обратил его в бегство. Одну из деталей данного сражения указывает А. А. Керсновский: «Сильно укрепленный татарский лагерь при Рябой Могиле был взят широким обходным движением» [4, с. 138]. Таким образом, уже в начале кампании при ведении боя П. А. Румянцев умел пользоваться всей тактической шириной местности, где происходило сражение и захватывал инициативу, имея под своим командованием гораздо меньше людей, чем засевавший в укреплениях противник, что и приводило его к успеху.

Сохраняя инициативу, П. А. Румянцев продолжал свой марш вдоль Прута, выдвинув в целях ведения разведки сильные авангарды [2]. Применяемая русскими войсками тактика с самого начала стала приносить свои плоды. Скорость и настойчивость, с которой действовал П. А. Румянцев, в отличие от его предшественников давали возможность захватывать инициативу. Одной из особенностей военного искусства является редко используемое в предсуворовскую эпоху преследование разбитого противника. Следует отметить еще одну черту румянцевской тактики – сильные авангардные отряды, исключая неожиданные боестолкновения, как, например, это происходило в Семилетнюю войну. Вообще мы видим в П. А. Румянцеве человека знакомого с основными классическими приемами тактики ведения боя, которые всегда являлись «правилами хорошего тона» для полководцев прошлого.

Продолжая анализировать русско-турецкие маневры А. А. Керсновский отмечает: «Всякого рода препятствия – естественные и искусственные – затрудняли преследование. Хан занял еще более сильную позицию на реке Ларга, где решил выждать прибытия главных сил визиря, переправлявшихся через Дунай, и конницы Абаза-паши (15 тыс.), шедшей от Браилова. У Румянцева за выделением

частей для обеспечения тыла было не более 25 000. Предугадывая намерение неприятеля, русский полководец решил разбить его по частям, не дожидаясь соединения всей 250-тысячной массы» [4, с. 147]. Здесь мы снова встречаемся с еще одним важным моментом в понимании П. А. Румянцевым складывающейся обстановки на военном театре и, как следствие, его выводы и действия, известные еще древней военной науке, – принцип уничтожения противника по частям.

Исследователи данного периода отмечают, что «в развитии русской стратегии эти события означали, что стратегическая рутина, господствовавшая ранее, но уже в годы Семилетней войны (кампания 1759 г.) отступившая под давлением новых идей, теперь успешно преодолевалась. Последовательные, целеустремленные, проникнутые от начала до конца наступательной тенденцией, завершенные разгромом главных сил армии противника решения и действия Румянцева позволяют утверждать, что с этого момента на передний план выступают новые методы ведения войны, методы активной стратегии, направленной на сокрушение живой силы и быстрый разгром противника» [2, с. 182].

Как видно из приведенного выше материала для П. А. Румянцева становятся характерными некоторые эффективные приемы тактики ведения боя, которые в силу разных причин мало использовались на полях сражений того времени.

«Крупное значение имел и отказ от равномерного распределения сил по фронту, создание боевого порядка с выраженным сосредоточением сил на направлении главного удара. Как мы видим, этот порядок явился продолжением идеи, осуществленной Салтыковым при Кунерсдорфе» [2, с. 191].

Таким образом, военные историки справедливо замечают, что «кампания Румянцева 1770 г. явилась важным рубежом в развитии русского военного искусства» [5, с. 162]. Это создало определенные предпосылки для появления военного гения А. В. Суворова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байов А. К.* История русского военного искусства: в 2 т. Раздел: Военное дело. – Т. 1. – М.: Фонд ИВ, 2008. – 1176 с.
2. *Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* Во славу Отечества Российского. – М.: Мысль, 1984. – 335 с.

3. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: в 2 т. – Красноярск : Бонус ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т.2. – 669 с.
4. *Керсновский А.А.* История Русской армии: в 4 т. / ред. совет: П.Ф.Алешкин и др. – Т. 1: От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг. – М.: Голос, 1992. – 304 с.
5. *Образцов И.В.* Армия как социальный институт государства: российский опыт в контексте мировых тенденций // Актуальные проблемы международных отношений. – М. : МГЛУ, 2013. – С. 151–171. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Сер. Исторические. Политические науки)
6. *Румянцев П.А.* Документы: в 3 т. / под ред. П. К. Фортунатова. – Т. 2: 1768–1775. – М. : Воениздат, 1953. – 688 с.

УДК 316.4

Г. В. Маткаримова

ст. преподаватель кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: sky_g@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

В статье в ретроспективе и проспекции описывается динамика развития этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе. Опираясь на различные исследования, в том числе авторский социологический мониторинг, выделяются основные тенденции развития напряженности: рост, углубление как субъективное ощущение, так и повышение напряженности в поведении и др. Согласно проведенному автором поисковому прогнозу, раскрываются наиболее значимые прогнозные тенденции развития напряженности в Москве.

Ключевые слова: этноконфессиональная напряженность; динамика; ретроспективная динамика; прогноз; тенденция, факторный фон.

Matkarimova G. V.

Senior Lecturer of the Department of Sociology of Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: sky_g@mail.ru

DYNAMICS OF ETHNO-CONFESSIONAL TENSION IN MOSCOW METROPOLITAN AREA

This article describes retrospective and prognostic dynamics of ethno-confessional tension in Moscow. On the basis of various surveys including the author's research the main tendencies of tension in Moscow are studied: gradual growth of tension, intensification of tension in appraisals and actions of people etc. Furthermore, according to the author's prognosis, the key prognostic trends of ethno-confessional tension in Moscow are portrayed.

Key words: ethno-confessional tension; dynamics; retrospective dynamics; prognosis; tendency; factors.

Целостная характеристика этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе предполагает оценку не только ее состояния, но и ее развития в ретроспективной и прогнозной динамике. Прогноз позволяет определить цель управленческого воздействия и наиболее эффективные и целесообразные пути и способы управленческого воздействия на напряженность. Важность прогнозного анализа констатируется и в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», где подчеркивается значение «прогнозирования, предупреждения

и урегулирование межнациональных конфликтов и предконфликтных ситуаций... включения результатов мониторинга и индикаторов состояния межнациональных отношений, в том числе индикаторов по результатам социологических и этнологических исследований, в материалы, направляемые органами исполнительной власти...» [5].

Характеристику ретроспективной динамики развития этноконфессиональной напряженности, как нам представляется, необходимо начать с анализа напряженности начала 1990-х гг. Поскольку, с одной стороны, именно в данный период времени начались активные разработки в области изучения социальной напряженности, с другой – в это же время произошли значительные изменения в жизни общества, в том числе в сфере этноконфессиональных отношений. Обе эти причины, видимо, взаимосвязаны.

Усиление этноконфессиональной и социальной напряженности в целом явилось следствием объективных перемен политического, экономического и социального характера. Распад Советского Союза знаменовался разрушением ценностей и норм многих поколений людей, изменением их самоидентичности и отношения к друг другу в условиях новых реалий. Изменения в этноконфессиональной структуре населения Москвы, большой поток мигрантов, недавно ставших инациональными, существенным образом повлияли на состояние этноконфессиональной напряженности. Во-первых, возникла неопределенность в самоидентификации, вызвавшая трудности в определении «себя», «своих» и «чужих» (дихотомия «мы – они»). Показательно, что в начале 1992 г. только 24% москвичей на вопрос «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать “Это – мы”?», выбрали ответ «Мы – граждане России» [1, с. 74]. По мнению Л. М. Дробижевой, после двух десятилетий в стране сформировалась российская идентичность с ощущением у людей сильной связи с ней, но которая хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний [1]. Во-вторых, возникла конкуренция между коренными жителями и приезжими, особенно в условиях резкого снижения уровня жизни населения страны. Все это способствовало актуализации напряженности в столице.

Социологические исследования в начале 1990-х гг. уже фиксировали в общественном мнении достаточно высокий уровень напряженности в Москве. В 1992 г. около половины москвичей признались, что в столице имеется определенная межнациональная напряженность и даже возможны межнациональные конфликты

[2]. Причем, уже в 1993 г. число пессимистично настроенных жителей мегаполиса резко увеличилось, составив около 70% населения столицы. Вероятно, такая напряженность была связана с общим состоянием социальной напряженности на фоне неопределенности судьбы страны и разворачивающихся межнациональных конфликтов на территории постсоветских республик (см. рис. 1).

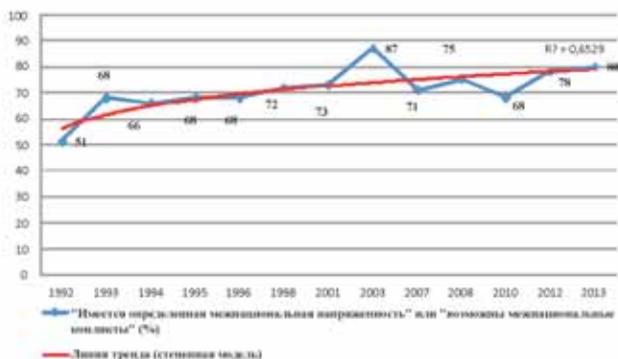

Рис. 1. Ретроспективная динамика уровня межнациональной напряженности в мегаполисе за 17 лет (1992–2012) (% от числа опрошенных)¹

В целом, следует констатировать наличие тревожного общего тренда повышения этноконфессиональной напряженности. С начала рассматриваемого периода ретроспективы (1992) уровень напряженности значительно увеличился и составил порядка 80% в 2013 г. по сравнению с 1992 г. (51%). Причем, крайняя степень напряженности («налицо сильная напряженность, возможны межнациональные конфликты») в оценках москвичей за последние десятилетия также значительно увеличилась (17% в 1992 г. против 28% в 2010 г.).

До 2001 г. уровень напряженности оставался относительно стабильным с небольшой тенденцией к росту. Однако в последующие

¹Зд. и далее источники: Сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН, Московский Институт социально-культурных программ. Данные за 2012–2013 гг. представляют процент москвичей, ответивших положительно на вопрос, что в Москве наблюдается этноконфессиональная напряженность (авторское исследование).

годы фиксировались колебания напряженности в общественном мнении. Наибольший всплеск напряженности наблюдался в 2003 г. (около 90%), однако вплоть до 2007 г. степень напряженности в оценках москвичей начала снижаться. Мониторинг последних лет позволяет говорить о наличии тренда незначительного роста напряженности. В 2013 г. напряженность в этноконфессиональных отношениях в Москве признали около 80%, по сравнению с 2008 г. – 75%.

Непосредственный анализ динамики в ретроспективе развития этноконфессиональной напряженности позволяет констатировать тренд постепенного роста напряженности в столичном мегаполисе. Во-первых, наблюдается уменьшение доли москвичей с низким уровнем напряженности с 2011 г. по 2013 г. (см. рис. 2). Интересно отметить, что в 2013 г. небольшая доля жителей столицы с нулевым уровнем напряженности исчезла.

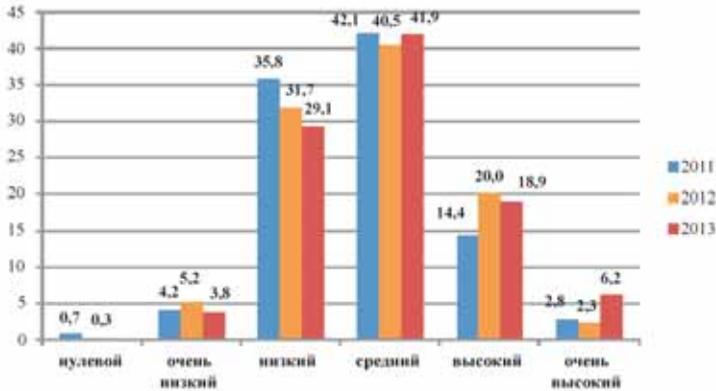

Рис. 2. Ретроспективная динамика развития этноконфессиональной напряженности (2011–2013 гг.), в %

Во-вторых, процент респондентов со средним уровнем напряженности остается стабильным и колеблется около 40%. В-третьих, очевидным является увеличение высокого уровня напряженности среди москвичей (высокий – с 14,4 до 18,9%, очень высокий с 2,8 до 6,2%), несмотря на некоторое снижение в 2012 г. Анализ ретроспективной динамики показал, что в столичном мегаполисе существует тренд незначительного, но относительно постоянного роста этноконфессиональной напряженности.

Нами разработана программа прогнозного исследования развития этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе,

в рамках которой представлены исходная, факторная и прогнозная модели напряженности. Ретроспективный анализ факторного фона позволил выявить характер влияния ключевых факторов на этноконфессиональную напряженность.

Во-первых, следует представить содержания ретроспективного влияния демографических факторов, поскольку за последние десятилетия произошли значительные изменения этноконфессиональной структуры населения столицы, а именно, в силу интенсивной миграции увеличилось количество представителей тех этноконфессиональных общностей, которые не имеют опыта совместного проживания в Москве (народы Кавказа, Средней Азии), также возросла доля славянского населения, что привело к увеличению социокультурной дистанции между представителями различных этноконфессиональных общностей и способствовало повышению уровня напряженности в столице. Причем, особую роль в нарастании напряженности играет неконтролируемая иммиграция. В целом рост численности населения Москвы и ее этнокультурного многообразия ведет к повышению количества и интенсивности контактов (желательных или нежелательных) между представителями разных этнических групп и конфессий.

Во-вторых, к ключевым факторам напряженности необходимо отнести социально-политические факторы. Состояние этноконфессиональной напряженности в Москве во многом детерминруется характером национальной политики российского государства и местных властей. Изучение ретроспективы политики в области этноконфессиональных отношений показало, что доминантой национальной политики была и остается культурная интеграция народов, проживающих на территории Российского государства, на основе русской культуры, что, в свою очередь, способствует мирному сосуществованию различных этносов в столице. С подобной позицией властей также связана и градостроительная политика администрации Москвы, направленная на недопущение формирования этнических анклавов на территории города.

В-третьих, особое значение в ретроспективе имели социально-экономические факторы, характеризующие благосостояние людей, которое имеет весомое значение в условиях мультикультурного общества, где социальное недовольство социально-экономическими условиями нередко приводит к поиску «виноватых» в сложившихся

условиях. В ситуации поликонфессионального и полинационального социума имеется тенденция нахождения виноватых, которыми и становятся представители других этнических и конфессиональных групп. Причем, чаще подобными «виновниками» становятся культурно отличные группы населения, которые, как правило, представляют этническое меньшинство, мигранты. К тому же, большое количество мигрантов способствует росту конкуренции за те или иные ресурсы (экономические, образовательные и т. д.). Таким образом, опосредованным образом экономические факторы играют значимую роль в развитии этноконфессиональной напряженности.

В-четвертых, значимое ретроспективное влияние на напряженность имели социокультурные факторы, к которым относятся повышение уровня этнокультурных отличий и различия ценностно-нормативных систем жителей столицы. В условиях повышенной «мультикультурности» дихотомия «мы» и «не мы» принимает более «рельефные» формы и возникает проективная депривация коренного населения по отношению к мигрантам. Причем, чем более глубокие этноконфессиональные несоответствия в обществе, тем выше уровень напряженности. Другими словами, чем ярче выражена «инаковость», тем выше напряженность. К примеру, при видимой этничности (кавказцы, азиаты), отличных культурных традициях (ношение платка, принесение в жертву баранов на улице, совершение молитвы в публичных местах и др.) уровень напряженности выше. Тогда как в последнее время наблюдается увеличение доли тех народов, которые не имеют многопоколенческого опыта проживания в московском социуме (кавказские и азиатские национальности).

Особую роль в ретроспективном влиянии на напряженность также сыграли социально-психологические факторы. В столице наблюдается непонимание (и часто неуважение) особенностей других культур, представленных в городе, что влечет углубление этнокультурных несоответствий между представителями различных этноконфессиональных общностей. В Москве можно констатировать достаточно частое общение между этноконфессиональными общностями. Однако данный фактор в условиях столичного мегаполиса носит скорее негативный характер, поскольку социальные взаимодействия основываются на стереотипном восприятии друг друга и подобное общение имеет скорее отрицательный характер.

И, наконец, не менее важными факторами явились информационные факторы – СМИ и Интернет – особенно в таких крупных

городах, как Москва, где используются самые передовые в стране информационные технологии. Всё это способствует распространению информации, в том числе эмоционально окрашенной, направленной на разжигание межэтнической и межконфессиональной розни. Часто современные СМИ преподносят информацию жителям столицы, не отвечающую объективной реальности (к примеру, завышают число прибывающих мигрантов, уровень рождаемости среди неславянского населения, занижают долю русского населения и т. д.). Однако следует отметить, что перечисленные причины не исчерпывают весь факторный фон этноконфессиональной напряженности, поскольку подобная задача представляется не осуществимой, в силу сложности объекта исследования.

Таким образом, анализ влияния факторного фона в ретроспективе и результатов поискового прогноза позволяет выделить наиболее общие и ключевые современные тенденции развития этноконфессиональной напряженности. Прежде всего при условии неизменности существующих условий необходимо отметить основной вектор развития напряженности в краткосрочной перспективе, констатирующий постепенный рост напряженности в Москве (см. рис. 3).

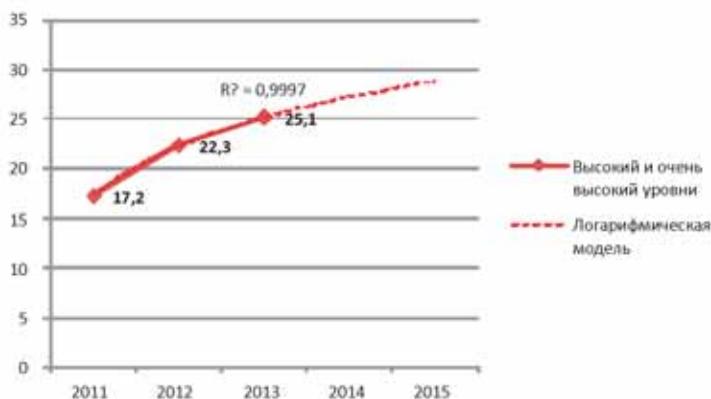

Рис. 3. Прогноз динамики развития этноконфессиональной напряженности в краткосрочной перспективе («высокий» и «очень высокий» уровни), в %

Следует отметить, что прогнозируется постепенный рост очень высокой напряженности в столичном мегаполисе.

К важной тенденции, раскрывающей содержание основного вектора развития напряженности, следует отнести развитие напряженности как в оценках, так и в поведении москвичей. Так,

в соответствии с авторским прогнозом, будет наблюдаться рост и углубление напряженности на субъективно-оценочном уровне (осознание наличия напряженности в столице, неприязнь по отношению к представителям тех или иных этноконфессиональных общностей и др.), а также постепенное повышение напряженности в поведении москвичей. Анализ индекса этноконфессиональной напряженности в оценках в краткосрочной перспективе позволяет констатировать рост доли людей с высоким и очень высоким уровнями напряженности, около 46 % (см. рис. 4).

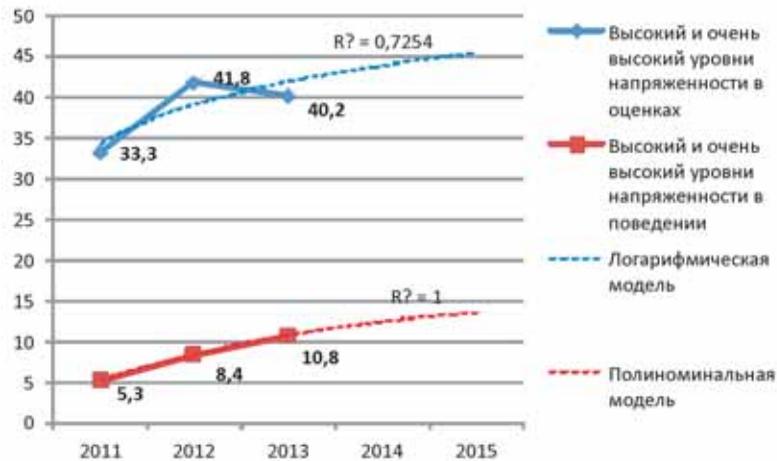

Рис.4. Прогноз динамики развития этноконфессиональной напряженности в оценках и поведении в краткосрочной перспективе («высокий» и «очень высокий» уровни), в %

И, наконец, серьезное негативное содержание в прогнозной перспективе несет усложнение миграционной обстановки в столичном мегаполисе. С одной стороны, это обуславливается объективно высокими показателями миграции в Москве. Поскольку около половины (44%) тех, кто приезжает в Центральный регион, приезжает в Москву и Московскую область, в соответствии с общим трендом нарастания внутрirosсийской миграции в ЦФО, можно с уверенностью констатировать рост приезжих в столице в ближайшем будущем [6] (см. рис. 5). И с другой стороны, тенденция обострения миграционной проблематики связана с негативным восприятием жителями столицы данного феномена, точнее нелегальной, неконтролируемой массовой. Большую роль здесь играет и этноконфессиональная

составляющая миграции, поскольку часто наибольшие антииммигрантские настроения москвичей вызывают мигранты, принадлежащие определенным этноконфессиональным общностям. Одним из основных «объектов» напряженности в столице являются приезжие и преимущественно мигранты, представляющие народы Кавказа. Поэтому рост неприязни к приезжим может говорить о повышении уровня этноконфессиональной напряженности в целом.

Рис. 5. Прогноз динамики внутрироссийской миграции в ЦФО в среднесрочной перспективе

Мониторинг последних лет фиксирует динамику практически постоянного роста негативного отношения к мигрантам. По данным Левада-Центра, число граждан, назвавших проблему «много мигрантов из бывших южных республик СССР/с Северного Кавказа» значительно увеличилось за 6 лет [4]. Так, согласно авторскому прогнозу, доля москвичей, обеспокоенных большим количеством мигрантов из бывших южных республик СССР/с Северного Кавказа, будет расти и в среднесрочной перспективе подобные настроения будут характерны для более половины всех жителей мегаполиса (см. рис. 6).

Можно констатировать, что подобная обеспокоенность жителей столицы ростом числа мигрантов, принадлежащих к определенным этноконфессиональным общностям, связаны с различными фобиями (исламофобия, мигрантофобия, кавказофобия и др.), которые формируют неприязнь и недоброжелательное отношение к людям другой национальности и религии, что имеет слабую тенденцию к повышению в целом и по стране. Основные тенденции развития

этноконфессиональных отношений в России содержательно описаны в статье В. Л. Примакова [3].

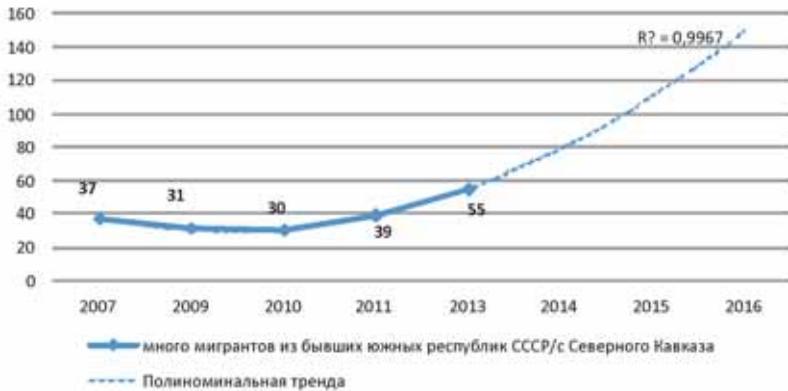

Рис. 6. Прогноз динамики обеспокоенности москвичей проблемой «много мигрантов из бывших южных республик СССР/с Северного Кавказа», в краткосрочной перспективе, в %

Итак, разработанная нами прогнозная модель позволяет целостно охарактеризовать развитие этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе в кратко- и среднесрочной перспективе. Данная модель валидна по отношению к целям и задачам прогнозного исследования. Описанные тенденции связаны с постепенным нарастанием уровня напряженности, как в оценках, так и в поведении москвичей. Причем, эти тенденции носят «умеренный», стабильный характер, без каких-либо скачков. Что позволяет сделать вывод о своевременности (но не срочности) принятия управленческих решений с целью недопущения дальнейшего роста напряженности и ее перехода в конфликтную стадию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дробижева Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2011 / отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 10. – М.–СПб.: Институт социологии РАН; Нестор-История, 2011. – С. 72–85.
2. Кублицкая Е. А. Проблема толерантности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях (опыт социологических исследований в столичном мегаполисе) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 97–104.

3. *Примаков В. Л.* Основные тенденции развития этноконфессиональных отношений в России // Геополитика. Глобализация. Международные отношения. – М. : МГЛУ, 2011. – С. 158–179. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 25 (631). Сер. Политические науки).
4. Социальные проблемы и гражданское участие москвичей (Левада-Центр). 11.07.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>
5. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf>
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d01/dem4.htm;http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

УДК 327

Ю. А. Михалёв

доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В статье рассматривается влияние и роль Интернета в современной политике государства. На сегодняшний день Интернет превратился в средство, с помощью которого кандидаты могут доносить свои идеи до невероятно широкой аудитории.

В эпоху информационных технологий Интернет становится важным коммуникативным инструментом, широко используемым государственной властью, партиями, политическими лидерами и представителями гражданского общества в своих интересах, в том числе и в ходе предвыборных кампаний. И это вполне естественно, так как в последнее время наблюдается стабильное увеличение количества интернет-пользователей. И сегодня они составляют значительное количество избирателей.

Ключевые слова: Интернет; информационные технологии; политические технологии.

Mikhalev Y. A.

Docent of Political Science Department, Doctor of Political Science, Docent, MSLU IIR and SPS

THE ROLE OF THE INTERNET IN THE POLICY OF MODERN STATES

This article analyses the impact and the role of the Internet in the policy of modern states. Nowadays the Internet has turned into a means with the help of which candidates can transmit their ideas to an incredibly wide audience.

In the age of information technologies the Internet is becoming an important communicative tool widely used by the governmental powers, political parties and leaders, and by representatives of the civil community in their interests including election campaigns. It is quite natural as recently there has been a stable increase in the number of Internet users and today they already constitute a significant number of electors.

Key words: the internet; information technologies; political technologies.

Интернет – это относительно новое, активно развивающееся средство массовой коммуникации. Интернет стал глобальной компьютерной системой, главное отличие которой состоит в том, что у нее нет официального владельца и управленца. Интернет часто

упоминают как Всемирная, или Глобальная, сеть. Он состоит из тысячей локальных, правительственных, научных и развлекательных компьютерных сетей. С помощью Сети появилась возможность посылать электронную почту (e-mail) в более чем 200 стран [6].

Еще совсем недавно считалось, что Интернет – это скорее средство связи, общения, информирования, что соответствовало особенностям его реального использования. Сегодня же нити Всемирной паутины оказываются нередко ориентированными на политическую пропаганду и даже на политико-правовое воздействие [3].

На протяжении существования общества и государства за революционными изменениями в коммуникационных технологиях следовали значительные изменения в протекании политического процесса. На современном этапе развития в мире все быстрее идет массовая интернетизация. Из локального изобретения ученых, облегчающего им исследовательскую работу, Интернет превратился во Всемирную сеть, коммуникация в которой всё больше влияет на все стороны жизни человечества. В стороне от этой тенденции не остается и мир политики.

Рассматривая политическую интернет-коммуникацию с точки зрения политического процесса необходимо обозначить два основных момента, касающиеся политического потенциала Интернета. С одной стороны, граждане в пространстве Сети более самостоятельны в сборе, организации и циркуляции информации и менее зависимы от субъектов политики и их информационных проводников. Пользователи поднимают актуальные темы, позволяя не только фильтровать информацию, но и формировать и выражать свое мнение, анализировать различные ее источники, точки зрения на проблему.

С другой стороны, интернет-технологии позволяют обеспечивать диалог между субъектами политики и пользователями Сети и государственное управление, не выходя из дома [9]. Информационное пространство Сети обеспечивает хранение результатов такого взаимодействия сколь угодно длительное время во множестве точек локализации. Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества [1].

Современные технологии хранения и передачи фото- и видеоматериалов любое неосторожное слово или действие политического субъекта может облететь весь мир за считанные минуты, а политические противники будут тиражировать эти материалы и использовать по всем каналам коммуникации. Причем подобные материалы могут появиться и из прошлого.

Подобная ситуация имела место во время президентских выборов 2009 г. в США [2], которые по праву будут занесены как наглядный пример в учебники по политическим интернет-технологиям. В пик предвыборной кампании штаб МакКейна вбросил в Интернет на конкурирующего кандидата большой объем компромата, который моментально разлетелся по стране. Однако следует сказать, что штаб Барака Обамы отреагировал неожиданно. Политтехнологи не стали предоставлять опровержения и контркомпромат, а посредством Сети превратили весь процесс в продуманную игру: многотысячному электорату Интернета было предложено выявить и доказательно опровергнуть клевету, выложив свою ссылку, и им это удалось.

Однако вопрос о степени влияния возможностей интернет-коммуникации на отечественный политический процесс еще долгое время останется открытым. Во всяком случае, до того момента, когда коммуникационная значимость Интернета, как по техническому обеспечению, так и по суммарному уровню интернет-грамотности граждан, если не превысит, то хотя бы достигнет уровня влияния традиционных каналов массовой коммуникации. В конечном счете, трансформация политического процесса зависит от готовности государства и общественности принять и использовать возможности, которые дают новые коммуникационные технологии: изменение форм и способов политического участия, взаимоотношений между обществом и субъектами политики [5].

Одним из показателей такой готовности можно с уверенностью назвать активность формирования отдельными гражданами общественных объединений, групп интересов и давления, которые аккумулируют общие цели, вовлекают в активный общественно-политический процесс.

Общественно-политическая мысль постоянно акцентирует внимание на снижении уровня политического участия граждан, потере традиционными общественными институтами консолидирующей роли [4]. Немалую роль в этом процессе сыграли и традиционные

средства коммуникации [7]. Способны ли виртуальные технологии сетевого общества обратить эту тенденцию?

Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества.

Так, сетевые технологии облегчают задачу консолидации граждан и их взаимодействия с государством переступая через географические и социально-демографические барьеры реальности. Снижаются организационно-информационные издержки политических объединений; увеличиваются возможности по сбору взносов и пожертвований; появляется возможность самостоятельно, посредством информационных ресурсов Сети, распространять свое влияние, находить новых участников – все это предоставляет новые возможности в самоорганизации общества. Об этом более подробно речь пойдет в следующих параграфах. Интернет может способствовать коллективным действиям даже на местном уровне – вплоть до ассоциаций жильцов, члены которых могут общаться через интернет-ресурс, а не проводить постоянные собрания.

При этом следует понимать, что коммуникационные ресурсы Сети как открывают дополнительные возможности для уже существующих в оффлайне объединений, так и порождают свои виртуальные объединения, не существующие в реальном мире. Интернет дает возможность идентификации и самоопределения группам общественности, которые не могут сформироваться в реальном пространстве.

Благодаря сетевой коммуникации отдельные индивиды с едиными целями в различных точках страны могут превратиться в мощную силу, оказывающую в рамках системы «мысли глобально – действуй локально» информационное, а в ряде случаев и деятельностное, давление на субъекты политики. Более того, с помощью Сети отдельный индивид может поднять свою личную, местную проблему на национальный уровень как проблему системную, привлечь к ней внимание и действия власти.

После урагана «Катрина» в Соединенных Штатах действия ресурса www.moveon.org сумели наладить контакт между эвакуированными жителями пострадавших районов и добровольцами, готовыми предоставить им крышу над головой. Другой пример.

Организация *www.kiva.org*, которая виртуально связывает потенциальных инвесторов развитых стран с нуждающимися в инвестициях предпринимателями третьего мира. В России, такие ресурсы также появились во время стихийных бедствий. Например, *russian-fires.ru* был создан для помощи в устранении лесных пожаров в 2010 г., а в социальных сетях активно шел сбор гуманитарной помощи и вербовка волонтеров для пострадавших от наводнения в Крымске в 2012 г. Деятельность подобных организаций можно расценить не только как разочарование в традиционных государственных механизмах, но и как возможность в ряде случаев обходиться без них.

Как пример сетевого управления «сверху» можно привести блог Дмитрия Медведева. В день рождения своего видеоблога он подвел некоторые итоги года его существования. Среди прочего было отмечено, что именно участники обсуждения его видеоблога и комьюнити обратили внимание на невыполнение законодательства в области раскрытия информации о государственных закупках в Интернете. Сразу были приняты соответствующие меры – поручено реорганизовать технологии контроля подачи заявок на сайте с автоматическим оповещением ФАС о нарушении процедуры. Помимо этого, за год существования видеоблога под личным контролем Д. А. Медведева решались проблемы местного уровня, не относящиеся к его компетенции.

Вместе с тем существует множество факторов, ограничивающих развитие виртуальной коммуникации. К примеру, некоторые из них выделяет С. Г. Туронок: «анонимность, сказывающаяся на взаимодоверии, взаимоуважении и взаимответственности участников; специфическое для Сети социальное давление; нестабильность, скоротечность взаимосвязей внутри виртуальной группы, возникающая в условиях отсутствия естественных барьеров реальности» [9].

Эти и ряд других факторов могут сыграть с человечеством злую шутку и подорвать само понятие общества как коллектива. Интернет позволяет создавать всемирные виртуальные группы интересов, но при этом может разрушить традиционный и реальный коллектив, превратив его в оторванных друг от друга индивидов, не имеющих связей в реальном мире. Это, в свою очередь, может подорвать способность граждан, объединившись, обеспечивать противовес государству физически на конкретной территории и в конкретное время.

Однако другая сторона политического потенциала коммуникационных интернет-технологий – возможность упрощения отдельных механизмов политического управления. Все шире идет процесс развертывания электронного управления. На основе современных информационных технологий строится концепция электронного правительства – новой модели государственного управления, представляющую собой систему взаимодействия государства и общества при помощи Интернета.

Основная задача электронного управления состоит в изменении горизонтальных и вертикальных взаимоотношений между правительственными структурами и гражданами на основе применения сетевых операций, информационных технологий и коммуникационных сетей. Главные цели такого управления – оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу, расширение степени участия всех избирателей в процессах формирования власти, руководства и управления страной, обеспечение открытости и взаимной подотчетности между гражданами и правительством.

Однако, несмотря на все большее взаимопроникновение двух реальностей, на данный момент взаимовлияние Интернета и политического процесса остается слабым и ситуативным. Немалое значение в этом имеет изменение качественного состава аудитории Интернета за время его развития и стереотип вседозволенности и анонимности поведения в Сети, укоренившийся в сознании вновь прибывших участников виртуальной реальности.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие интернет-технологий оказывает значительное влияние на политические коммуникации. В большинстве развитых стран мира практически каждый человек имеет доступ к Интернету, что делает сферу влияния политических кампаний гораздо обширнее. В настоящее время трудно назвать политическую организацию, которая не имеет собственного сайта, не контактирует с потенциальными пользователями Интернета через различные опросы, блоги, комментарии, социальные сети и рекламные площадки. Политическое событие, происходящее в любой точке планеты, моментально освещается в Интернете. Более того, люди не только имеют доступ к многочисленным новостным сайтам, пользователи могут активно высказывать свою точку зрения, вести дебаты и оспаривать интернет-контент. С каждым днем повсеместно появляется множество программ и сайтов, направленных на вовлечение граждан в политическую жизнь как своей страны, так

и мирового сообщества в целом. Пользователи Интернета получают все больше и больше возможностей для оказания влияния на принятия политически важных решений. И во многом заслуга этого – непрерывное совершенствование интернет-технологий.

Таким образом, примерами реализации интернет-технологий для различных направлений деятельности органов власти и управления являются:

- технологии «электронного правительства»;
- проведение открытых сетевых дискуссий по актуальным социально-политическим вопросам;
- организация интернет-приемных;
- проведение социологических опросов и голосований на сайтах;
- осуществление постоянно действующего мониторинга;
- переход к информационному самообслуживанию в режиме самопубликаций;
- электронная почта в адрес политических лидеров и руководителей органов государственной власти;
- списки рассылки ежедневных информационных сообщений;
- интерактивный доступ к государственным базам данных;
- организация пресс-конференций лидеров государства в режиме онлайн.

Необходимо отметить, что применение данных технологий требует адаптации со стороны управленческих структур. Информатизация старых организационных форм и технологий административной деятельности может только усилить негативные тенденции, связанные с использованием устаревших технологий деятельности государственных структур. Внедрение современных информационных технологий является только одним аспектом совершенствования политического управления, причем достаточно сильно зависящим от организационных структур. Поэтому необходимо сочетать информатизации органов государственной власти с внедрением сетевого подхода в политическом управлении, т. е. сочетать технические инновации с организационными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопов Г.Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: Монография. – М. : КНОРУС, 2013. – 240 с.

2. *Белозёров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 1 (247). – С. 11–16.
3. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 354 с.
4. *Касюк А. Я.* Социокультурный аспект и его учет в процессе обучения иностранным языкам // Инновации в образовании. – 2003. – № 3. – С. 43–53.
5. *Киселев А. А., Самаркина И. В.* Интернет: модель и практики политического участия. – Краснодар : Отгиск, 2007. – 103 с.
6. *Синчук Ю. В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3 (19). – С. 60–65.
7. *Рукавицын П. М.* Сохранение национальной идентичности странами запада в условиях этнодемографического вызова // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М. : МГЛУ, 2012. – С. 224–232. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические. Политические науки).
8. *Турунок С. Г.* Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. – 2001. – №2. – С. 51–63.
9. *Харичкин И. К.* О понятии «политическое управление» // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 4. – С. 99–103.

УДК 327

С. М. Небрэнчнн

профессор, доктор исторических наук, генеральный директор-главный редактор
Медиагрупп «ТПП-Информ»; e-mail: nebrnchinn@tpprf.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В ЕВРАЗИИ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются вопросы евразийской безопасности, анализируются характер и содержание геополитического противоборства и геополитической экспансии в Евразии, а также наиболее острые проблемы Евразии и суть региональных конфликтов. Особое внимание уделено изучению характера и содержания геополитического противоборства на постсоветском пространстве. Представлены контуры системы коллективной безопасности и показана роль России в ее укреплении. Отдельные выводы и рекомендации адресованы докторантам, адъюнктам и соискателям, осуществляющим диссертационные исследования по различной тематике в области гуманитарных и социально-экономических наук.

Ключевые слова: безопасность; геополитическое противоборство; геополитическая экспансия; геополитика; Евразия; коллективная безопасность; кризис; межцивилизационные противоречия; миграция; региональные конфликты; ресурсы; угрозы; экспансия.

Nebrenchin S.

Doctor of Sciences (History), Professor Mediagroup “TPP-Inform”, Director General – Editor-in-chief; e-mail: nebrnchinn@tpprf.ru

GEOPOLITICAL CONFRONTATION IN EURASIA IN XXI CENTURY

In the article questions of Eurasian security are considered. The author analyzes the nature and content of the geopolitical confrontation and Geo-Atlantic expansion in Eurasia. In the article the most burning issues of Eurasia, an essence of the regional conflicts are covered. The special attention is paid to studying of character and maintenance of a geopolitical antagonism in the former Soviet Union. In the article the contours of system of collective security are presented and the role of Russia in its strengthening is shown. Separate conclusions and recommendations are addressed to persons working on doctor's (Ph.D. degree), post-graduate students, to competitors, who are working in dissertations, devoted to humanitarian, historical and socio-economic sciences.

Key words: Eurasia; challenges; geopolitical rivalry; geo-Atlantic expansion; geopolitical threats; collective security; crisis; intercivilization contradictions; migration; regional conflicts; resources; threats; expansion.

В геостории континент Евразия во все времена оставался эпицентром глобальных противоречий, конкуренции и столкновений представителей ведущих мировых цивилизаций. Геополитическое противоборство шло и продолжает идти за влияние на события в странах континента, за контроль над стратегическими коммуникациями, рынки сбыта товаров и услуг, овладение материальными и людскими ресурсами. В XX столетии заметно усилилось вмешательство в дела континента извне. В достижении своих гегемонистических планов Вашингтон во взаимодействии с официальным Лондоном, международными финансово-экономическими структурами последовательно проводил политику «разделяй и властвуй», провоцировал экономические кризисы, социальные потрясения, войны и конфликты в Евразии. Не без участия США, в прошлом столетии были развязаны Первая и Вторая мировые войны, Арабо-израильские конфликты (1948–1982), Ирано-иракская война (1980–1988), войны во Вьетнаме (1965–1974), Корею (1950–1953), Афганистане (1979–1989), вооруженные столкновения на Балканах (1990–1998) и бомбардировки Югославии (1999), дестабилизирована обстановка во многих других регионах континента Евразия.

В XXI в., в эпоху глобальных вызовов и угроз социального, техногенного и природного происхождения, борьба за контроль над континентом Евразия в еще большей степени обострилась, приобрела новые содержание, формы и методы. Ведущие страны мира (США, Япония, Германия, Китай и др.), вступив в жесткую конкуренцию за лидерство в рамках шестого технологического уклада (био-, нано-, когно-, инфо- и др.) [10], который стремительно идет на смену технологиям пятого поколения, свои потенциальные резервы и возможности усматривают в получении выгоды от доступа к ресурсам и богатствам Евразии. Самый большой континент в мире занимает 36% площади суши. Здесь проживает большинство жителей планеты (более 5 млрд чел., около $\frac{3}{4}$ всего населения мира), представители пяти евразийских цивилизаций (индуистской, конфуцианской, исламской, западнохристианской, православно-славянской / восточнохристианской) из общего числа 7–8 мировых цивилизаций [5]. Он располагает наиболее разветвленной сетью континентальных транснациональных коммуникаций, развитым технологическим потенциалом. Объектом особых интересов для основных мировых конкурентов являются главные «кладовые Земли» – Сибирь и Дальний Восток, а также Арктика: их разнообразный географический

ландшафт, богатейшая фауна и флора, средоточение большей части всех мировых природных ресурсов.

Между тем на долю Евразии сегодня приходится около 80 % всех международных конфликтов и локальных войн. При этом большинство из них спровоцировано или привнесено извне и прежде всего Соединенными Штатами Америки [8]. В XXI в. обострение ситуации в Евразии происходит на фоне нарастания негативных последствий глобального финансово-экономического кризиса, ослабления влияния международных институтов власти и прежде всего ООН, раскручивания маховика гонки вооружений, роста числа социальных потрясений, техногенных и природных катаклизмов и др.

Геоатлантическая экспансия на континенте

В начале XXI в. экспансия Запада, которая в концептуальном плане базируется на геоатлантических ценностях, продиктована стремлением транснациональных компаний создать на материке Евразия новые, более безопасные географические плацдармы для обеспечения жизнедеятельности представителей трансконтинентальных политических элит и функционирования инфраструктур их обслуживания уже в самом обозримом будущем. В «нулевые» годы текущего столетия США и Великобритания, опираясь на поддержку евробюрократии (Брюссель), добились своих подрывных целей в географическом пространстве от Суэца до Тибета, дестабилизировав обстановку в целом ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, Центральной Азии. Серьезную угрозу для безопасности континента представляет обострение арабо-израильских противоречий.

Серьезную озабоченность в Евразии вызывают агрессивные действия Исламского государства Ирака и Леванте (ИГИЛ – запрещенной в России организации). По оценкам экспертов, возникновение этой угрозы для региона было бы невозможным, если бы не попустительство со стороны США и их союзников в регионе, прежде всего со стороны Саудовской Аравии, Катара, Израиля и др. 23 мая 2015 г. в турецкой прессе «Yeni Safak» появилась информация о том, что имеются документы и, в частности, разведывательного управления минобороны¹ о неприглядной роли США в событиях на Ближнем Востоке. В частности, согласно документу, «ИГИЛ может обер-

---

¹ «...2012 Defense Intelligence Agency document: West will facilitate rise of Islamic State in order to isolate the Syrian regime».

нуться «стратегической выгодой» для региональных планов Америки... Запад будет способствовать росту “Исламского государства” для того, чтобы изолировать сирийский режим» [4].

Продолжается движение НАТО на Восток, что не может не тревожить Россию. Усиливается американское военное присутствие в регионе Восточной Европы. Расширяется сеть неправительственно-го влияния на развитие событий в самых различных странах Евразии. В 2014 г. не без вмешательства извне возник украинский кризис, который привел к обострению не только российско-украинских отношений, введению антироссийских санкций, но и осложнению международной обстановки в мире и на континенте Евразия, в частности. Негативные последствия могут иметь попытки внешних сил спровоцировать конфликтные ситуации вокруг Приднестровья и Македонии, социальные потрясения в Турции, Китае и других странах. Особую опасность представляют планы создания «Великой Албании» на Балканах. В антироссийских целях предпринимаются шаги по формированию Балтийско-Черноморской конфедерации под эгидой США.

В последние годы заметно осложнились отношения внутри самой западной цивилизации, что негативно влияет на развитие событий в Евразии. Сегодня открыто конкурируют друг с другом евро-атлантический вектор (США, Великобритания, Израиль и др.), и евроконтинентальная тенденция (Франция, Германия, Италия). В составе ЕС проводниками интересов Вашингтона выступают новые члены из числа стран бывшего социалистического лагеря. Именно они, наряду с Брюсселем, Варшавой, Киевом, задают тон в нагнетании антироссийской истерии.

Немалую озабоченность в столицах ведущих европейских стран вызывают шаги США по противодействию развитию связей между Западной Европой и Россией. Дело в том, что санкции и украинский кризис, спровоцированные Вашингтоном, в экономическом плане ударили не только по РФ, но и европейской экономике. Ведущим странам Старого Света не особенно нравится политика США, направленная на расширение состава НАТО. Вступление новых членов существенно подрывает в этой организации позиции таких стран, как Германия, Франция, Италия, ведет к обострению отношений в рамках ЕС, не способствует активизации российско-европейского диалога.

В настоящее время продолжает обостряться миграционная проблема на евро-азиатском континенте, что ведет к эскалации конфликтов на межнациональной почве. Из общего числа мигрантов на континенте большая часть их приходится на страны Европы. Наиболее привлекательными для миграции стали Германия (более 10 млн), Великобритания (8 млн), Франция (7,5 млн), Испания (6,5 млн). Несмотря на меры, предпринимаемые властями в Европе, общее количество приезжих продолжает возрастать. Опасение европейцев вызывает тот факт, что новые жители европейских стран не ассимилируются, расселяются компактно, в повседневной жизни в большей степени придерживаются своих традиций и правил поведения, нежели руководствуются светскими законами. Некоторые выходцы из мусульманских регионов активно участвуют в планах становления ИГИЛ.

Китайский фактор геополитики

В последние годы КНР, которая по уровню экономического потенциала фактически сравнялась с США, наряду с Россией, является одним из главных объектов геоатлантической стратегии по переустройству Евразии. Наибольшую обеспокоенность в США вызывает сближение Пекина с Москвой и попытки налаживания отношений с Дели. В целях нейтрализации геополитического потенциала КНР ведется «двойная игра». С одной стороны, США и Великобритания рассматривают геостратегическое сотрудничество с Китаем в качестве эффективного инструмента установления контроля над всем материком Евразия, решения глобальных финансово-экономических проблем. Так на решение задачи переноса финансово-экономической деятельности США из Атлантики нацелена реализация инициативы Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которая впервые была выдвинута еще в 2003 г. Однако она труднореализуема без участия в ней Пекина. Нынешнее напряжение в китайско-американских отношениях осложняет реализацию этого актуального проекта XXI в. [14]. Ситуация осложняется тем, что Пекин пошел на создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, в состав которого пока не вошли США и Япония.

С другой стороны, в XXI в., наряду с попытками образовать геостратегический альянс между США и Китаем («Большая двойка»), ведется целенаправленная работа по дестабилизации

внутриполитической обстановки в самом Китае. По оценкам геополитических стратегов, подобраться к КНР удобнее всего как раз через контроль над государствами Средней Азии, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет, которые географически примыкают к этому региону и где сильны сепаратистские настроения в пользу отделения от Китая. Кроме того, США и Великобритания предпринимают попытки дестабилизировать внутриполитическую обстановку в Гонконге, обострить отношения Китая с Россией, Японией, Вьетнамом, Индией, Ираном, осложнить ситуацию на Корейском полуострове, вокруг Тайваня. На Западе опасаются, что наращивающий свою мощь Китай создаст военно-политический союз с Россией. «После чего угроза третьей мировой войны станет более чем реальной», – считает известный американский финансист Джордж Сорос [12, с. 4].

Однако КНР в текущем столетии достаточно успешно противостоит давлению извне. В международных делах Пекин выступает против «менталитета «холодной войны», «гегемонизма» и силовой политики» [2, с. 175]. Страна по показателям торгово-экономического развития фактически вышла в лидеры, обогнав даже США. Серьезную озабоченность в Вашингтоне вызывает «инновационная поступь» КНР, которая активно заимствует извне передовые технологии и успешно их внедряет в собственное производство [13]. Особое значение сегодня приобретает инициатива КНР по возрождению инфраструктуры «Шелкового пути» на континенте Евразия и в Арктическом регионе. Согласно точке зрения официального Пекина, реализация этого проекта позволит КНР в значительной мере усилить свои позиции на глобальном рынке ресурсов, товаров и услуг, усилить влияние на развитие событий на континенте.

Несмотря на активное противодействие извне, Пекин не намерен отказываться от планов «приращения своих территорий» за счет соседних стран. Еще в 2013 г. китайская газета «Wen Wi Po» опубликовала статью, озаглавленную как «6 войн, в которых Китай должен участвовать в следующие 50 лет». Среди них «войны» за объединение с Тайванем (2020–2025), возвращение островов Спратли (2025–2030), Дяоюйдао (Сенкаку) и Рюкю (2040–2045), объединение внешней Монголии (2045–2050), возврат островов у России (2055–2060) [3].

Противоборство на постсоветском пространстве

С начала 1990-х гг. жесткое межцивилизационное противоборство в Евразии наиболее наглядно проявилось на постсоветском пространстве. Планы англо-американской геостратегии в отношении этого региона евразийского континента предусматривают прежде всего изменение конфигурации политических сил и формата власти во многих странах СНГ и в первую очередь в России. Речь идет об изменении государственных границ новых суверенных стран, создании новых военно-политических союзов антироссийской направленности.

В настоящее время ареной геополитического противоборства вокруг России стало практически все постсоветское пространство. Разновекторные интеграционные процессы здесь приняли характер жесткого интеграционного противоборства. С одной стороны, это бывшие советские республики, которые продолжают ориентироваться на Россию (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия), а также новые государственные образования (Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия). В орбиту антироссийской стратегии оказались вовлеченными страны Балтии, Грузия, Украина, Молдавия.

Своих целей в отношении постсоветского пространства атлантические геостратеги стремятся достичь посредством «цветных революций», которые уже имели место в Грузии, Киргизии, Украине и в некоторых других странах. Как правило, они приурочиваются к выборам, ставка изначально делается на молодежный романтизм и радикализм, раскол в политических элитах, недовольство властями и т. п. Информационные технологии рассматриваются в качестве главного оружия в борьбе за власть даже в тех странах, где внутренняя обстановка далека от революционной ситуации. Легитимность «победивших революций» достигается благодаря активной и массовой политической поддержке со стороны влиятельных международных организаций, прежде всего ПАСЕ, ОБСЕ и др.

Серьезную угрозу для России представляет неконтролируемая миграция. По некоторым оценкам, в отношении России реализуются планы по изменению этносоциального состава страны в пользу выходцев из южных стран СНГ [9], что позволит решить задачу взятия под контроль одной седьмой части суши. По данным ФМС, в Россию приезжает 10–12 млн иностранцев, из них 70–80% – граждане стран – участниц СНГ [11]. По другой информации, количество

мигрантов, большая часть которых находится в России нелегально, достигает 20 млн чел. Как и в странах Европы, приезжающие не стремятся к ассимиляции, часто живут по своим традиционным законам, среди них очень значителен уровень преступности. Среди мигрантов высок процент выходцев из мусульманских стран, где активно протекают процессы исламизации политики и политизации ислама, сильны экстремистские течения [5]. Такое положение дел напрямую угрожает суверенитету, территориальной целостности и национальной безопасности страны. Сегодня лидеры ИГИЛ уже не скрывают своих экспансионистских планов в отношении Центральной Азии и Кавказа, что угрожает национальной безопасности России.

В настоящее время продолжается геополитическая борьба вокруг интеграционных проектов с участием России и, в частности, Евразийского экономического Союза, Союзного государства Белоруссии и России и др. На Западе и прежде всего в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе продолжают бояться возрождения большой России [7]. В стремлении реализовать свои стратегические планы геополитические оппоненты исходят из того, что только целенаправленное сдерживание морально-психологического, экономического и военно-политического возрождения России позволит им окончательно выиграть геополитическую войну на всем постсоветском пространстве и на континенте Евразия в целом.

Россия в системе евразийской безопасности

Обострение ситуации в Евразии происходит на фоне нарастания негативных последствий глобального финансово-экономического кризиса, ослабления влияния международных институтов власти и прежде всего ООН, раскручивания маховика гонки вооружений, роста числа социальных, техногенных и природных катаклизмов. В этих условиях Российская Федерация прилагает немалые усилия, чтобы переломить складывающуюся международную ситуацию в свою пользу политико-дипломатическими средствами. Как заявил Министр иностранных дел России Сергей Лавров, выступая 12 февраля 2015 г. на торжественном вечере по случаю Дня дипломатического работника: «...Россия выступает за утверждение в международных отношениях принципов равенства, взаимного учета интересов, коллективного урегулирования ключевых проблем при опоре на международное право...» [6, с. 8].

Для достижения поставленных целей в долгосрочной перспективе крайне важно включиться в конкуренцию за лидерство в рамках нового шестого технологического уклада и прежде всего преуспеть в информационной сфере. Развитие информационных технологий – «мейнстрим» современной эпохи [1]. В наше время без включенности в глобальную универсализированную информационную систему трудно рассчитывать на успех.

Участие России во многих евразийских объединениях, в частности в ШОС, в Таможенном Союзе, в СНГ, в ОДКБ и других организациях, позволяет продвигать и воплощать глобальные инициативы в интересах укрепления мира и сотрудничества в Евразии. В современных условиях особое значение для евразийской безопасности приобретает китайско-российское сотрудничество, взаимодействие с другими ведущими странами континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Превосходство, присвоение, неравенство. – М.: Научный эксперт, 2013. – 304 с.
2. Бергстен Ф. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен, Б. Гилл, Н. Ларди, Д. Митчелл ; пер. с англ. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 256 с.
3. Девятков А. 6 войн, в которых Китай должен участвовать в следующие 50 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peremenu.ru/books/osminog/8323>
4. Конфиденциальные документы: связь США – ИГИЛ – не теория заговора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Иносми.ру. ; <http://inosmi.ru/asia/20150528/228274701.html>
5. Криворучко А. П. Ислам и религиоведение // Актуальные проблемы международных отношений. – М.: МГЛУ, 2013. – С. 78–90. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Сер. Исторические науки. Политические науки).
6. Лавров С. В. Выступление на торжественном вечере по случаю Дня дипломатического работника // Международная жизнь. – 2015. – № 2. – С. 7–11.
7. Маркин С. Россия избавится от паразитов-рантье Сегодня. ру: информ.-аналит. сетевое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/18751>
8. Небренчин С. М. Демографический фактор геополитики // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М.: МГЛУ, 2012. – С. 195–199. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические науки. Политические науки).

9. Политазбука: Монография. – Воронеж: Истоки, 2010. – 189 с.
10. Ремизов М. В. Технологический прорыв – это не техническая задача: итог. сб. докл. «Технодоктрина-2014». – М.: РУСТО, 2014. – 630 с.
11. Романович Н.А. О демографической ситуации в России: взгляд из региона // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 9. – Ч. 2 / отв. Ред. Ю. С. Пиваваров. – М.: РАН ИНИОН ; Отд. Науч. сотрудничества и международных связей, 2014. – 706 с.
12. Сорос предрек третью мировую войну // Версия. – 2015. – № 19. – С. 4.
13. Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. – 2015. – С. 31–33; Доклад о работе правительства (полный текст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2015-03/16/c_134071542.htm
14. Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай // Международная жизнь, ноябрь. – 2014. – С. 132–133; Инновационная поступь поднебесной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tpp-inform.ru/analytic_journal/5777.html

УДК 316.4

И. В. Образцов, Журавлева В. В.

Образцов И. В., профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Журавлева В. В., студентка кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: warwara05@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АБИТУРИЕНТА МГЛУ

В статье рассматриваются основные тенденции в поведении, а также типичные социально-психологические черты абитуриентов МГЛУ, выявленные в ходе ежегодного мониторинга, проводимого кафедрой социологии ИМО и СПН МГЛУ в форме сплошного анкетного опроса. Анализируются причины выбора абитуриентами тех или иных специальностей подготовки. Авторы демонстрируют актуальность изучения данных тенденций в условиях современного рынка труда.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; профессиональная ориентация; абитуриенты; мотивы выбора; социально-психологический портрет; актуальные тенденции.

Obraztsov I. V.

Head of the Department of Sociology of Institute of International Relations and Social and Political Studies, MSLU, PhD, Professor of Sociology;
e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Zhuravleva V. V.

Student of the Sociology Department of Institute of International Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE TYPICAL ENTRANT OF MSLU

In this article the authors considers the main tendencies in behavior and the typical social and psychological features of entrants of MSLU revealed during annual monitoring. Monitoring is carried out since 2013 by the Sociology Department of Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies of MSLU in the form of continuous questionnaire. In the article the choice reasons are considered by entrants of particular directions in high education. The authors shows relevance of studying of entrants in the conditions of modern labor market.

Key words: professional self-determination; vocational guidance; entrants; motives of a choice; social and psychological portrait; actual tendencies.

Сегодня профессиональное самоопределение рассматривается не только как выбор конкретной специальности, но и как непрерывный процесс поиска смысла в выбранной профессии [1].

При таком понимании профессиональное самоопределение – это процесс чередующихся выборов, каждый из которых рассматривается как важное жизненное событие, определяющее дальнейшие шаги на пути профессионального развития личности [2]. При этом профессиональное самоопределение тесно связано с формированием активной жизненной позиции, особенно молодежи, ее участием в жизни страны [3].

Неотъемлемой частью профессионального самоопределения является информированность о спектре профилей и специальностей обучения, о степени соответствия его личностных качеств требованиям, предъявляемым той или иной профессией, об аспектах профессии (заработной плате, условиях труда и др.), а также о ситуации на рынке труда. Эти структурные элементы являются связующим звеном между ценностными ориентирами и готовностью к осуществлению выбора [4].

Изучению данных процессов было посвящено ежегодное социологическое исследование, проведенное преподавателями, аспирантами и студентами кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ. С использованием методов опроса (интервью) и включенного наблюдения изучались мнение и поведенческие реакции посетителей информационных мероприятий на днях открытых дверей, проводившихся в 2013–2015 гг.

Опрос проводился в форме интервью по сплошной выборке – члены исследовательской группы на выходе из университета обращались с просьбой об участии в опросе к каждому посетителю или совместно пришедшей группе посетителей, в составе которой присутствовал абитуриент¹. От участия в интервью отказывался примерно каждый десятый респондент. При этом распределение посетителей по факультетским дням было неравномерно: лингвистические факультеты посетило более половины пришедших граждан:

---

¹ В 2013 г. – 1 361 обращение; в 2014 г. – 1 237; в 2015 г. – 1 039. Учитывая тот факт, что посетители приходят семейными группами (в одиночку – не более 20 %), общая численность посетителей составила: в 2013 г. – не менее 3 400 чел.; в 2014 г. – 3 100 чел.; в 2015 г. – 2 800 чел.

Переводческий факультет, Институт иностранных языков им. Мориса Тореза – 56,6–58,2 %;

Институт международных отношений и социально-политических наук – 22,9–29,3 %;

Институт права, экономики и управления информацией – 14,1–18,9 % (см. табл. 1).

Включенное наблюдение проводилось студентами старших курсов, которых находясь среди посетителей, фиксировали их поведенческие реакции в ходе проводимых информационных мероприятий. Результаты включенного наблюдения дополняли результаты массового опроса, позволяя выявить латентные явления и реакции.

Таблица 1

Количество опрошенных респондентов в ходе проведения дней открытых дверей в МГЛУ (2013–2015)

Факультеты (институты)	Количество обращений к респондентам			Отказались отвечать (чел.)			Опрошено (чел.)		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
ПФ и ИИЯ им. М. Тореза	751	715	668	72	60	64	679	665	605
ИМО и СПН	393	307	266	41	12	28	352	295	238
ИПЭ и УИ	217	215	231	47	16	35	170	199	196
ВСЕГО	1361	1237	1166	160	88	127	1201	1159	103

Качественная характеристика посетителей (обобщенные данные о респондентах)

Результаты исследования позволяют составить групповой портрет посетителей информационных дней открытых дверей в МГЛУ.

Состав участников. Прежде всего, следует отметить, что посетители прибывали на мероприятия, как правило, в составе дружеских и семейных групп, что свидетельствует о большой роли ближайшего окружения (родственников, друзей) в выборе абитуриентами, как учебного заведения, так и факультета, специальности (направления подготовки). В анализируемый период самостоятельно МГЛУ посетили только 5–20 % абитуриентов (см. табл. 2).

Таблица 2

Характеристика состава посетителей (в %)

Характеристика (групповой состав) посетителей	2013	2014	2015
Абитуриент с матерью (бабушкой)	36,1	33,0	32,7
Абитуриент с отцом (дедушкой)	24,8	8,0	9,8
Абитуриент с двумя родственниками	21,1	6,0	7,0
Абитуриент с подругой (другом)	9,3	27,4	26,7
Один абитуриент	5,0	21,0	18,9
Родители без абитуриента	3,7	4,0	4,8

По *гендерному составу* среди потенциальных абитуриентов преобладают девушки, однако фиксируется определенная тенденция к незначительному повышению числа юношей, заинтересовавшихся программами образования в МГЛУ (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика гендерного состава посетителей – потенциальных абитуриентов в 2013–2015 гг. (в %)

Пол будущих абитуриентов	2013	2014	2015
Девушки	80,4	75,8	76,8
Юноши	19,6	24,2	23,2

При этом данная тенденция в большей степени характерна для нелингвистических факультетов (институтов), прежде всего ИПЭ и УИ (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика гендерного состава посетителей – потенциальных абитуриентов в 2013–2015 гг. по факультетам (в %)

Факультеты (институты)	Годы	Девушки	Юноши
ПФ и ИИЯ	2013	81,9	18,1
	2014	78,0	22,0
	2015	80,8	19,2

Факультеты (институты)	Годы	Девушки	Юноши
ИМО и СПН	2013	81,2	18,8
	2014	80,4	19,6
	2015	75,2	24,8
ИПЭ и УИ	2013	72,6	27,4
	2014	61,9	38,1
	2015	66,7	33,3
В целом по МГЛУ	2013	80,4	19,6
	2014	75,8	24,2
	2015	76,8	23,2

Региональное представительство посетителей (по месту проживания и расположению общеобразовательного учебного заведения) свидетельствует о преобладании жителей Москвы и Московской области. Незначительная часть респондентов приехала на проводимые мероприятия из других регионов РФ, а также из Украины и Беларуси. Однако в 2015 г. обозначилась тенденция к некоторому увеличению среди посетителей жителей Московской области и других регионов (см. табл. 5).

Таблица 5

**Региональное представительство посетителей
(будущих абитуриентов, в %)**

Регион постоянного места жительства посетителей (будущих абитуриентов)	2013	2014	2015
г. Москва	68,2	68,5	62,7
Московская область	23,7	23,1	27,3
Другие регионы (субъекты) РФ	7,8	7,8	9,1
Другие государства (Украина и Беларусь)	0,3	0,6	0,8

Данная тенденция оказалась наиболее характерной для факультетов (институтов) лингвистического профиля (см. табл. 6).

Таблица 6

**Региональное представительство посетителей
(будущих абитуриентов, в %) по факультетам**

Факультеты (институты)	Годы	г. Москва	Московская область	Другие регионы (субъекты) РФ	Украина и Беларусь
ПФ и ИИЯ	2013	65,3	24,6	9,7	0,4
	2014	66,9	24,1	8,1	0,9
	2015	58,5	27,4	13,2	0,8
ИМО и СПН	2013	73,5	21,0	5,2	0,3
	2014	70,4	22,3	7,3	0
	2015	70,2	24,7	4,7	0,4
ИПЭ и УИ	2013	68,8	25,9	5,3	0
	2014	71,2	20,7	7,6	0,5
	2015	66,7	30,3	2,0	1,0
В целом по МГЛУ	2013	68,2	23,7	7,8	0,3
	2014	68,5	23,1	7,8	0,6
	2015	62,7	27,3	9,1	0,8

Среди *типов общеобразовательных учебных заведений*, названных респондентами, преобладают общеобразовательные школы (около 50 %) и специализированные общеобразовательные учебные заведения – гимназии, лицеи, в том числе лингвистического профиля (см. табл. 7). Явно просматривается тенденция снижения количества потенциальных абитуриентов, обучающихся в специализированных учебных заведениях лингвистического профиля (среди ориентированных на лингвистические факультеты – в 2 раза: с 22,1 % в 2013 г. до 10% в 2015 г.) (см. табл. 8).

Таблица 7

**Динамика распределения потенциальных абитуриентов
по типам образовательных учреждений (в %)**

Тип общеобразовательного учебного заведения будущих абитуриентов	2013	2014	2015
Средняя общеобразовательная школа	46,3	47,8	50,9

Спецшкола, гимназия, лицей с лингвистическим уклоном	22,0	18,7	12,6
Гимназия	18,0	19,2	23,1
Лицей	11,4	11,1	10,3
Другое	2,3	3,2	3,1

Таблица 8

Динамика распределения потенциальных абитуриентов по типам образовательных учреждений, ориентированных на поступление на различные факультеты (институты) МГЛУ (в %)

Факультеты (институты)	Годы	Средняя общеобразовательная школа	Гимназия	Лицей	Спецшкола, гимназия, лицей с лингвистическим уклоном	Другое
ПФ и ИИЯ	2013	46,3	19,8	5,1	22,1	6,7
	2014	49,8	19,5	10,7	16,5	3,6
	2015	50,5	25,2	11,7	10,0	2,3
ИМО и СПН	2013	46,3	16,1	8,6	22,7	6,3
	2014	47,4	18,4	11,6	19,5	3,1
	2015	47,7	18,7	9,8	18,7	5,1
ИПЭ и УИ	2013	45,9	20,6	10,6	20,0	2,9
	2014	41,5	19,5	11,8	24,6	2,6
	2015	56,1	20,9	6,6	13,3	3,1
В целом по МГЛУ	2013	46,3	18,8	6,8	22,0	6,1
	2014	47,8	19,2	11,1	18,7	3,3
	2015	50,9	23,1	10,3	12,6	3,1

Выявленная тенденция требует специального исследования, но можно предположить либо снижение количества школьников с углубленной лингвистической подготовкой, либо их

переориентацию на специальности лингвистического профиля в других вузах. Возможно, в будущем это может сказаться на качественном составе абитуриентов, ориентированных на специальности лингвистического профиля, – снижение их уровня владения иностранными языками, что потребует внесения коррективов в учебный процесс.

Характерной особенностью на протяжении всего периода наблюдений является тот факт, что реальную возможность поступления в МГЛУ ежегодно имеют только 50–58 % потенциальных абитуриентов (оканчивающие школы в год проведения опроса), остальные от 42 до 50 % – учащиеся 8–10 классов. В определенной степени это свидетельствует о долговременной ориентации части потенциальных абитуриентов на наш университет, осмысленном выборе ими конкретной специальности (направления подготовки)¹. Об этом также свидетельствует и тот факт, что 18 % респондентов подтвердили, что уже посещали Дни открытых дверей, проводившиеся в МГЛУ в предыдущие годы. В основном это учащиеся старших классов с родителями, которые начали посещать подобные мероприятия за 1–3 года до окончания общеобразовательного учреждения. Так среди участников информационных мероприятий 2015 г. уже посещали МГЛУ в прежние годы – 18,5 %, в том числе в 2014 г. – 10 % (отсюда критические высказывания типа: «У вас все также, как и в прошлые годы, ничего нового» и т. п.).

Ежегодно при опросе респондентов просят указать номер среднего образовательного учреждения, в котором они обучаются, те, кто соглашаются ответить на этот вопрос, называют от 250 до 400 учебных заведений (см. табл. 9).

---

¹ Эти данные позволяют говорить о том, что определенная часть потенциальных абитуриентов, серьезно относится к выбору вуза и специальности (направления подготовки). И с целью принятия наиболее правильного для себя решения, пытаются заблаговременно собирать необходимую информацию. Скорее всего, эти люди посетят и другие аналогичные по возможностям (специальностям обучения, престижу и т. п.) вузы. Не исключено, что для такой категории именно качество проведения дней открытых дверей может сыграть решающую роль при принятии окончательного решения, учитывая уровень удовлетворения их ожиданий от посещения вуза и получения всей необходимой информации.

Кроме того, каждый год по 1–2 абитуриента указывают следующие учебные заведения общего среднего образования: ГБОУ СОШ, ЦО, Гимназии и Лицеи № 126, 171, 654, 771, 1106, 1206, 1212, 1223, 1225, 1231, 1234, 1242, 1260, 1262, 1264, 1266, 1268, 1273, 1286, 1310, 1359, 1414, 1439, 1471, 1502, 1506, 1508, 1516, 1521, 1532, 1546, 1553, 1568, 1573, 1575, 1584, 1587, 1599, 1666, 1799, 1874, 2006, 2017 и др.

Таблица 9

**Динамика распределения потенциальных абитуриентов
по средним образовательным учреждениям
(наиболее часто встречающиеся в 2014–2015 гг.) в %**

Наименование учебного заведения	2014	2015
ГБОУ Лингвистический лицей №1555 (ЦАО)	15	15
ГБОУ СОШ №1267 (ЮЗАО) с углубленным изучением французского языка	6	4
ГБОУ СОШ №1307 (ЗАО) с углубленным изучением информатики и английского языка	5	3
ГБОУ ЦО №548 «Царицыно»	4	4
ГБОУ СОШ №1935 (ЮВАО) с углубленным изучением английского языка	4	2
ГБОУ СОШ №1944 (СЗАО) с углубленным изучением английского языка	4	2
ГБОУ Лингвистический лицей №1535 (ЦАО)	3	4
ГБОУ СОШ №1592	3	3
ГБОУ СОШ №1246	3	2
ГБОУ СОШ №1370	3	2

Очевидно, что целенаправленная и регулярная работа со школами, гимназиями и лицеями позволит в будущем сформировать устойчивый контингент абитуриентов, ориентирующихся на обучение в МГЛУ.

Среди участников проведенных мероприятий было выявлено очень незначительное количество посетителей, принявших участие в информационных мероприятиях на разных факультетах (институтах). Так в 2015 г. среди участников дня открытых дверей в ИМО

и СПН (19 апреля) и ИПЭ и УИ (26 апреля) прежние мероприятия посещали не более 5 % респондентов.

Чаще всего переключались потенциальные абитуриенты ИМО и СПН и ИПЭ и УИ, что может свидетельствовать либо о *специализации целевых аудиторий каждого факультета* (группы факультетов), либо о недостаточной осведомленности посетителей относительно подобных мероприятий на других факультетах.

Что касается *профессионального самоопределения посетителей*, то примерно половина респондентов в ходе дня открытых дверей уже определилась с конкретной специальностью (специальностями, направлениями подготовки), на которую собираются поступать. Больше всего *определившихся* было на направлениях *подготовки лингвистического профиля*. Среди других специальностей (направлений подготовки) традиционно наибольшей популярностью пользуются: международные отношения, реклама и связи с общественностью, гостиничное дело и зарубежное регионоведение, что в целом отражает конкурсную ситуацию, ежегодно складывающуюся в период проведения приемных компаний в МГЛУ (см. табл. 10).

Таблица 10

Характер выбора потенциальными абитуриентами конкретных специальностей (направлений подготовки) в ходе проведения дней открытых дверей в МГЛУ

Специальность (направление подготовки)	Кол-во (чел.)		
	2013	2014	2015
Перевод и переводоведение	231	271	408
Лингвистика	84	199	202
Международные отношения	85	94	107
Реклама и связи с общественностью	92	67	102
Лингвистическое обеспечение военной деятельности (спец.)	–	–	94
Гостиничное дело	42	49	58
Юриспруденция	35	44	58
Теоретическая и прикладная лингвистика	–	–	57
Зарубежное регионоведение	37	47	52
Экономика	28	49	47

Социология	33	50	36
Журналистика	35	12	28
Культурология	30	39	27
Международный менеджмент	11	50	26
Политология	21	27	21
Информационная безопасность	6	17	16
Правовое обеспечение национальной безопасности	5	6	16
Психология	24	9	11
Другое	17	11	6
Психолого-педагогическое образование	2	9	5
Библиотечно-информационная деятельность	2	2	4
Теология	9	4	3
Документоведение и архивоведение	1	2	3

Примечание: в разделе «другое» специальность (направление подготовки) респондентами либо не конкретизировалась, либо называлась группа специальностей (лингвистические, гуманитарные, экономические и т. п.).

Итак, при подведении итогов ежегодного мониторинга нами были определены тенденции в формировании аудитории типичных абитуриентов МГЛУ и их поведении.

1. Социально-демографический состав потенциальных абитуриентов отражает характерные особенности студентов обучающихся в МГЛУ (преимущественно девушки из Москвы и Московской области, окончившие обычные общеобразовательные школы и частично – общеобразовательные учреждения с лингвистическим уклоном).

2. Значительная часть посетителей – потенциальных абитуриентов подходит к выбору вуза основательно и заблаговременно, знакомясь с условиями приема и обучения в нескольких профильных вузах параллельно, и часто – за 2–3 года до поступления. Сравнивая организацию дней открытых дверей с другими вузами, такие абитуриенты отдают предпочтение в позитивных оценках МГЛУ.

3. В процессе профессионального самоопределения важную роль играет ближайшее окружение потенциальных абитуриентов.

Близкие родственники, друзья и знакомые не только совместно с будущим абитуриентом посещают дни открытых дверей, но и оказывают ключевое влияние на его выбор вуза и специальности.

4. Желание поступать именно в МГЛУ у большинства опрошенных сформировалось по рекомендации и советам не только родственников, знакомых, но и учителей, студентов и выпускников МГЛУ, т.е. основным проводником продвижения бренда МГЛУ выступают люди, каким-либо образом связанные с университетом и позитивно оценивающие его деятельность.

5. Главным источником получения информации о МГЛУ для большинства будущих абитуриентов выступает Интернет (официальный сайт университета и другие ресурсы Сети), в связи с чем представляется целесообразным дальнейшая работа по оптимизации его функциональной структуры повышению информационной насыщенности.

6. Подавляющее большинство посетителей демонстрировали удовлетворение, как организацией дней открытых дверей, так и их информационной насыщенностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
2. *Мордовская А. В.* Теория и практика жизненного и профессионального самоопределения старшеклассников. – М.: Академия, 2000. – 176 с.
3. *Станевич А. Ю.* Политические настроения студентов вузов Москвы: социологический анализ // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 183–192. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические науки. Политические науки).
4. *Ткаченко В.В.* Формирование профессионального самоопределения учащихся в условиях профориентационной работы // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 429–432.

УДК 008:1

Л. А. Печищева

кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: HYPERLINK «mailto:lusya-85@inbox.ru» lusya-85@inbox.ru

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И НЕПАЛОМ НА РУБЕЖЕ XX–XXI веков

В статье анализируется развитие гуманитарного сотрудничества между Германией и Непалом на рубеже XX–XXI вв. Несмотря на различие в культуре, языке и традициях, Германия и Непал имеют давние тесные и дружественные отношения. Особый вклад в развитие немецких культурных, образовательных и языковых программ в Непале привнесли такие организации ФРГ, как Гёте-институт, Германская служба академических обменов (ДААД), Служба образовательных обменов (ПАД), Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ) GmbH.

Ключевые слова: Германия; Непал; гуманитарное сотрудничество; Гёте-институт; Германская служба академических обменов (ДААД); Служба образовательных обменов (ПАД); Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ) GmbH.

Pechishcheva L. A.

Dr., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Studies, MSLU;
e-mail: HYPERLINK «mailto:lusya-85@inbox.ru» lusya-85@inbox.ru

HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN GERMANY AND NEPAL AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

In this article the author analyzes the development of the humanitarian relations between Germany and Nepal at the turn of the 20th and 21st centuries. In spite of difference in culture, language and traditions Germany and Nepal have long-lasting close and cordial relations. The significant contribution in Nepalese cultural, educational and linguistic programmes is made by German organizations such as DAAD, Goete-Institutes, PAD, GIZ.

Key words: Germany; Nepal; humanitarian cooperation; Goete-Institutes; DAAD; PAD; GIZ.

В 1958 г. Германия и Непал установили дипломатические отношения. С этого момента двустороннее сотрудничество между Германией и Непалом по-прежнему остается дружественным

и стабильным. Однако затянувшаяся на десять лет гражданская война в Непале (1996–2006) затруднила двусторонние отношения и ввергла страну в глубокий кризис. После окончания гражданской войны в Непале в 2006 г. правительство ФРГ оказало государственную помощь, а также поддержало процесс демократизации и экономической стабилизации. В марте 2009 г. экс-министр иностранных дел Непала господин Р. Б. Ядав посетил Германию для двусторонних переговоров. В 2011 г. члены немецкого Бундестага посетили Непал, встретившись с членами Учредительного собрания и непальским правительством, а также с представителями непальских правозащитных организаций и международных организаций, где была затронута проблема прав и свобод человека и построения демократического общества. В 2012 г. Германию посетили непальские политики и министры для участия в переговорах с немецкими партнерами относительно дальнейшего развития торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между государствами [4].

Культурное соглашение между Непалом и Германией было подписано в 1992 г. В течение многих лет Министерство иностранных дел ФРГ финансирует проекты по восстановлению объектов, имеющих культурное или религиозное значение в Непале, а также в бывших королевских городах Патан и Бхактапур в долине Катманду. Немецкие археологи провели важные научные исследования по результатам этих раскопок.

Германия уже не одно десятилетие финансирует и поддерживает различные культурные и археологические проекты в Непале. Необходимо также упомянуть «Конструкторский проект развития Бхактапура» («Bhaktapur Development Project»), в рамках которого с 1974–1986 гг. реставрировались, а также были проведены строительные и ремонтные работы примерно 180 исторических зданий в бывшем королевском городе Бхактапур в долине Катманду. Кроме того, Германское общество по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH) финансировало долгосрочный план реконструкции Сваямбунатх (Swayambhunath), буддийский храмовый комплекс, расположенный в Катманду, его иногда называют «Обезьяньим храмом»: производилось обновление технической инфраструктуры на холме Сваямбунатх, который является частью всемирного культурного наследия.

Непальский национальный музей в Катманду был основан в 1928 г., он располагается в бывшей казарме, построенной в 1819 г. Это самый большой старейший музей Непала, в котором выставлены артефакты непальской истории, портреты бывших властителей и предметы культуры и искусства страны. В связи с тем, что зданию уже много лет, а также из-за тропического климата музей столкнулся с проблемой термитов, которые стали уничтожать культурные экспонаты – достояние Непала. Осенью 2004 г. посольство ФРГ выделило музею субсидии для борьбы с вредителями. После согласования с министерствами иностранных дел ФРГ и Непала весной 2005 г. музей получил субсидию в размере 17,7 тыс. евро для борьбы с термитами, а также на ремонт музея [6]. В январе 2006 г. работы в музее были завершены.

В 1990-е гг. около 20 исторических сооружений было восстановлено в рамках «Программы по сохранению и развитию Патана» («Patan Conservation and Development Programme»). В реконструированных исторических зданиях в Бхактапуре снова расположен музыкальный факультет Университета Катманду. Одним из последних проектов стала реставрация гидроархитектурных шедевров XVII в. (the Tusha Hiti and the Bhandarkhal Tank), а также королевского дворца в городе Лалитпуре. Также следует сказать о совместном германо-непальском проекте – реставрации маленького внутреннего двора монастыря (Chhusya Bahal), построенного в невар-буддистском стиле и расположенного в центре Катманду [2].

Культура и язык способны объединять людей, помогая лучше понять традиции и историю страны. Среди молодых непальцев, которые все больше заинтересованы в учебе в Германии, очень популярны курсы немецкого языка. Гёте-центр в Катманду предлагает курсы немецкого языка как иностранного. Кроме того, немецкий язык много лет преподают в Университете Трибхуван в Катманду, начиная с 2010 г. в качестве второго иностранного языка немецкий можно изучать в двух школах в Катманду: при поддержке МИД ФРГ была создана программа «Школы: партнеры на будущее» («Schools: Partners for the Future», PASCH). В настоящее время в общей сложности более 1 тыс. молодых непальцев изучают немецкий язык, их число с каждым годом возрастает [3]. Гете-центр в Катманду предлагает не только курсы немецкого языка, он также знакомит с культурой и традициями Германии. Немецкая вещательная компания

«Немецкая волна» («Deutsche Welle») сотрудничает с несколькими непальскими радио- и телестанциями, а также с непальскими журналистами, которых немецкие коллеги и организации регулярно приглашают в Германию для дальнейшего обучения.

Непал является приоритетной страной Германского исследовательского фонда (DFG) с более чем 40 научно-исследовательскими проектами, в том числе крупным проектом в университете Гамбурга: был составлен каталог, куда вошло около 180 тыс. непальских рукописей (тибетских и неварских) [7], которые при поддержке немецкой стороны с 1970–2002 гг. микрофильмовали. Хайделбергский университет института Южной Азии имеет собственный офис в Непале [5]. Германская служба академических обменов (DAAD) регулярно выплачивает стипендии, в частности финансируются программы последипломного образования, которые для развивающихся стран имеют особое значение. Студентами, вернувшимися из Германии в Непал, созданы организации бывших выпускников.

Германо-непальское гуманитарное сотрудничество развивается в позитивном ключе. Непалу, столкнувшемуся с рядом проблем после завершения гражданской войны, в значительной степени помогает Германия как в финансовом, так и в научно-техническом отношении. Ученые, археологи и сотрудники различных немецких культурных и гуманитарных организаций поддерживают Непал в развитии науки, образования, культуры, туризма. Правительство ФРГ и немецкие компании, а также неправительственные организации разрабатывают и субсидируют совместные германо-непальские проекты по поддержанию мира и стабильности, развитию гражданского общества и защите прав человека, социально-экономические программы, студенческие и профессорско-преподавательские обмены, реставрационные работы по сохранению памятников архитектуры и т. д. «Частью общепринятых норм мирового сообщества становятся культура, цивилизационные ценности. Страна получает доступ к мировым информационным ресурсам, посредством которых появляется возможность формировать общественное мнение в пользу продвижения собственных национальных интересов. Растет доверие к стране, повышается авторитет в международном общественном мнении, усиливается ее привлекательность во многих ключевых сферах жизнедеятельности, что благоприятно отражается на экономике и безопасности страны» [1, с. 192]. Поэтому Германия,

ежегодно выделяя значительные средства на продвижение немецкого языка и культуры, стремится, с одной стороны, развивать дружественные отношения с Непалом, а с другой – упрочить свои позиции в Южно-Азиатском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шеринев И.Л.* Особенности становления и развития общественной дипломатии в современной России // *Международные отношения. Страноведение* – М.: МГЛУ, 2011. – С. 191–197. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 2 (608). Сер. Исторические науки).
2. *Bilaterale Kulturbeziehungen.* – URL: http://www.kathmandu.diplo.de/Vertretung/kathmandu/de/06/Bilaterale__Kulturbeziehungen/Bilaterale__Kulturbeziehungen.html
3. *Cultural preservation and exchange.* – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/Nepal_node.html
4. *Nepal. Economic relations.* – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Laender/Nepal.html>
5. *Scientific and academic exchange.* – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/Nepal_node.html
6. *Termitenbekämpfung im Nepalesischen Nationalmuseum.* . – URL: http://www.kathmandu.diplo.de/Vertretung/kathmandu/de/06/Bilaterale__Kulturbeziehungen/seite__termitenbek_C3_A4mpfung.html
7. *The Nepalese-German Manuscript Cataloguing Project.* – URL: http://www.uni-hamburg.de/ngmcp/index_e.html

УДК 316.62

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: vprim2007@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

В статье анализируются основные эндогенные и экзогенные социальные источники и условия возникновения и распространения молодежного экстремизма в России. На основе анализа эмпирических данных формулируются основные тенденции распространения этого явления, прогнозируются виды и формы экстремистских проявлений. В статье обосновываются, систематизируются и исследуются основные факторы, способствующие усилению распространения молодежного экстремизма в РФ.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; источники и условия возникновения молодежного экстремизма в России; тенденции распространения экстремизма в молодежной среде; прогнозируемые виды и формы экстремистских проявлений; факторы усиления распространения молодежного экстремизма в РФ.

Primakov V. L.

Ph. D. in Sociology, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology of Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: vprim2007@yandex.ru

SOCIAL SOURCES OF EMERGENCE AND TENDENCIES OF SPREAD OF YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA

In this article the main exogenous and endogenous social sources and conditions of emergence and spread of youth extremism in Russia are analyzed. On the basis of analysis of empirical data the author picks on the main tendencies of extremism spread among young people and predicts types and forms of extremism manifestations. Also the article includes arguing, systematizing and analyzing of the key factors stimulating growth of youth extremism in the Russian Federation.

Key words: youth extremism; sources and conditions of emergence of youth extremism in Russia; tendencies of extremism spread among young people; predicted types and forms of extremism manifestations; factors of growth of youth extremism in the Russian Federation.

Проблемы экстремизма, его возникновения и распространения, без сомнения, сегодня одни из самых актуальных в современном

российском обществе. Этот вывод подтверждает и официальная статистика. Согласно данным статистики Верховного суда, в России наблюдается рост преступлений экстремистской направленности. В 2013 г. российские суды рассмотрели 402 уголовных дела этой категории – почти в два раза больше, чем в 2012 г. [1].

Особенно ярко эти проблемы проявляются в среде молодежи. Достаточно заметить, что в России, по опросам экспертов, на сегодня действует более 300 молодежных группировок, в идеологии либо поведенческой практике которых можно обнаружить экстремистское содержание [3]. В 2006 г. МВД РФ их насчитывало около 150. Эти группировки существуют во всех крупных городах страны и становятся все более многочисленными, организованными, политизированными и экстремистки настроенными.

Проблемы экстремизма и молодежного экстремизма, в частности, во всех своих проявлениях оцениваются обществом и государством в качестве основных внутренних угроз безопасности Российской Федерации, поскольку ведут к значительным как социальным, так и политическим, духовным, экономическим последствиям [9]. Ибо дискриминация, ксенофобия, национализм, социальная (межнациональная, межрелигиозная и иная) напряженность, нетерпимость и ненависть, терроризм и другие отклонения в социальной своей основе формируются именно на экстремистской почве. Эти взаимосвязи в последние годы достаточно часто фиксируются и являются предметом глубокого исследования на страницах многих изданий, в частности в научных монографиях и статьях, изданных в МГЛУ [4–8; 10]. Анализу этого феномена посвящены выводы и результаты научно-исследовательской работы «Проведение исследований опыта по этнокультурному развитию и профилактике экстремизма в молодежной среде», осуществленной коллективом кафедры социологии МГЛУ по заказу Министерства образования и науки РФ в 2014 г.

Однако понимание опасности явления, как и поиск предупредительных мер должен опираться на осознание источников и условий возникновения этого социального явления. Без их понимания сложно определить даже основные пути профилактики молодежного экстремизма, а не только конкретные приемы и способы. Ибо, видя корень проблемы, например, только в индивидуальных, групповых или психолого-педагогических причинах сложно оценить необходимость и значимость институциональных общественных мер.

Равно как, сосредотачивая внимание только на внешних социальных условиях, невозможно выработать действенные меры, учитывающие психологические особенности самой молодежи.

Синтезируя экспертные оценки, выводы ученых и практиков можно выделить две группы таких источников (условий) возникновения и распространения молодежного экстремизма: эндогенные, связанные с внутренними личностными, социально-психологическими особенностями развития молодежи как субъекта экстремистских проявлений, и экзогенные, определяемые внешними по отношению к молодежи условиями (источниками).

К эндогенным можно отнести следующие:

- условно называемые физиологические источники, обусловленные физической и сексуальной активностью подростков и молодежи, незнанием и неспособностью реализовать ее в доступном, социально одобряемом виде и формах, неспособностью контролировать свои стремления и желания;

- психологические источники, связанные прежде всего с поиском психологической безопасности (например «реакция группирования», изоляционизм и др.), с привязанностью. Подобные причины порождают нередко высокую степень зависимости, некритичность в восприятии людей. С другой стороны, психологические особенности взросления ребенка, подростка, юноши связаны с несоответствием уровня притязаний реальным возможностям, отсутствием навыков удовлетворения своих все развивающихся и возрастающих потребностей. Все это наслаивается на объективный рост активности в преодолении препятствий, что порождает «поиск пределов допустимого»;

- социально-психологические источники опосредованы особенностями юношеского внутри- и межгруппового взаимодействия. Познавая окружающий социум, дети, подростки, юноши активно расширяют (при этом далеко не всегда осознанно и критично) круги социального взаимодействия, формируют социальные отношения. В силу возрастных особенностей подростки и молодежь порою «слепо» доверяют лидерам и авторитетам различных групп. При этом первичной референтной группой на различных этапах взросления остается семья, которая нередко сама порождает либо слабо противостоит экстремистским проявлениям (как следствие авторитарного воспитания, невнимания к ребенку, утверждения искаженной системы норм и ценностей и др.);

- социализационные источники, являющиеся следствием и результатом социализационного процесса и связанные с потребностью в самоопределении, формировании Я-концепции, целеполагании, с поиском личностной и социальной идентичности. Неустойчивость и противоречивость всех этих процессов объективно порождает «кризис идентичности». Несомненно, что кризисы личностной идентификации в тоже время и в большой степени есть отражение социальных кризисов развития общества последних десятилетий. Все это достаточно противоречиво сказывается на личностном формировании молодых людей.

Анализ этих эндогенных источников позволяет обоснованно заключить, что экстремистский тип поведения имманентно присущ подросткам и молодежи, генетически «заложен» в процесс их развития. Объективно формируемые, внутренне стимулируемые и часто неудовлетворенные поиски юности, желание «нести сломя голову» могут реализоваться в различных направлениях: как в азартных личностных состязаниях, спортивных соревнованиях, творческих и иных увлечениях, так и в различных формах асоциальной пассивности и активности, деструктивного поведения.

Однако экстремальность как свойство подростков и молодежи, может проявляться по-разному как на индивидуальном, так и групповом уровне в различных социальных условиях. Речь в данном контексте идет об экзогенных (внешних) по отношению к молодежи условиях и обстоятельствах, формируемых на общественном институциональном уровне. Среди подобных условий (источников) мы выделяем следующие:

- социально-экономические условия. Эти условия создает имущественное, доходно-расходное неравенство различных групп населения, которое порождает неудовлетворенность жизнью людей, имеющих низкий материальный достаток. Особенно остро это неравенство воспринимает молодежь, причем далеко не всегда с глубоким и ясным осознанием причинно-следственных связей и путей изменения собственного статуса. Несогласие, стремление изменить сложившуюся систему неравенства нередко создает объяснительную основу для экстремизма. Как одно из следствий – рост экстремальности в различных формах трудового нигилизма. Еще одним остро воспринимаемым молодежью противоречием выступает сложившаяся миграционная обстановка, порождающая антииммиграционные настроения. Эти настроения (осознанные,

неосознанные, как и искусственно подогреваемые извне) нередко подталкивают молодых людей к агрессивным действиям;

- социально-политические условия. Содержание этих условий и обстоятельств связано с отчуждением подавляющей части молодежи от участия в реальной государственной политике, в управлении общественными процессами. Многие из острых общественных проблем не решаются десятилетиями (например коррупция, социальное неравенство), что снижает авторитет государственных политических институтов. Молодые люди ищут виноватых в сложившейся ситуации, в качестве которых нередко находят людей другой национальности, вероисповедания, культуры, страны, вообще любой социальной группы;

- гражданско-правовые условия. Эти условия порождаются многими обстоятельствами. Во-первых, сама молодежь плохо представляет суть и содержание гражданства. Это порождает острое противоречие между сложившимися в сознании молодежи представлениями о гражданстве, с одной стороны, и обязанностями и возможностями их воплощения в жизни – с другой. Все это обуславливает разные модели по сути экстремистского поведения, среди которых можно выделить в качестве примера две доминирующие. Первая – рекрутирует экстремистски настроенных молодых людей националистической и национал-патриотической ориентации, сторонников сильного государства и авторитарной, но справедливой власти. Вторая – объединяет молодежь под влияем либерально-демократических ценностей, ожиданий правового государства, прав и гарантий без обязанностей. Такой гражданский нигилизм порождает отчуждение, «внутреннюю эмиграцию», желание «уехать на Запад», пополнить ряды радикальных правозащитников и протестных движений. Во-вторых, данные причины связаны с недостаточно эффективной законодательной, правоохранительной и правоприменительной деятельностью по обеспечению безопасности, конституционного строя, борьбе с экстремизмом;

- образовательно-воспитательные условия. Эти условия формируются различными институциональными структурами, но главными остаются семья и институт образования. О кризисе семьи сегодня говорят и пишут практически все. Одна из составляющих этого кризиса – проблема воспитания детей. А если глубже – объективные трудности передачи культурных норм и представлений от одного поколения к другому. «Ошибки» в данных условиях делают не только

дети (упрямство, грубость, развязность, непослушание, несоблюдение норм и пр.), но и их родители (асоциальные примеры, невнимание, занятость, агрессивность, авторитаризм, чрезмерная опека и др.). Не меньше проблем и в сфере образования, которые выступают нередко прямыми причинами экстремистских форм поведения. Это и сохраняющееся неравенство возможностей различных групп молодежи; и невозможность самореализации посредством образования при декларации важности образовательного статуса; и невостребованность дипломированных специалистов в определенных областях и многое другое. Как следствие, выбор образовательных стратегий и практик нередко принимает экстремальный характер: конфликты между преподавателями, учащимися и их родителями, нежелание учиться, ориентация на престижность вуза, получение диплома, желание любой ценой получить желаемый результат аттестации (баллов ЕГЭ, экзаменов) и др.;

- духовно-нравственные условия. К самым общим таким условиям, следует отнести следующие: серьезные изменения в ценностных ориентациях, распад прежних морально-этических устоев, обособление групповых интересов, индивидуализм, духовная искаленность массовой культурой и пр. Ценностная деформация, например, серьезно нивелирует значимость мультикультурализма, единения всех народов, проживающих на территории России, толерантности в отношениях с другими этносами, конфессиями, иными социальными группами. Или еще один пример. В условиях социокультурной глобализации основной доминантой, особенно для молодежи, становятся культ потребления, внешние формы, имидж. А самоопределение смещается в сферы свободного времени, досуга (в этой сфере легко нивелируются социально-статусные ограничения молодежи). Однако духовная нищета приводит к досуговой пустоте, где основное содержание связывается с самовыражением, демонстрацией, приверженностью субкультурной группе. Большой вклад в развитие предпосылок экстремизма и ксенофобии подростков и молодежи оказывает так называемая массовая культура, а также бесконтрольная доступность широкого информационного контента, СМИ, интернет-ресурсов. Нередко именно среди этого информационного ресурса молодые люди находят примеры культа потребления, денег, грубой физической силы, вседозволенности и т. п., а нередко и конкретную пропаганду и инструкции для организации и осуществления экстремистских и террористических действий.

Рассмотренные экзогенные условия носят институциональный характер, так как связаны с дисфункцией основных социальных институтов общества. В самом общем виде эти институциональные условия (источники) снижают, а порою и полностью нивелируют действия механизмов социальной регуляции молодежи. Другими словами, экстремальные проявления есть реакция молодежи, причем во многом объективная, на слабую действенность регуляционных механизмов общества, длительное время находящегося в условиях трансформации. Физиологическая, психическая и социальная незрелость, объективные социальные противоречия и проблемы порождают у молодых людей неуверенность, страх, низкие самооценки, тревоги, фобии и безразличия, которые редуцируются в различные формы экстремальной активности (от социальной апатии до преступного поведения), экстремистские взгляды и установки. Эти выводы подтверждают данные многих социологических исследований (см. рис. 1) [2]. Отметим, что практически все сформулированные экспертами причины обусловлены влиянием экзогенных условий и только дважды в качестве причин назывались «личностные девиантные черты» (34%) и «естественные особенности молодежного возраста» (17%).

Основные причины связаны, по мнению экспертов, в основном с проблемами и последствиями дисфункционирования государственных и общественных институтов: «государство плохо контролирует миграцию», «семья плохо воспитывает», «СМИ плохо влияют» и т. п. В целом показательно, что эксперты (люди, призванные профессионально и глубоко заниматься противостоянием экстремизму) формулируют причины на уровне «здорового смысла», без анализа глубинных причин. Однако можно согласиться с экспертами в том, что причины экстремистского поведения многогранны и их нельзя свести к одному-двум факторам. Все эти причины и факторы создают условия производства и воспроизводства экстремальности в различных формах ее проявления. Причем, на подростков и молодежь эти условия действуют особым дестабилизирующим образом. Ибо экстремизм среди молодежи – есть прежде всего реакция на дисфункциональность различных социальных институтов, призванных регулировать социальные взаимоотношения в разных сферах жизнедеятельности, – семья, экономика, политика, образование, труд, досуг и др.

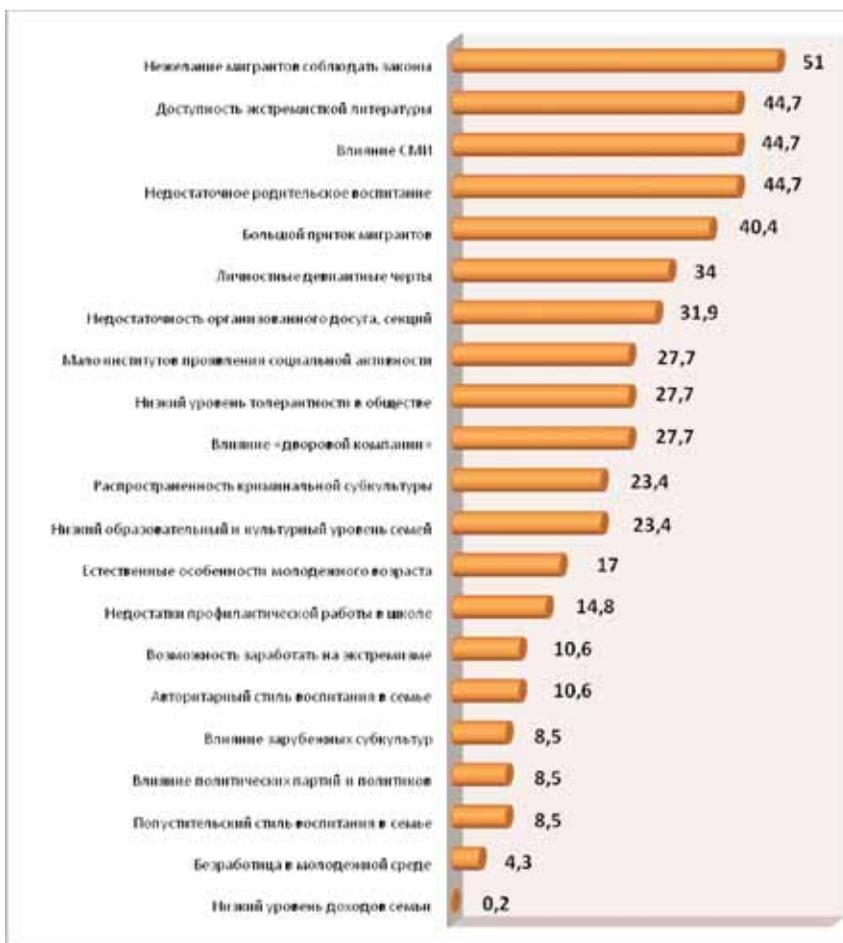

Рис. 1. Оценка экспертами причин экстремистского поведения молодежи (в % от числа ответивших на открытый вопрос)

Важная составляющая профилактической работы связана с пониманием основных тенденций распространения экстремизма в молодежной среде. Поскольку тенденции определяют содержание и направленность изменения источников и условий экстремизма, степень и глубину социальной опасности распространения экстремистских проявлений.

Во-первых, практически все эксперты, опрошенные нами в рамках проведенного на кафедре социологии исследования,

акцентировали внимание на том, что опасность распространения экстремизма существенно возрастает в нынешних условиях. По мнению экспертов, «пик молодежных экстремистских проявлений в стране далеко еще не пройден», а «формы проявления будут существенно меняться и расширяться». Более 94 % опрошенных экспертов согласились в той или иной степени с выводом о том, что «в современной России существует угроза распространения экстремизма среди молодежи». Даже в оценках подростков и молодежи опасность экстремизма достаточно высока. Почти 63 % опрошенных молодых людей видят и оценивают такую угрозу в той или иной степени.

Во-вторых, динамика распространения различных видов и форм экстремизма в молодежной среде очень дифференцирована. Так, например, по мнению экспертов, наибольшее распространение будут иметь экстремистские действия (в упорядоченном списке), связанные:

а) с массовым проявлением межнациональной и межрелигиозной нетерпимости, протеста (драки, избиение иностранцев, митинги протеста, убийства на национальной почве, распространение националистической информации и пр.);

б) со столкновениями фанатов, прежде всего футбольных (коллективные драки, оскорбительные действия и пр.);

в) с политическими выступлениями отдельных групп в формах различного протеста (национал-патриотические марши, массовые беспорядки, демонстрации, создание боевых отрядов и дружин, выступления против политики отдельных государств, в том числе и российской официальной политики, против отдельных государственных структур; различные неагрессивные формы, флэш-мобы и др. как реакция, в том числе на изоляционистскую политику некоторых государств в отношении России);

г) с агрессивно-протестными культурно-идеологическими инсталляциями (по типу «Пусси Райт» и иных деятелей «актуального искусства»), направленными на демонстрацию протеста с существующей традиционной духовно-нравственной основой общества, продвижением «западных духовных ценностей»;

д) с массовым проявлениями социальной нетерпимости, в ситуации снижения жизненного уровня значительной части населения (в период санкций, «бегства капитала» и др.);

е) с участием значительной части мусульмано-ориентированной молодежи в незаконных и экстремистки настроенных течениях, движениях, объединениях. Такие движения являются основой для формирования незаконных террористических объединений как в стране, так и за рубежом;

ж) с бытовым проявлением социальной, межгрупповой и личностной нетерпимости, экстремизма (от активных форм до пассивных: игромания, «уход из семьи», увлечение нетрадиционными религиями, культурными течениями, сектами, виртуальным взаимодействием, «нежелание учиться», желанием уехать за рубеж и пр.) и др.

Анализ мнений и суждений подростков и молодежи о возможных формах проявления экстремизма показывает некоторые отличия в структуре сгруппированных данных от экспертных оценок, однако убеждает в проективной угрозе наиболее опасного вида проявлений экстремизма – национально-религиозного (рис. 2).

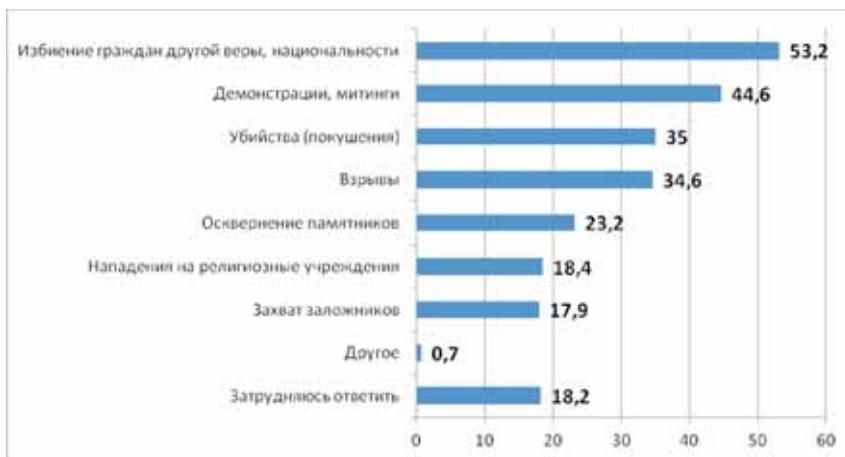

Рис. 2. Мнения молодежи о возможных формах экстремистских проявлений (сумма больше 100%, так как предполагалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Угрозу конфликтов на этноконфессиональной почве отмечают более 53% молодых людей. Что совпадает по приоритету распространенности с оценками экспертов. Показательно, что опасность этих форм еще более усиливается в оценках молодежи угрозы «нападения на религиозные учреждения» (18,4%). В логике экспертов

и приоритетность различных демонстраций, митингов (44,6%). Эксперты лишь уточняют содержание подобных выступлений. При этом молодежь значительно конкретнее экспертов в отношении угрозы взрывов (34,6%), убийств и покушений на них (53%). И, как показывает анализ ответов молодых людей, во всех этих проявлениях повинны конкретные группы и организации (наиболее часто встречающиеся ответы на открытый вопрос: «Кто может являться основным инициатором экстремистских выступлений и акций?» – «люди другой национальности и веры, мигранты» – 18,6%, «радикалы, экстремисты» – 15,0%, «политическое руководство страны» – 13,2%, «националисты» – 10,9%).

В-третьих, возможное распространение экстремистских проявлений в подростково-молодежной среде эксперты связывают с системным действием ряда факторов. Отчасти эти факторы повторяют содержание ранее проанализированных причин и условий молодежного экстремизма. Здесь сосредоточим внимание на тех, которые способствуют именно негативной динамике распространения экстремизма в молодежной среде. К ним на основе опроса экспертов (открытый вопрос) можно отнести следующие факторы (см. табл. 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что основное негативное катализирующее влияние на распространение экстремизма в молодежной среде оказывают так называемые внешние факторы. Эксперты полагают, что существующие условия активно используются для расширения экстремизма за счет целенаправленной информационно-пропагандистской деятельности.

При этом следует отметить, что первые два фактора, отмеченные экспертами отдельно, на самом деле в своем экстремогенном влиянии взаимосвязаны и усиливают друг друга. Ибо экстремистская пропаганда по объему контента, формам и способам вовлечения уже давно освоила интернет-пространство. Виртуальное пространство позволяет экстремистам оставаться анонимными, а технические особенности – оперативно перезапускать закрытые площадки. По наблюдениям специалистов «экстремисты отошли от силовых акций и теперь пропагандируют свои идеи и вербуют новых сторонников через социальные сети... Основной прирост преступлений экстремистской направленности связан с тем, что их стали активно выявлять в Интернете: в 2014 г. из Сети удалено свыше

500 экстремистских материалов, 406 интернет-ресурсов с экстремистскими материалами закрыты» [1].

Таблица 1

Основные факторы, способствующие усилению распространения экстремизма в молодежной среде

Основные факторы	Краткая характеристика влияния на тенденции роста экстремизма по мнению экспертов	%
Целенаправленная деятельность экстремистки настроенных организаций	Существует немалое количество организаций и даже государств, заинтересованных в радикально-экстремистской дезориентации российской молодежи	52,7
Информационно-пропагандистский	Информационная открытость, бесконтрольность использования Интернета, виртуальная увлеченность подростков и молодежи и пр. – все это активно используется в массовой пропаганде идей экстремизма, ксенофобии, национализма и пр.	45,4
Этноконфессиональная нетерпимость, национализм и религиозный фанатизм	Этнические и конфессиональные различия активно подогреваются и используются для разжигания национальной ненависти, национализм активно срывается с «исламским фактором». Мультикультурализм, толерантность все еще далекие для нашего общества и молодежи ценности	42,8
Образовательно-воспитательный	Семья и школа как основные субъекты социализации, образования и воспитания не могут эффективно противостоять экстремизму. Более того, нередко именно в семье и школе подросток получает первые уроки экстремизма и ксенофобии	42,3
Миграционный	Огромное количество мигрантов размывает сложившееся ценностно-нормативное единство общества, а неконтролируемая миграция создает питательную среду для экстремистских проявлений	40,4

Социальное расслоение	Основная масса членов экстремистских объединений рекрутируется из социально неблагополучных слоев населения. Низкий уровень доходов, социальное расслоение, ощущение социальной несправедливости и др.	26,5
Духовно-идеологический	В обществе нет скрепляющего духовного стержня. Духовно-нравственная нищета молодежи, отсутствие социальной солидарности толкает ее на крайние формы выражения своей сущности	23,1
Формальная государственная молодежная политика	Системной, комплексной молодежной политики, по сути, нет. Отдельные мероприятия нельзя назвать политикой, да и касаются они незначительной части молодежи	21,7

В целом можно констатировать, что экстремальность и экстремизм (как ее крайняя форма) среди подростков и молодежи во многом физиологически, психологически и социально обусловлены. Экстремальность в таких условиях становится одной из стратегий выживания молодежи в обществе непредсказуемости, социального, экономического, политического, в целом жизненного риска и объективного отсутствия у них компетенций существования в таком социуме. Понимание объективных основ формирования и распространения молодежного экстремизма формирует действенную основу для определения путей по профилактике и предупреждению этого социального явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В России вдвое выросло количество экстремистских преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/26961467/>
2. Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.muh.ru/content/doc/2013/2013_02_Davydov.pdf
3. Криминологические особенности современного российского молодежного экстремизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=735>

4. Михалев Ю. А. Особенности современного терроризма // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М.: МГЛУ, 2012. – С. 186–194. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические науки. Политические науки).
5. Половнев А. В. Дестабилизирующие этноконфессиональные факторы социально-политической ситуации в России // Геополитика. Глобализация. Международные отношения. – М.: МГЛУ, 2011. – С. 139–149. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (631). Сер. Исторические науки. Политические науки).
6. Примаков В. Л. Основные тенденции развития этноконфессиональных отношений в России // Геополитика. Глобализация. Международные отношения. – М.: МГЛУ, 2011. – С. 158–179. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (631). Сер. Исторические науки. Политические науки).
7. Примаков В. Л., Образцов И. В., Маткаримова Г. В. Этноконфессиональная напряженность в Российской Федерации: опыт социологического изучения и анализа: Коллективная монография / под ред. В. Л. Примакова. – М.: МГЛУ, 2014. – 118 с.
8. Саблуков А. В. Профилактика и противодействие терроризму: информационно-коммуникационный аспект // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М.: МГЛУ, 2012. – С. 233–248. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические науки. Политические науки).
9. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
10. Этноконфессиональные факторы укрепления единства России и расширения межкультурного диалога на пространстве СНГ: Коллективная монография. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 192 с.

УДК 327 (675)

Г. М. Сидорова

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: gal_sid@mail.ru

**ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОБСТАНОВКИ
В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО
В КОНТЕКСТЕ АКТИВИЗАЦИИ НЕЗАКОННЫХ
ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ**

В статье рассматривается деятельность вооруженных группировок радикальной оппозиции, террористов и уголовных элементов в восточных провинциях Демократической Республики Конго, приводящая к углублению экономического и политического кризиса в стране и массовому исходу местного населения. Автор приходит к выводу, что одна из причин дестабилизации обстановки в ДРК кроется в отсутствии в стране сильной национальной армии и полиции, способных обеспечить безопасность внутри страны и на ее границах.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго; ДРК; повстанцы; вооруженные столкновения; армия; полиция.

Sidorova G. M.

Head of the Department of Theory and History of International Relations, Candidate of Historical Sciences, MSLU; e-mail: gal_sid@mail.ru

**DESTABILIZATION OF THE SITUATION
IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO IN THE CONTEXT
OF ACTION ARMED GROUPS**

The article tackles the activities of armed groups of radical rebels, terrorists and criminals in Eastern provinces of the Democratic Republic of Congo. Militants continue to terrorize the local population, which results in the deepening of political and economical crisis in this African country and massive exodus of locals. The author concludes that one of the reasons for destabilization is in the lack of a strong national army and police in the DRC, which could ensure security in the country, as well as the safety of its borders.

Key words: Democratic Republic of Congo, rebels, armed conflicts, the Army, the police.

В восточных провинциях ДРК, в первую очередь в Северном и Южном Киву, Восточной и Катанге, продолжают действовать многочисленные незаконные вооруженные формирования (НВФ). По оценкам МООНС ДРК, в 2014 г. их численность колебалась от

30 до 50 объединений. Точную цифру трудно назвать, поскольку многие из группировок не отличаются устойчивостью. Состав, руководство, численность и зона действия группировок нестабильны: периодически происходят их объединения и расколы, а также частичная интеграция в ВС ДРК. На смену распавшимся НВФ приходят новые объединения, которые, в свою очередь, могут дробиться или сливаться с другими формированиями. Такой процесс наблюдается в ДРК уже на протяжении длительного периода. Причем названия НВФ, как правило, броские, имеющие патриотические или революционные оттенки, не имеют ничего общего с их содержанием. Главная цель этих группировок – передел сфер влияния. Выступая перед дипкорпусом в Киншасе по случаю Международного дня мира в сентябре 2012 г., замминистра иностранных дел ДРК Т. Касенде подчеркнул, что деятельность бандитских армий на территории Конго влечет за собой тяжелые последствия и разбалансирует всю социальную структуру. Разрушается школьная инфраструктура, нарушается природный баланс, который характеризуется нарушением экосистемы, страдает флора и фауна. Война подпитывает феномен браконьерства и незаконную вырубку ценных пород деревьев, подвергаются варварскому уничтожению редкие виды животных – слоны, белые носороги и окапи (лесной жираф) в национальных парках Вирунга, Гарамба и Эпулу. К этому добавляется мрачная картина сексуального насилия. Боевики не щадят ни инвалидов, ни детей.

Большое скопление НВФ в восточных регионах страны объясняется прежде всего нелегальной добычей полезных ископаемых, востребованных современной промышленностью, и их продажей западным компаниям. Это редкоземельные металлы, золото, алмазы – практически вся таблица Менделеева. Незаконный промысел стал источником обогащения военных преступников, мафиозных торговцев и их заказчиков.

Эксперт бельгийского центра «Группа по исследованию и информации в области мира и безопасности» (GRIP) Ж. Бергезан предлагает разделить все НВФ на две группы: «иностраннные», поддерживающие сепаратистские настроения в ДРК, и те, которые находятся к ним в оппозиции – разного рода повстанческие движения «Май-май» [5].

Каждое НВФ имеет свое происхождение, историю, а также «сети поддержки». Одни состоят всего лишь из нескольких десятков членов, другие насчитывают тысячи боевиков. Наблюдается

устойчивая тенденция интеграции боевиков в ряды вооруженных сил ДРК. Однако экс-комбатанты, вступив в ряды ВС ДРК, через какой-то промежуток времени могут вновь оказаться в стане полевых командиров. Военное руководство страны пока не в силах обеспечить своим подопечным постоянный заработок, жилье и необходимое социальное обеспечение. Военнослужащие конголезской армии часто вынуждены искать заработок «на стороне», выбирая преступную тропу и пополняя «армию» дезертиров. Они создают свои НВФ и промышленляют на востоке страны, добывая и сбывая незаконным путем минеральное сырье. Для них это пока единственный способ выживания и содержания больших семей.

Например, генерал национальной армии Боско Нтаганда руководил военными операциями на востоке ДРК, а затем дезертировал и создал свое НВФ – «Национальный конгресс защиты народа» (НКЗН). Характерны и другие примеры. Политик Мбуса Ньямвиси, основатель вооруженного НВФ «Движение за освобождение Конго», после занимаемого им высокого поста (2007–2008) министра иностранных дел «ушел на восток» и вновь возглавил там оппозиционное движение «Экуменическая сила за освобождение Конго». В августе 2012 г. полковник Джон Чибангу, занимавший пост начальника генерального штаба 4-го военного округа ВС ДРК в провинции Западное Касаи, и группа лояльных ему бойцов создали военное объединение «Движение за восстановление справедливости избирательных урн».

Можно привести еще десятки других примеров таких «перемен настроений», свойственных некоторым конголезским военным и политикам. Это объясняется хрупкостью политического режима в ДРК, низким социально-экономическим уровнем, массовой безработицей. Особенно это касается молодежи, которой приходится выбирать между правовым полем деятельности и беззаконием. Последнее дает им не только заработок, но и определенный социальный статус.

Среди наиболее крупных НВФ современного периода – «Движение 23 марта» (М23). Именно из-за него с апреля 2012 г. по октябрь 2013 г. на востоке ДРК шла «необъявленная война». Это было связано с решением конголезского правительства об аресте лидера НКЗН Б. Нтаганды, на которого Международный уголовный суд дважды выдавал ордер на арест. Выдвинутый 5 мая 2012 г. правительством ДРК ультиматум НКЗН сложить оружие и прекратить

боевые действия остались без ответа. Более того, значительная часть этого объединения, формально выступая за выполнение всех пунктов соглашения, подписанного правительством 23 марта 2009 г., заявила о создании «Движения 23 марта» и намерении продолжить вооруженную борьбу за свои права.

В октябре 2012 г. М23 объявило о преобразовании своего объединения в «Революционную армию Конго», однако это название не закрепилось за данным НВФ, его по-прежнему именовали не иначе как М23. Попытки Киншасы, а также региональных и международных организаций, включая СБ ООН, Афросоюз, Международную конференцию по миру, безопасности, демократии и устойчивому развитию в районе Великих озер (МКРВО) и другие организации, найти политические развязки кризиса не увенчались успехом.

Спорадические боестолкновения между национальной армией и М23 переросли в устойчивое вооруженное противостояние. С 10 мая 2012 г. ВС ДРК развернули в провинции Северное Киву на территории города Рутшуру полноформатную боевую операцию с применением тяжелого вооружения. В ходе операции впервые были задействованы боевые вертолеты огневой поддержки.

Ухудшились отношения между ДРК и соседней Руандой, которую обвиняли в подпитке боевиков М23 военной техникой и людскими ресурсами. По некоторым оценкам конголезцев, проруандийские силы контролировали в конце августа 2012 г. часть восточной территории ДРК, равную по площади Руанде. В Кигали же подобную информацию пытались всячески опровергнуть.

По мере развертывания боевых действий все больше районов Северного Киву переходило под контроль М23, в то время как позиции правительственных войск ослабевали. Пополнение рядов М23 (до 2,5 тыс. чел.) происходило и за счет дезертиров конголезской армии. В зоне боевых действий нередко солдаты и офицеры ВС ДРК переходили на сторону противника или бежали в Уганду, оставляя военную технику и боеприпасы.

Военные операции в Северном Киву повлекли за собой массовые потоки беженцев. По информации конголезского аналитика Р. Колвила, в июне 2012 г. насчитывалось более 200 тыс. внутренне перемещенных лиц. Населяющий провинцию Северное Киву народ хунду обратился к премьер-министру ДРК М. Поньо с призывом о помощи местному населению, которое подвергалось насилию со

стороны М23. В меморандуме ассоциации «Бушенге хунде» говорится: «Народность хунду стала жертвой войны, развязанной и поддерживаемой врагами государства и конголезского народа. От природы народ хунду – гостеприимный. Однако ценой его гостеприимства стало уничтожение этого племени»¹ [8, с. 2].

В октябре 2013 г. ВС ДРК при поддержке Бригады оперативного вмешательства Миссии ООН по стабилизации в ДРК (МООНСДРК) выдавили боевиков М23 за пределы страны. Их пристанищем стала Уганда, которая разместила бывших боевиков (около 1,5 тыс. человек) в военном лагере у границы с ДРК. Властями ДРК занялись вопросами освобождения части боевиков М23 на основе закона об амнистии, их разоружения и реинтеграции в мирную жизнь. Однако, по мнению конголезских военных экспертов и аналитиков МООНС ДРК, М23 по-прежнему представляли определенную угрозу стабильности в ДРК и не исключалась возможность того, что, пополнив свои ряды, боевики этого НВФ могут вновь развязать военные действия на востоке страны. Об этом свидетельствовали многочисленные тайники с оружием, оставленные боевиками М23 после отступления. Одно из таких хранилищ было обнаружено индийским батальоном МООНС ДРК в населенном пункте Кинди в провинции Северное Киву. Боевики оставили там более тысячи патронов, автоматы АК-47 и другое оружие. По словам местных жителей, они иногда тайно навещают в эти места для проверки тайников.

Помимо НВФ М23 в ДРК остались еще десятки вооруженных формирований, которые продолжают дестабилизировать ситуацию в восточных районах страны. Автор согласен с позицией политолога В. К. Белозёрова, который утверждает, что «специфика сложившейся на сегодня ситуации состоит именно в обозначившейся направленности к предельному ее обострению, когда становится все меньше возможностей, чтобы скрывать и гасить существующие противоречия и сохранять сложившийся в мировой политике статус-кво. Сторона, настроенная более агрессивно и решительно, уже в который раз ведет «боевые действия», преследуя неограниченные цели в виде свержения неугодного режима (или, как минимум, кардинального изменения его политического курса)» [1, с. 9].

Нередко опорными базами НВФ становятся приграничные страны. В марте 2011 г. разгорелся скандал между ДРК и соседней

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – Г. С.

Республикой Конго относительно экстрадиции из Браззавиля находящихся на его территории мятежного экс-генерала Ф. Мунене и лидера повстанцев объединения «Эньеле» по прозвищу Уджани. В Киншасе этих повстанцев подозревали в том, что они возглавили вооруженное нападение на резиденцию президента ДРК Ж. Кабилы в феврале 2011 г.

В Киншасе были настроены на скорейшее урегулирование отношений с географическим соседом, хотя официальные представители власти от каких-либо заявлений по этому поводу воздержались. Об этом свидетельствовали встречи эмиссара президента Республики Конго Дени Сассу-Нгессо с рядом высокопоставленных и влиятельных фигур ДРК, включая замминистра А. Луману и спецсоветника президента С. Нгвежа.

Генералы Мунене и Уджани еще ранее обвинялись конголезскими властями в дестабилизации ситуации. В 2009–2010 гг. Уджани представлял серьезную опасность режиму ДРК, обвинялся в организации массовых беспорядков в провинции Экватор. Ф. Мунене был заочно приговорен к пожизненному заключению за создание подрывной организации в провинции Нижнее Конго. В Киншасе требовали выдачи обоих, однако президент Д. Сассу-Нгессо заявил о своем несогласии, сославшись на печальный опыт выдачи политического лидера П. Мулеле в 1968 г., который после репатриации в Заир немедленно подвергся физической расправе мобутувцами. Эта позиция Браззавиля была озвучена в ходе заседания Двусторонней комиссии по обороне и безопасности, состоявшегося в марте 2011 г. в Киншасе. По его итогам министр внутренних дел Республики Конго З. Мбулу заверил, что Конго никогда не станет базой для врагов ДРК. Конголезские власти остались неудовлетворенными ее результатами.

22 сентября 2012 г. генерал Ф. Мунене дал интервью агентству «Радио Франс Интернасьональ», в котором призывал к свержению режима Ж. Кабилы вооруженным путем. Напуганные этим заявлением власти Республики Конго усилили слежку за мятежным генералом, а Киншаса в очередной раз потребовала его экстрадиции. В этой связи секретарь партии «Народная армия сопротивления» Фанфан Фуамба Лонга заявил, что если Д. Сассу-Нгессо решит его выдать, то Ж. Кабила никогда этого не простит Мунене: расстреляет или отравит его.

Официальные лица Браззавиля, в свою очередь, выражали непонимание упорства, с которым Киншаса добивалась выдачи упомянутых лиц. При этом они задавались вопросом, почему конголезские власти не проявляли такого же усердия в случае с мятежниками и дезертирами армии Л. Нкундой или Ж. Мутебуси? Серьезную озабоченность конголезцев в плане безопасности взаимоотношений между двумя странами вызвало присутствие на территории Республики Конго также и военнослужащих, бывших заирских вооруженных сил.

В марте 2013 г. в Киншасе проходило следствие по делу 19 человек, якобы занимавшимися подготовкой государственного переворота и свержения президента Ж. Кабилы. На них обратили внимание в ЮАР, где боевики под видом тренировок для борьбы с браконьерами отрабатывали навыки командос. Одновременно с событиями в ЮАР в Анголе службами безопасности было арестовано 11 сторонников бывших заирских вооруженных сил из объединения «Конголезский национальный совет». По версии представителей службы безопасности Анголы, они намеревались провести акции по дестабилизации обстановки в Киншасе. Ранее, в конце 2012 г., в Анголе была задержана группа из 9 человек, якобы собиравшихся свергнуть лидера ДРК. По словам конголезца Ж. Кабуьи, проживающего в Бельгии, который дал интервью газете «Либр Бельжик», за границей существует «широкая радикальная оппозиция» Ж. Кабиле. «Противники президента есть везде, – утверждал он, – и в Анголе, и в Сенегале, и на Кубе, которые готовы оказать спонсорскую помощь своим единомышленникам в Конго, уставшим от Жозефа Кабилы» [4, с. 7].

Руководство ДРК выразило признательность правоохранительным органам ЮАР и Анголы за проведение совместных спецопераций по поимке преступных группировок. Официальный представитель правительства ДРК Л. Менде подчеркнул значительный вклад этих стран в борьбу с трансграничными преступниками, цель которых превратить регион САДК в новый вооруженный очаг напряженности в Африке. В свою очередь, конголезские спецслужбы «проверили» возможную связь между заговорщиками из Анголы и ЮАР с НВФ М23.

К истории с заговорщиками в стране отнеслись по-разному. В отличие от официальных властей политическая оппозиция

указывала на искусственное раздувание Киншасой угрозы переворота, чтобы «покрепче закрутить гайки» против оппонентов режима Кабилы. Этому же мнению придерживались и многие аналитики, которые считали это явление неслучайным, поскольку в последнее время Киншаса активизировала свои усилия по обеспечению безопасности, особенно в восточных регионах страны. Бдительность спецслужб ДРК была связана также и с предстоявшим в ДРК масштабным Форумом национального согласия.

События 30 декабря 2013 г. заставили власти страны вновь задуматься над проблемой безопасности. В тот день утром в непосредственной близости от здания государственной телекомпании один из конголезских религиозных лидеров Поль-Жозеф Мукунгубила обвинил президента в политических уступках Руанде и народу тутси. Он провел манифестацию перед главным офисом национальной телекомпании РТНЦ, которая переросла в силовой захват здания с применением огнестрельного оружия. Нападавшие успели выйти в прямой эфир, во время которого Ж.-П. Мукунгубила заявил, что президент ДРК Ж. Кабила не имел права назначить руандофона главой национальной полиции, и призвал освободить конголезцев от «рабства руандийцев». После этого телевещание было полностью прервано.

Одновременно неустановленными лицами был обстрелян международный столичный аэропорт Нджили, работа которого на время прекратилась. Силы полиции и прибывшие на место инцидента подразделения национальной гвардии – элитные войска президента республики – обеспечивали защиту людей, находившихся в здании аэропорта. Движение вокруг этого стратегического объекта было полностью заблокировано, эвакуирован дислоцировавшийся там ганский батальон МООНС ДРК, один сотрудник которого получил огнестрельное ранение. Попытке захвата подверглось также и здание министерства обороны. Конголезские военнослужащие, располагавшиеся в черте города на военных базах Тшатши и Коколо были подняты по тревоге. Акции протеста сторонников этого религиозного деятеля прошли также в крупных городах Катанге и Маньеме. По официальным данным, беспорядки в стране унесли около ста человеческих жизней.

Согласно неофициальной версии, причиной перестрелки наряду с назначением руандофона Ш. Бисенгиманы на пост главы полиции

ДРК, стала также невыплата премии рядовым военнослужащим ВС ДРК за нейтрализацию М23. Все это в сумме якобы могло спровоцировать мятеж среди отдельных подразделений конголезской армии, к которым присоединились представители оппозиционно настроенной части гражданского общества.

Обострение военно-политической обстановки в Киншасе и ряде провинций в канун Нового года заставило в спешном порядке мобилизовать усилия конголезских властей для урегулирования возникшей ситуации. В целом правоохрнительным органам удалось достаточно оперативно взять ситуацию под контроль и не допустить ее эскалации. К решению этой задачи были привлечены контингенты ВС ДРК и национальной полиции. Посильную поддержку оказали «голубые каски» МООНС ДРК. В столице, по разным данным, погибли от 40 до 52 человек. Виновные в организации беспорядков были арестованы, началось расследование. В то же время главному зачинщику событий – пастору Ж.-П. Мукунгубиле – удалось скрыться, однако в мае 2014 г. пастор Ж.-П. Мукунгубила был арестован в ЮАР, где запросил политическое убежище.

Официальный представитель правительства ДРК Л. Менде выступил с заявлением, в котором назвал события 30 декабря 2013 г. террористическими актами. Он подчеркнул, что они носили устрашающий характер и имели целью запугать жителей конголезских городов и посеять панику. Глава массмедиа пообещал, что по факту дестабилизации обстановки в стране будет проведено тщательное расследование и получен ответ на главный вопрос: каким образом боевикам удалось проникнуть на стратегически важные объекты столицы? Эту же идею поддержал минобороны ДРК А. Л. Нтамбо, который также назвал повстанцев террористами [10].

По оценкам аналитиков, события 30 декабря 2013 г. в ДРК не были случайными. Всплеск недовольства политическим и военным руководством страны еще раз продемонстрировал хрупкость режима Ж. Кабилы, а также обнажил острые проблемы социально-экономического и межэтнического характера.

22 июля 2014 г. в Киншасе вновь возникла похожая ситуация. В военном лагере Тшатши, в нескольких километрах от резиденции президента Ж. Кабилы, где располагаются в основном подразделения республиканской гвардии, началась перестрелка между «неизвестными лицами» и частями ВС ДРК. Служба безопасности в срочном

порядке прислала подкрепление, вокруг военного лагеря были размещены танки. В предупредительном плане все гражданские лица были эвакуированы из главного аэропорта столицы Нджили. На инцидент в ДРК сразу же откликнулись крупные информационные агентства и пресса [3].

Официальный представитель правительства Л. Менде сделал заявление, в котором отметил, что следы инцидента ведут в Браззавиль и речь не идет о какой-либо вооруженной группировке. Среди нападавших на военный лагерь удалось опознать лиц, которые были выдворены из Браззавиля в апреле 2014 г. в результате депортации граждан ДРК, незаконно проживающих на территории Республики Конго. Л. Менде призвал население к спокойствию и порядку, акцентируя внимание на том, чтобы «не создавать паники» [11]. В заявлении Высшего совета обороны от 30 июля 2014 г. говорится, что «вооруженная мачете и ружьями банда, которая предприняла атаку на военный лагерь Тшатши, состояла из элементов, находившихся в состоянии наркотического опьянения, одержимых верой в свои амулеты, которые якобы обладают сверхъестественной силой» [6, с. 3].

Политическое объединение «Президентское большинство» также сделало официальное заявление, в котором «указала пальцем» на оппозицию, что именно она-де «подпитывала распоясавшихся повстанцев, чтобы добиться своих целей» [6, с. 3]. Эксперты высказывали предположение о том, что происшествие 22 июня 2014 г. – не что иное как «отголосок» массовой депортации 130 тыс. граждан ДРК из Республики Конго [7]. Другие утверждали, что инцидент в главном стратегическом центре столицы (как это имело место и прежде) – лишь инсценировка самих властей, которые в преддверии президентских выборов 2016 г. намерены провести чистку в армейских рядах, чтобы убрать оттуда неблагонадежных лиц [9].

Перманентная дестабилизация обстановки расшатывает демократические устои государства, приводит к хаосу и углублению военно-политического кризиса в ДРК. Эксперты связывают это в первую очередь с отсутствием сильной национальной армии, которая могла бы обеспечить безопасность в стране [2]. Тормозит стабилизацию обстановки и хрупкость действующего режима в целом, «осваивающего» первые шаги к демократии. Автор приходит к выводу о том, что процесс стабилизации устойчивого мира в этой

стране пока не завершен и требует комплексного подхода конголезских политиков к этой проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров В.К. Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4 (28). – С. 9–13.
2. Образцов И.В. Армия как социальный институт государства: российский опыт в контексте мировых тенденций // Актуальные проблемы международных отношений. – М.: МГЛУ, 2013 – С. 151–171. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Сер. Исторические науки. Политические науки).
3. Agence France Presse. 24 juillet 2014. – Kinshasa: coups de feu dans un camp militaire, l'aéroport évacuée par l'armée; Претория, 23 июля 2014. Корр. ИТАР-ТАСС Александр Нечаев; Jeune Afrique: RDC: le camp militaire Tshatshi attaque, Kinshasa appelle au calme. 22.07.2014; Le camp colonel Tshatshi pris d'assaut par un petit groupe de malfrats // L'Observateur. 23.07.2014. – P. 3.
4. Agence Presse Associée // Bulletin quotidien de l'Agence Congolaise de Presse. – Kinshasa. 11.03.2013. – P. 7.
5. Berghezan Georges. Groupes armés actifs en République Démocratique du Congo. Situation dans le "Grand Kivu" au 2-ème semestre 2013. – Bruxelles: les rapports du groupe de recherché et d'information sur la paix et la sécurité. – 2013. – N 11. – 36 p.
6. Les félicitations du Président de la République aux forces de sécurité // Bulletin quotidien de l'Agence Congolaise de Presse. – Kinshasa. 04.08.2014. – P. 3.
7. Kundu Kleber. Des expulsés de Brazzaville identifiés parmi les assaillants // L'Observateur. – Kinshasa. 24.07.2014.
8. Mémorandum de la communauté hündé à l'attention particulière de son excellence Monsieur Matata Ponyo Augustin, Premier Ministre et le chef du gouvernement de la République Démocratique du Congo. Bushenge Hunde. – Kinshasa: Gouvernement de la RD Congo. – 2012. – 7 p.
9. Qui sont les assaillants du camp Tshatshi? S'iterroge Frikarabia // APA. – Kinshasa. 24.07.2014. – P. 12.
10. Sanglante fin d'année en RDC // Le Phare. – Kinshasa. 06.01.2014. – P. 12.
11. Tentative d'intrusion d'un petit groupe des malfrats au... // L'Avenir. – Kinshasa. 23.07.2012. – P. 2.

УДК 316.62

А. Ю. Станевич

аспирант кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;

e-mail: lluviaconsol1@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению социального настроения. Анализируются методы изучения феномена в философии, психологии, социальной психологии и социологии. Также рассматриваются методы измерения социального настроения в наши дни.

Ключевые слова: социальное настроение; общественное мнение; индекс социального настроения.

Stanevich A. Yu.

Postgraduate Student of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social-political Studies, MSLU;

e-mail: lluviaconsol1@gmail.com

SOCIAL MOOD: METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDY

The article is focused on theoretical approaches to the studies of social mood. Approaches in philosophy, psychology, social psychology and sociology are analyzed. Methods of social mood measuring nowadays are also examined.

Key words: social mood; public opinion; social mood index.

Феномен настроения изучается философскими, психологическими, социально-психологическими и социологическими науками достаточно фрагментарно, в ходе исследования иных вопросов. Больше всего конкретных исследований, посвященных социальному настроению, существует в социологии. Там отдельно анализируются теоретические вопросы социального настроения как общественного феномена, механизмы и условия формирования настроения, взаимодействие настроения с политической, экономической и духовной сферами общественной жизни. Исследование феномена «социальное настроение» началось в XIX – первой половине XX вв. Решающий вклад в изучение данного феномена внесли зарубежные классики социологии: Г. Лебон, У. Мак-Дугалл, Г. Тард. Отечественные ученые – социологи и представители других наук – также активно занимались исследованием данной темы.

Согласно «Российской социологической энциклопедии» настроение – это «общий эмоциональный тон переживаний человека, его целостное состояние, жизнеощущение. В настроении находят выражение установки и потребности личности, соответствие поступков человека жизненной ситуации, функциональный тонус организма, так называемое его физическое самочувствие. Настроение характеризуется эмоциональным знаком (положительное, «приподнятое», или отрицательное, «подавленное»), степенью осознанности источника, причины настроения и временной динамикой (устойчивые и преходящие настроения). Настроение лежит в основе отдельных эмоций и чувств, способствует коммуникации» [14, с. 493]. Энциклопедия дает нам очень подробное и полное определение, откуда мы можем вычлениить следующие основные характеристики настроения: эмоциональный тон, жизнеощущение, установки и потребности личности, ее физическое состояние. С одной стороны, настроение тесно связано с эмоциями человека, его восприятием этого мира, ощущениями, с другой – отражает физическое состояние личности, т. е. готовность совершить то или иное действие.

Рассмотрим подробнее подходы к изучению интересующего нас феномена в различных науках.

В философской науке исследовалась проблема социального самочувствия, которое можно считать основой для изучения социальных настроений. Здесь можно отметить вклад отечественных философов: Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, И. А. Ильина, В. С. Соловьева, С. Л. Франка. Настроение в философии описано широко и представляет собой отношение человека к жизни в целом, его расположение духа. Если в социологии настроение принимается как массовая характеристика, относящаяся ко всему обществу или социальным группам, то в философии наиболее распространен личностный подход. Так, например, Н. А. Бердяев пишет, что «личность “утопили в массах” и что прежде всего «личность нужно дифференцировать, не равняя всех и вся» [1, с. 73].

В психологии изучением настроений занимались В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, Н. Д. Гордеева, Н. Н. Новиков, С. Л. Рубинштейн и др. ученые. На основе взглядов некоторых из них мы попытаемся дать обобщенные характеристики понятию «настроение».

С. Л. Рубинштейн, психолог начала XX в., был убежден, что настроение «не предметно, а личностно – это во-первых, и, во-вторых,

оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое общее состояние» [15, с. 625]. Он говорит о том, что настроение – это сложная категория, даже называет его беспредметным, обосновывая это тем, что «мы далеко не всегда в состоянии сказать, отчего у нас то или иное настроение» [15, с. 625]. Как часть эмоционального впечатления, настроение отражает в себе не только эмоциональное состояние, но еще интеллектуальные и волевые проявления.

Настроение, по С.Л. Рубинштейну, складывается под воздействием двух составляющих: чувственного фона и отношения личности с окружающими. Настроение подвергается изменению только в одном случае: если впечатления или события затрагивают значимые для личности темы. Как можно заметить, в этом подходе настроение рассматривается как личностная эмоциональная категория, «беспредметное эмоциональное состояние» [15, с. 626]. Однако обратим внимание на другой подход.

Психиатр В.М. Бехтерев разработал учение о коллективе, где общество понимается как коллектив, «собирабельная личность», «имеющая свою индивидуальность, зависящую от особенностей составляющих ее лиц» [2, с. 148]. По Бехтереву, в отличие от Рубинштейна, настроение не может быть представлено одной или двумя личностями, для него носитель настроения – это коллектив, обязательно группа лиц. Однако, как и Рубинштейн, настроение для Бехтерева – это эмоциональная категория.

Качественно другой подход к определению настроения разработал социальный психолог Н.Н. Новиков. Согласно его подходу, настроение «качественно отличается от других компонентов эмоциональной сферы психики. Настроение может обладать сравнительно большей устойчивостью, чем эмоции. Возникнув на базе ощущений, эмоций и представлений, настроение становится самостоятельным процессом, сохраняется независимо от породивших его эмоций и изменяется по собственным законам» [9, с. 292]. Новиков выделяет три характеристики, сближающие настроение с эмоциями: текучесть, импульсивность и тональность [9, с. 293]. Однако он также выделяет и различия. Как считает ученый, настроение «слабее и более устойчиво» [9, с. 293], чем эмоции. По мнению Н.Н. Новикова, настроение бывает индивидуальным и групповым, только последнее скорее может быть определено как социальное настроение.

Вообще, он считает настроение очень противоречивым в том плане, что оно, с одной стороны, «слабо выраженное чувство, но, с другой – оно настолько сильно, что способно захватить всю личность человека» [9, с. 253].

Феномен настроения занимает особое место в социологической науке: ученые пришли к его анализу сквозь призму изучения родовых категорий. Термин «социальное настроение» оформляется вслед за социальным самочувствием, массовым сознанием, ценностными установками и ориентирами.

На настоящий момент в социологической литературе существует несколько подходов к определению социального настроения. В связи с этим, можно отметить следующую классификацию:

1) деление настроений по сферам деятельности: политическое настроение, экономическое, этническое, бытовое, религиозное и т. д. (Е. Г. Андрущенко, Д. В. Ольшанский, В. М. Шепель и др.);

2) по количеству носителей настроения: групповое/массовое настроение против индивидуального/личностного настроения (Б. А. Грушин, В. А. Ядов);

3) по полюсу восприятия: позитивное и негативное настроение (П. К. Анохин, П. В. Симонов, Б. Д. Парыгин);

4) по длительности: ситуативное, актуальное и константное (Б. Д. Парыгин).

Интерпретация настроений в западной науке восходит к авторам психологии народов и толпы Г. Лебону и Г. Тарду. Они считали проявление массовых настроений характерной чертой для переходных обществ. Г. Лебон, изучая психологию и массы, показал, как возникает настроение толпы, как она безумна в состоянии аффекта, теряет чувство личной ответственности, может превратиться под влиянием общего чувства в мощнейшую, сметающую на своем пути силу [5].

Уильям Мак-Дугалл разработал теорию инстинктов социального поведения. Инстинкты, как он считал, находят свое выражение в эмоциях, а также представляют собой прирожденные способности к целенаправленным действиям [8]. Простые эмоции, в свою очередь, объединяются в сложные группы, на основе которых возникают чувства.

Среди отечественных социологов первое исследование, посвященное изучению феномена общественного настроения, было проведено Б. Д. Парыгиным в 1966 г. Автор использует комплексный

подход для изучения природы и структуры общественного настроения, условий его формирования, места в социальной жизни. Б. Д. Парыгин считал настроение социально-психологическим образованием, которое сочетало в себе и безотчетные переживания и осмысленные идеи и убеждения. В отличие от эмоций, настроение гораздо более устойчиво, а в отличие от чувств более подвижно. Оно может захватывать, объединять и побуждать к действию определенные слои и группы общества [11]. Б. Д. Парыгин разделял настроение индивидуальное в узком смысле и групповое в широком смысле, и последнее всегда является социальным, потому что отражает состояние не отдельного человека, а массы, способной под воздействием этого настроения влиять на жизнь общества. Настроение личности может быть как индивидуальным, так и социальным. Социальным оно становится в том случае, если является общественно значимым и если этот индивид может повлиять на события в социуме. Однако в настроении личности обычно переплетаются оба аспекта: индивидуальный и социальный. Индивидуальный аспект отражает отношение человека к его личной жизни, социальный – «ко всей системе не зависимых от отдельного человека общественных, экономических, политических и идеологических отношений» [11, с. 313]. С точки зрения Парыгина, настроение находится в двухмерном пространстве, где на одной оси располагается тональность (от оптимистического настроения к пессимизму), а на другой – предметная направленность, которая представляет собой область, находящуюся под особым вниманием индивида. Так, в этом смысле ученый выделял настроение политические, экономические, религиозные и т. д. Вместе с тем Парыгин разделял настроения по степени устойчивости, хотя и отмечал, что такое деление условно. Самым динамичным является ситуативное настроение, связанное с последними событиями его повседневной жизни. Актуальное настроение более устойчиво, оно складывается под воздействием комплекса наиболее доминирующих идей и переживаний на протяжении целого периода жизни личности. Константное настроение не отражает происходящие события, оно скорее относится к выработанной системе взглядов и убеждений личности.

В 1980-х гг. советские социологи занимались изучением общественного мнения – феноменом, очень близкому к социальному настроению, ведь оба понимают под собой изучение умонастроений

и социальных чувств, измерение удовлетворенности и ценностных ориентиров, а также отношение индивидов к различным социальным структурам. Первыми исследователями общественного мнения выступили Б. А. Грушин, Т. И. Заславская и Ю. А. Левада. Общественное мнение является понятием более узким, нежели настроение. Мнение понимает под собой оценочное суждение индивида и является частью настроения. Как писал А. Уледов, «в самой общей форме общественное мнение можно определить как суждение, в котором выражается оценка тех или других явлений общественной жизни и отношение людей к этим явлениям» [18, с. 47]. Настроение же отражает не только оценочные реакции индивидов, но и нерелективные действия.

Исследуя общественное мнение, Б. А. Грушин относил его к сфере общественного сознания. У общественного сознания ученый выделял ряд форм: политические идеи, правосознание, мораль, религия, наука, искусство, эстетические взгляды и философия [4]. Данные формы отражают различные стороны действительности, и «предмет общественного мнения не может быть втиснут в рамки какой-либо одной формы» [4, с. 22]. Так, Грушин сделал вывод, что общественное мнение проникает во все формы общественного сознания, но в каждую с разной силой. Наиболее интенсивно оно входит в сферу политики, морали, правосознания и искусства.

Юрий Левада представлял два подхода к изучению общественного мнения: статистический и социологический [6]. При социологическом подходе общественное мнение понимается как социальный институт со своей структурой, наделенный определенными функциями. Ключевой функцией общественного мнения выступает поддержание социально одобряемых норм поведения. При статистическом подходе общественное мнение представляет собой распределение ответов респондентов в ходе репрезентативных опросов. Левада отмечает, что такой подход удовлетворяет задачам социальных и маркетинговых исследований, выступая так называемым социальным барометром. С точки зрения такого подхода к общественному мнению, оно становится близким к такому понятию, как социальное настроение, ведь оба измеряют «общественную температуру» и показывают срез данных в определенный период времени.

Изучением непосредственно социального настроения занимался Ж. Т. Тощенко. Его основные выводы касательно изучаемого

феномена можно обобщить следующим образом: *социальное настроение*:

– выходит за рамки психологии и «проявляет себя как функциональная единица социального, психосоциального и психосознательного освоения действительности» [17];

– включает в себя рациональные (цели) и иррациональные (социальные установки и интересы) аспекты;

– формируется под воздействием множества факторов: экономических, политических и духовных процессов.

Тощенко также отмечает, что существует множество носителей социального настроения: индивид, социальная группа, население, различные организации и институты.

Стоит отдельно отметить изучавшееся социологами настроение молодежи. Самым ярким представителем в данной сфере является Ф. Э. Шереги, посвятивший труды изучению настроений молодежи. Вместе со своим коллегой М. К. Горшковым Ф. Э. Шереги изложил результаты своего масштабного исследования в работе «Молодежь России: социологический портрет». Авторы изучали формирование сознания молодежи, настроения в условиях экономического кризиса, отношение молодежи к политике и причины низкой гражданской активности, восприятие противоречий в российском обществе и многое другое. У Ф. Э. Шереги имеются и другие труды: «Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации», «Политические установки студентов российских вузов», «Молодежь России: ретроспектива и перспектива». Ф. Э. Шереги не пишет напрямую о социальных настроениях, он изучает их через призму таких составляющих, как социальное самочувствие, ценностные ориентации, поведенческие установки, моральные нормы, состояние массового сознания, социальная напряженность.

Д. В. Ольшанский изучал массовые политические настроения, тесно связывая их с политической психологией и рассматривая их с точки зрения политической науки. Ученый считает, что политические настроения стали активно формироваться в XX в., когда качественно и количественно увеличилось влияние масс в политике, что, в свою очередь, повлияло на политические процессы в обществе. У людей, участвующих в массовом промышленном производстве, возрастали потребности. СМИ стимулировали готовность их участия в массовых акциях, демонстрируя новые возможности и пути

их достижения. Это вызывало массовую реакцию у людей: они были готовы к конкретным действиям. Однако это были не осознанные и продуманные действия, а спровоцированные настроенческими факторами импульсивные идеи. В наши дни сохраняется та же тенденция: рост значения политических настроений, отражающих изменения в обществе. Основными категориями, отражающими политические настроения, Д. В. Ольшанский считает политическое сознание, политическую культуру и политическое поведение¹. Настроение складывается из ожиданий людей, их интересов и потребностей, а также из происходящих событий. На стыке потребностей и отсутствия возможности их реализовать возникают активные настроения, готовность к действиям.

В наши дни активно изучаются этноконфессиональные настроения, которые помогают понять природу конфликтов на этнической и религиозной почвах [13]. В некоторых случаях для определения этноконфессиональных настроений рассматривается политический аспект, в частности, политическая напряженность и массовые беспорядки, причиной которых также могут служить межнациональные конфликты [12].

Обобщив социологический и психологический подходы, можно сделать вывод, что социальное настроение – это междисциплинарная характеристика. Это социально-психологическое понятие, так как с социологической точки зрения здесь можно выделить то, что на него влияют социально значимые факторы и что настроение может определять готовность к действию разных социальных групп. С точки зрения психологического подхода социальное настроение относится к чувственно-эмоциональной сфере.

Социальное настроение обладает своей спецификой изучения: это вышеописанная междисциплинарность, а также динамичность. Социальное настроение имеет тенденцию аккумулировать в себе силы общества, как созидательные, так и разрушительные. Из-за этого имеет смысл отслеживать динамику изменения социальных настроений для их дальнейшего прогнозирования и даже целенаправленного формирования настроений в массовом сознании.

Что касается устойчивости социального настроения, то на наш взгляд, оно устойчиво ровно настолько, насколько можно его зафиксировать, т. е. можно считать, к примеру, социальное

---

¹Прив. по: [10].

настроение граждан страны позитивным, если такие результаты нашли отражение в проведенном социальном опросе. Некоторые элементы социального настроения, такие как социальный опыт, потребности, интересы, достаточно стабильны и не меняются индивидом резко и часто, на протяжении жизни скорее могут вноситься лишь корректировки по отношению к ним. Благодаря этим обеспечивающим стабильность элементам, социальное настроение можно считать устойчивым образованием.

Несмотря на мультинаучный подход к изучению социального настроения, представляется, что в изучаемом феномене больше социологических черт.

- Социальное настроение *складывается под воздействием социальных факторов*. По сути, социальные факторы представляют собой социальную реальность – то, что происходит с индивидом. Социальные факторы могут быть олицетворены различными процессами: экономическими, политическими или духовными.

- Социальное настроение может носить как *объективный*, так и *субъективный характер*, т. е. оно может складываться как под влиянием объективных целей индивида, так и, к примеру, под влиянием власти на население через какие-либо каналы (цензура в СМИ).

- Социальное настроение может обладать разной силой в зависимости от степени влияния воздействующих на нее социальных факторов. Однако факторы могут как укреплять настроение, так и обезличивать его. К примеру, возьмем такую социальную группу, как молодежь. Если экономический (льготные тарифы на транспорт, посещение музеев и прочие мероприятия для молодежи, достойные стипендии для учащихся) и политический (создание властью благоприятных условий для получения образования, реализация программ по трудоустройству молодых специалистов, организация мероприятий для молодежи и т. д.) факторы дополняют друг друга, то усиливается общее позитивное настроение упомянутой социальной группы. Если же эти факторы друг другу противоречат (стипендии повышаются, а на работу устроиться проблематично), то позитивное настроение по отношению к экономическим факторам может быть нейтрализовано, а в общем – упасть до негативного.

- Социальное настроение может отражать состояние не только индивида, но и социальных групп и слоев общества. С помощью

настроения можно определить положение изучаемого объекта в обществе и сделать прогноз его дальнейших действий.

В наши дни ведется активное практическое исследование социальных настроений. Их измерением занимаются такие российские социологические службы, как ВЦИОМ и Левада-Центр. В обоих социологических центрах рассчитывается специальный индекс – мера для определения «температуры общества». С помощью такого социального барометра можно отслеживать любые общественные колебания и фиксировать реакцию на происходящие события. Существующие индексы позволяют оценить направление вектора социальных настроений: в динамике можно отследить распределения ответов респондентов по вопросам как личной, так и общественной жизни, зафиксировать, что, например, повышение материального положения влечет за собой более позитивные оценки политической ситуации в стране. Социологические центры также декларируют прогнозистические возможности своих индексов. Построение общего вектора настроений в обществе и его отслеживание в динамике позволяет оценить, как социальные настроения могут повлиять на реальное поведение населения в политической, экономической, духовной и социальной сферах [16].

С 2005 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения ежемесячно собирает эмпирический материал (по репрезентативной общероссийской выборке) для дальнейшего выведения индекса социального настроения россиян. Для данного индекса разработана система показателей, куда входят:

- удовлетворенность жизнью;
- социальный оптимизм;
- материальное положение;
- политическая обстановка;
- общий вектор развития страны.

Индексы социального настроения позволяют отслеживать общую динамику настроений в различных сферах жизни общества. Главная цель построения такой динамики – зафиксировать критические моменты, замерить общественную реакцию на какое-либо произошедшее событие. Методика расчета индекса такова, что каждый из частных изучаемых индикаторов рассчитывается как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок [3].

Левада-Центр также измеряет настроения в обществе путем расчета собственного индекса – индекса социальных настроений (ИСН) [7], начиная с 1990-х гг. Опрос проводится каждые 2 месяца по репрезентативной выборке. В ИСН входят интегральные оценки совокупности социальных, политических и экономических настроений. Компонентами ИСН являются частные индексы:

- индекс текущего положения семьи (ИС), куда входят субъективные оценки материального положения респондентов;
- индекс текущего положения страны (ИР), включающий в себя экономические и политические оценки касательно положения страны в целом;
- индекс ожиданий (ИО), куда входят представления респондентов о собственном будущем и будущем страны;
- индекс оценки власти (ИВ), который показывает уровень одобрения деятельности органов государственной власти в стране.

Цель ИСН – отследить, как в массовом сознании отражаются события общественной жизни. Отмечается такое преимущество ИСН, как прогностические возможности: возможные экономические изменения могут быть предсказаны колебаниями в настроениях респондентов. Методика расчета индекса Левада-Центра отличается от методики ВЦИОМ. Для ИСН сначала строится индивидуальный индекс: к разности долей положительных и отрицательных ответов прибавляется 100. Совокупный индекс социальных настроений представляет собой среднюю арифметическую из индивидуальных индексов. Интервал для оценки ИСН от 0 до 200, где значение индекса менее 100 означает преобладание негативных оценок.

Таким образом, было выявлено, что социальное настроение изучается не только социологией, но и философией и психологией. Однако, несмотря на междисциплинарный характер феномена, социальное настроение сочетает в себе больше социологических черт: оно складывается под воздействием социальных факторов, может носить в себе как объективный, так и субъективный характер, обладает разной силой в зависимости от степени влияния воздействующих на нее социальных факторов, отражает состояние как индивида, так и социальных групп и слоев общества, а также имеет прогностические возможности.

Обобщив вышесказанное можно заключить, что социальное настроение – это относительно устойчивое состояние личности или социальной группы, зависящее от ее психо-физического состояния

и социальной реальности, отражающее ее социальные цели, интересы, потребности и убеждения и побуждающее ее к совершению какого-либо действия. Изучение социальных настроений в динамике (например, с помощью специальных индексов социологических служб) не только отражает актуальное состояние общества и позволяет выявить зависимость составляющих настроения друг от друга (взаимосвязь политических, экономических, бытовых настроений), но и открывает перед исследователем прогностические возможности, которые указывают на вероятные массовые акции протеста или изменения в жизни страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
2. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. – СПб.: Колос, 1921. – 432 с.
3. ВЦИОМ [Офиц. сайт] Индексы социального самочувствия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/public-mood/>
4. *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. – М.: Праксис, 2011. – 544 с.
5. *Лебон Г.* Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
6. *Левада Ю.* От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. – М.: Московская школа полит. исслед., 2000. – 576 с.
7. Левада-Центр [Офиц. сайт]. Обновленная методика измерения индекса социальных настроений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn>
8. *Мак-Дугалл У.* Основные проблемы социальной психологии. – М., 1916. – 214 с.
9. *Новиков В.В.* Социальная психология. – М.: Международная академия психологических наук, 2002. – 352 с.
10. *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
11. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
12. *Примаков В.Л., Маткаримова Г.В.* Сравнительный анализ этноконфессиональной напряженности в Москве и других европейских столицах // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 157–165. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические науки. Политические науки).

13. *Примаков В.Л., Маткаримова Г.В.* Этноконфессиональная напряженность как социокультурный феномен // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 207–223. – (Вестн. Моск. гос. лингвист.ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические науки. Политические науки).
14. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 1998. – 672 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
16. *Саблуков А.В.* Общественное мнение как инструмент социальной экспертизы в сфере образования // Право и образование. – 2013. – № 7. – С. 41–56.
17. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/286/137/1231/002.TOCSHENKO.pdf>
18. *Уледов А.К.* Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. – 1959. – № 3. – С. 40–53.

УДК 327.83

И. Л. Шершнёв

доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: ishershnev@mail.ru

СИЛЫ И СРЕДСТВА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ (ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются средства общественной дипломатии. Особое внимание уделяется феномену общественной власти как основному средству осуществления общественно-дипломатической деятельности, а также анализируется один из определяющих элементов общественной власти – «мягкая сила».

Ключевые слова: общественная дипломатия; общественная власть; «мягкая сила».

Shershnev I. L.

Candidate of Political Science, Associate Professor in the Department of Political Science of The Institute of International Relations and Social-political of MSLU; e-mail: ishershnev@mail.ru

POWER AND MEANS OF PUBLIC DIPLOMACY (THE POLITICAL COMPONENT)

Means of public diplomacy are being examined in this article. Particular attention is paid to the phenomenon of public power as to the main tool of realization of public and diplomatic activity. One of the most essential elements of public power – «soft power» is being analysed as well.

Key words: public diplomacy; public power; «soft power».

Критерием общественно-дипломатической деятельности, как и всякой другой, является общественная активность человека, которая ориентирована на предмет соответствующего интереса и определяется назначением этой деятельности. Общественно-дипломатическая деятельность включает в себя свойственные только ей средства, при помощи которых эта деятельность осуществляется.

К. Маркс раскрывал значение средства осуществления деятельности, в том числе производственной, через использование средств труда. Он писал: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [7, с. 190].

В общественно-дипломатической деятельности ее основным средством является общественная власть, которая относится к неполитическому виду социальной власти. Она включает в себя власть личную, семейную, неформальных лидеров, общественных организаций, объединений, групп, формальных и неформальных сообществ. Общественная власть, как и власть политическая, на своем уровне действия придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором порядка и организованности, обеспечивает обществу жизнеспособность.

Ввиду того, что проблема общественной власти мало исследована и практически не раскрыта, предлагается следующее авторское определение понятия: общественная власть – это способность негосударственного и некоммерческого властвующего субъекта оказывать волевое воздействие на поведение людей и деятельность их сообществ в интересах себя и своего сообщества неполитическими средствами.

Если общественно-дипломатическая деятельность реализуется посредством использования общественной власти, в независимости от исполнителей, целей, мотивов и поведения, эта деятельность становится общественной.

Субъектом общественно-дипломатического действия может стать тот, кто получил право распоряжаться общественной властью. Используя эту власть, человек легитимно участвует в принятии руководящих решений в сфере общественной дипломатии. Понятием общественной власти определяются возможности, характер задач, целеустановки, методы и формы реализации общественной дипломатии.

Сущностным элементом общественной власти является воля субъекта власти, или властвующего субъекта, через которую определяется суть отношений властвования. Общественная власть принадлежит тому сообществу или личности (группе лиц), воля которой в ней воплощена.

Общественная власть оказывает воздействие на объекты влияния – индивидов, их объединения, группы и сообщества людей.

Таким образом, признаками и критериями общественно-дипломатической деятельности являются использование общественной власти и обусловленное этой властью назначение общественной деятельности, состоящее в принятии руководящих решений. Отсюда

вытекает, что общественно-дипломатическая деятельность – это вид социальной активности людей, состоящий в использовании общественной власти и предназначенный для принятия руководящих решений в области общественной дипломатии.

Отсюда следует, что осуществлением общественно-дипломатической деятельности может заниматься относительно небольшой круг людей, получивших для этого легитимность и специальные полномочия от общественных институтов власти, гражданского общества, формальных и неформальных сообществ, т. е. субъектами общественно-дипломатической деятельности могут быть обладающие общественной властью или уполномоченные ею люди и общественные организации, которые могут принимать руководящие решения в сфере общественной дипломатии.

Понятие «общественно-дипломатическая» деятельность содержит посыл о том, что в процессе использования общественной власти люди и их общественные объединения вступают в объективно складывающиеся отношения, которые называются общественными. Они образуют общественный организм, посредством которого осуществляется общественная жизнь, состоящая из своей совокупности и своих взаимосвязей. Без общественно-дипломатической деятельности общественная дипломатия не может возникнуть и состояться. В результате не может произойти и общественное влияние на объекты общественной дипломатии. Общественно-дипломатическая деятельность является основой развития общественной дипломатии.

Одним из определяющих элементов общественной власти, кроме воли, является ее сила. Под ней подразумевается не физическая сила, а социальная (сила закона, сила привычки, сила традиции, сила духа, сила авторитета, сила убеждения и т. д.). Общественная власть может быть сильной и быть слабой. Общественная власть, в которой отсутствует сила, превращается в фикцию, поскольку она неспособна воплотить властную волю в жизнь. Это означает, если нет общественной силы, то нет и общественной власти.

Общественная власть опирается на силу своего авторитета и может быть сильной за счет ее поддержки и доверия к ней широкой общественности, формальных и неформальных человеческих сообществ. Субъект общественной власти для воплощения своей воли в отношении объекта использует силу идеологического воздействия.

Если политическая власть в лице государственной имеет предметно-материальные источники «жесткой силы» в виде органов насилия, принуждения, вооруженных организаций, то неполитическая власть в лице общественной реализуется в том числе посредством «мягкой силы».

Теория «мягкой силы», разработанная американским политологом Дж. Наем, стала сегодня самой популярной концепцией, главным инструментарием в системе международных отношений, в стратегии государств, нацеленной на занятие и удержание ведущих, если не господствующих позиций на международной арене. Профессор Гарвардского университета Дж. Най впервые сформулировал понятие «мягкая сила» в 1990 г. в своей работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». Он определяет «мягкую силу» как способность получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели. Американский исследователь считает, что «...этого следует добиваться путем облачения своего политического товара (идей, идеологий, инициатив, повесток дня, институтов) в привлекательную для других упаковку, подкрепляя это солидными «призовыми» за сотрудничество, например, расширяя рыночные возможности партнера» [10, с. 14].

Следует отметить, что технология применения «мягкой силы» была известна в Древнем Китае. В «Книге правителя области Шан» говорится: «Совершенно мудрый, управляя людьми, должен непременно овладеть их умом и сердцами, и тогда он может использовать их силу» [5, с. 195].

Именно через использование «мягкой силы» общественная дипломатия достигает целей внешней и внутренней политики без применения физического насилия, за счет информационных, психологических, моральных и иных рычагов воздействия на сознание, чувства и поведение людей.

Отрицательный опыт «цветных революций» на Украине, в Грузии, Египте, Ливии, Тунисе и других странах весьма наглядно подтверждает замечание Президента РФ В. В. Путина в отношении того, что «противоправные инструменты «мягкой силы» ... используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств

... активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке из вне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах, недопустима» (*Московские новости*, 27.02.2012).

У России есть своя парадигма использования «мягкой силы». Суть ее выразил Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, когда определил «мягкую силу» как «способность воздействовать на поведение других государств с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательностью своей страны, готовность и умение продвигать позитивную, объединительную повестку дня в международных отношениях. В этих условиях важным фактором обеспечения конкурентоспособности нашей внешней политики и России в целом является вовлечение во внешнеполитический процесс гражданского общества...» (*Известия*, 24.04.2007).

В 2012 г. по рейтингу «мягкой силы» Россия занимала 10-е место, уступая США, Франции, Германии, Великобритании, Канаде, Италии, Японии, Китаю и Индии. Рейтинг «мягкой силы» учитывает такие факторы, как туризм, олимпийские медали, миграционные потоки, привлекательную индивидуальность, культуру, политические ценности, институты и стратегии, которые расцениваются как легитимные или обладающие моральным авторитетом. Индекс «мягкой силы» рассчитывается по трем критериям: целостность, глобальная интеграция и имидж [9].

Проявления «мягкой силы» в различных культурах характеризуются их традициями. Например, «мягкая сила» общественной дипломатии России основывается, в том числе, на нравственно-этических принципах, заложенных в философии Л. Н. Толстого. В Индии М. Ганди считал ненасилие ключом ко всем социальным проблемам. Его главный постулат выражен в концепции «ненасильственного несотрудничества», «гражданского неповиновения» в условиях проявляемой властью несправедливости.

Американский общественный деятель, известный во всем мире своими книгами по методам ненасильственной борьбы с диктаторскими режимами, основатель Общественного Института им. А. Эйнштейна Дж. Шарп считает: «Великая история ненасильственного сопротивления в России – против царизма и сталинизма – очень впечатляет. Я очень многому научился у русских... Если русские отказываются от своей истории и говорят, что (ненасильственная

борьба) является американским методом – это очень плохо» [3, с. 4].

Идеи ненасилия оказали определенное воздействие на многие стороны международных отношений. Идеи ненасилия подвигли к созданию соответствующих технологий и их использования вразного рода конфликтах, к принятию ряда решений в ООН и на государственном уровне, повышающих роль этого феномена в международных отношениях, во взаимоотношениях между людьми внутри социума, государства, между обществом и личностью.

«Мягкая сила» общественной дипломатии реализуется в различных формах социального взаимодействия. Социальное взаимодействие относится к жизненно важным потребностям и интересам человека, поскольку его личное взаимодействие с другими людьми помогает ему удовлетворить необходимые потребности и интересы, включая свои ценностные и поведенческие стремления. Оно представляет собой процесс обмена социальными действиями между двумя и более акторами общественной дипломатии, непосредственного или опосредованного воздействия этих субъектов друг на друга. Ключевым условием социального взаимодействия является взаимопонимание между акторами.

Общественная дипломатия как вид социального взаимодействия, направлен прежде всего на не силовое и добровольное установление доверия, партнерства, культуры мира, согласования интересов, общественного порядка, морально-нравственных установок, общественного договора. Собственно, на этих компонентах выстраивается теория и практика общественной дипломатии, что отличает ее от деятельности государственных органов в области внешней политики, опирающихся на формальные нормативно-правовые акты.

Общественная дипломатия играет ключевую роль в установлении доверительных отношений между людьми, а также между человеком и государством, в появлении или исчезновении феномена общественной и государственной власти. С помощью нее формируются общественные взаимоотношения и взаимодействия индивидов и различных сообществ, создаются условия для получения возможностей неполитическими структурами влиять на субъекты политики – распределение, сохранение и смещение власти на всех уровнях. Через нее оказывается целенаправленное прямое или косвенное воздействие на деятельность объектов политики, принятие или

отклонение политических решений, формирование у объекта политики заданной системы политических ценностей и убеждений.

Общественная дипломатия, организуя пространство доверительных отношений, прививает обществу необходимые политические ценности, формирует общественно-политическое сознание, воспроизводит благоприятные для субъекта общественной дипломатии мировоззренческие условия, которые в перспективе могут сработать в интересах субъекта общественной дипломатии.

Категория «доверие» в политическом измерении, подходящая к контексту общественной дипломатии, наиболее полно раскрыта в монографии Д.М. Данкина. По его мнению, «политическое доверие... высшая форма коммуникации между акторами (лидерами, группами) и институтами, которая достигается конструктивными изменениями в политической культуре, общественном мнении и международных отношениях, целенаправленно проводимыми в режиме культурного диалога с опорой на реальное состояние экономических, технологических, экологических, информационных, духовных процессов в обществе и мире» [1, с. 30].

К средствам общественной дипломатии относятся коммуникации, рассматриваемые в весьма широком диапазоне – от обычного общения людей в повседневной жизни до глобальных контактов и взаимодействий между государствами, региональными структурами, массовыми социальными, национальными, религиозными и иными сообществами. При этом все более активно используются новейшие средства коммуникации и информации, технологии работы с общественным мнением. Как считает Дж. Най «будущее коммуникации – это битва за доверие» [10, с. 68]. Это выражение имеет большую важность в сфере коммуникативного процесса в эпоху глобализации, когда всё чаще используется манипуляция с информацией сторонниками однополярного мира, в связи с чем наблюдается рост недоверия между коммуникантами. Особенно это проявляется, как отмечает А.Я. Касюк, в том, что глобализация является противоречивым процессом, который, с одной стороны, открывает перед человеком неограниченные возможности развития, с другой – несет негативные последствия для духовной сферы бытия цивилизации [4].

Любая коммуникация, особенно по линии общественной дипломатии, реализуется посредством коммуникативного действия, описанным известным немецким ученым Ю.Хабермасом. Под

коммуникативным действием им понимается такое взаимодействие двух и более индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные и ориентируется на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус. Задача современной мысли, по мнению Ю. Хабермаса, заключена в том, чтобы вычлениить, как бы высветить их в реальной коммуникации людей, помогая современному человеку пестовать механизмы согласия, консенсуса, убеждения, без которых не может быть нормального демократического процесса [2].

К коммуникативной деятельности относятся также public relations (PR), что в переводе на русский язык означает «связи с общественностью», или, в более точном варианте, «общественные отношения». Как точно отметил известный специалист в области PR В.В. Мехонцев, «важность связей с общественностью наглядно видна в процессе формирования гражданского общества, где они становятся не просто подручным средством, а одним из важнейших инструментов регулирования отношений в обществе, одной из возможностей нахождения компромисса по самым острым вопросам взаимодействия официальных или коммерческих организаций и структур с общественностью, с аудиторией или электоратом» [8, с. 2].

К числу важнейших форм коммуникативной деятельности в сфере общественной дипломатии относятся переговоры. Переговоры в общественной дипломатии – это организованный процесс межличностного взаимодействия субъектов широкой общественности, гражданского общества, ориентированный на налаживание отношений, разрешение конфликтных ситуаций или развитие сотрудничества, и предполагающий совместное принятие общественно значимых решений для их реализации во внешней и внутренней политике государства, на международной арене. Результаты общественных дипломатических переговоров воплощаются в различных соглашениях, общественных договорах могут обладать различным социальным статусом, разной обязательной силой, могут быть двусторонними и многосторонними, формальными и неформальными.

К техническим средствам общественной дипломатии относятся средства информации: печатные средства – газеты, журналы, книгоиздание; электронные средства массовой информации – телевидение, радио, Интернет; различные средства связи – мобильные телефоны, коммуникаторы, планшеты.

Следует отметить, что в России общественная дипломатия относится к новым видам социальной деятельности и находится на стадии своего становления. Как правило, общественная дипломатия осуществляется в русле внешней, а также внутренней политики. Согласно определению, разработанного российским ученым-политологом В.Г.Ледяевым, политика – «это отношения господства и подчинения, переговоров, торга, соглашений и компромиссов между различными субъектами, преследующими различные политические цели» [6, с. 336].

В соответствии с вышеизложенным общественная дипломатия свою нишу в политике занимает там, где различным сообществам людей нужно договариваться, вести диалог, переговоры, находить взаимоприемлемые решения и продвигать интересы своих сообществ, используя «мягкую силу» общественной власти и другие средства общественной дипломатии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Данкин Д. М.* Доверие. Политологический аспект. (Серия «За Нашу и Вашу безопасность»). – М.: ИнтелТех, 1999. – 224 с.
2. Делиберативная модель демократии как один из путей ее совершенствования (концепция Ю. Хабермаса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravovestnik.ru/?p=15>
3. Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120217_gene_sharp_revolutions_interview.shtml
4. *Касюк А. Я.* Направления глобализации в мире и России // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: МГЛУ, 2015. – С. 56–68. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Сер. Общественные науки).
5. Книга правителя области Шан / пер. Л.С.Переломова. – М.: НИЦ Ладомир, 1993. – 325 с.
6. *Ледяев В. Г.* Политология: Лексикон. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 455 с.
7. *Маркс К.* Капитал. Вторая книга. Процесс обращения капитала // Соч.: в 49 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – 496 с.
8. *Мехонцев В. В.* Общественная дипломатия и связи с общественностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diplomatica.ru/?pl=page&id=98&lng=ru>
9. Рынки, обладающие выраженными показателями мягкой силы, привлекают больше прямых иностранных инвестиций [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/pressreleases/txt.asp?id=248000>

10. *Joseph S. Nye*. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Do It Alone. – N. Y.: Oxford University Press, 2003 – 328 p.

Вестник МГЛУ. Выпуск 26 (737)
Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Выпускающий редактор
д-р филос. наук, проф. И. К. Харичкин

Редактор
Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 10.11.2015 г.
Объем 14,4 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1343

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна